

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

№ 6
1 · 9 · 2 · 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва ГСП, 10, ул. Фрунзе, 10, телсф. №№ 2-38 97, 3-37-40

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ

ГОДИЗДАНИЯ
ПЕРВЫЙ

на 1929 год

ГОДИЗДАНИЯ
ПЕРВЫЙ

НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Редакционная коллегия: С. А. Бессонов, Л. Н. Крицман, А. Ф. Кон, А. Леонтьев, А. С. Менделсон, В. П. Милютин, Л. К. Мартенс, С. Л. Ронин

Журнал „ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ“

ПОСВЯЩАЕТСЯ УГЛУБЛЕННОЙ РАЗРАБОТКЕ ВОПРОСОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЭКОНОМИИ, ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ИСТОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Содержание вышедших №№

№ 1.

О ТРЕДКАЦИИ

Статья:

МЕНДЕЛЬСОН А. Хозяйственные задачи 1928—1929 г. — КОН А. О содержании понятия „равновесие производства“ — МОТЫЛЕВ В. О типе индустриализации СССР. — ХМЕЛЬНИЦКАЯ Е. Марксова теоретическая экономия и специальные экономические науки. — ЭВЕНТОВ Л. О природе длительных колебаний в капиталистической динамике. — БЛЮМИН И. К вопросу о кризисе австрийской школы. — КАЦ Вл. Народный доход СССР в разработке буржуазной экономической мысли.

Трибуна:

БЕССОНОВ С. А. Против выхолащивания марксизма. — РАСКИН Б. Судный финансовый и производственный капитал.

Библиография:

БЕССОНОВ С. А. О. Ермакский. Теория и практика рационализации. — ЛЕОНТЬЕВ А. М. Рубинштейн. Капиталистическая рационализация.

№ 2.

Статья:

ГРИНЬКО Г. План социалистического наступления. — ХМЕЛЬНИЦКАЯ Е. Проблемы прикладной экономии в новейшей буржуазной литературе. — ЭВЕНТОВ Л. О природе длительных колебаний в капиталистической динамике. — ШАПИРО Д. Пути и перспективы кустарного производства.

Трибуна:

БЕССОНОВ С. А. Против выхолащивания марксизма. — РАСКИН Б. О природе денег в переходный период.

Библиография:

ДАШЕВСКИЙ Г. Т. П. Муц. Имперализм и мировая политика. — НАДЕЖДИН Л. Ф. Петри. Социальное содержание ценности Маркса — ГЕРЦЕНШТЕЙН А. С. Губерман. К теории капиталистического рынка и кризиса. — СЕГАЛЬ Д. М. Кривяцкий. Теория заработной платы германской социал-демократии. — БОГОЛЕПОВ Г. Болдырев. Лекции по финансовой науке.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: с прилож. на 1 год—24 р., без прилож. на 1 год—12 р., на 1/2 года—6 р. 50 к.

ПОДПИСКУ И ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва ГСП, 10, ул. Фрунзе, 10. ИЗДАТЕЛЬСТВУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Для сдачи подписки в Москве звонить по телефонам 6-71-38, и 3-37-40

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по первому требованию БЕСПЛАТНО

№ 3.

Статья:

ЛЕОНТЬЕВ А. Сумерки капитализма в освещении его апологетов. — КАЦ В. Л. О распределительных и налоговых отношениях в СССР. — БЛЮМИН И. Теория Дила. — ФЛАКСЕРМАН Ю. Проблема энергетики в генеральном плане.

Трибуна:

РУБИН И. Против вульгаризации марксизма. — ЛИВШИЦ Б. Квясенно проблемы конъюнктуры.

Библиография:

ЛЮСИН А. М. Спектатор. Мировое хозяйство до и после войны. — КАТИЦЫШ М. В. Гроткопф. Шведский спичечный трест. — БРОЙДЕЗ Шведский спичечный трест. — КЕЛЛЕР В. Кабо Е. Очерки рабочего быта, ч. I. — КУКЕЛЬ-КРАЕВСКИЙ С. Фабрично-заводская промышленность СССР. Силовый аппарат, энергетический и топливный баланс.

Научная жизнь:

Проблема энергетики в генеральном плане (прения по докладу Флаксермана в под/секции техники Комакадемии). Экономическая энциклопедия.

№ 4—5.

Статья:

ЛЕОНТЬЕВ А. Организованный капитализм и хозяйственная демократия. — КУЗОВКОВ Д. Перерождение налогов в переходный период. — ШАНИН Л. Prolegomena к теории советского банка. — БЛЮМИН И. Теория Шпанна. — ВЕЙЦ В. К характеристике рационализации союзной промышленной энергетики.

Трибуна:

РУБИН И. Против вульгаризации марксизма. — САЙГУШКИН М. Абстрактный труд как материалистическая категория.

Библиография:

РУБИНШТЕЙН М. В. Зомбарт. Современный капитализм. — БЕРНШТЕЙН А. О. Моргенштерн. Хозяйственный прогноз. — КИЗРИН И. И. Литвинов. Экономические последствия столыпинского аграрного законодательства. — БОЧАРОВ Е. Об одном важном проблеме в нашей экономической науке и литературе.

Научная жизнь:

Диалектическое развитие категорий в экономической системе Маркса—Домлад РУБИНА И. И.—Солоклад БЕССОНОВА С. А.—Прения. Заключение слово БЕССОНОВА С. А.—Заключительное слов РУБИНА И. И.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6
1929

Главлит № А 46085. ИКА 541. Зак. № 2404. Статформат Б, 176×250 мм. Тираж 3.000.

«Мосполиграф» 14-я тип. Варгунихива гора. 8.

А. Мендельсон

· КОН'ЮНКТУРА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

I. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вопросами кон'юнктуры у нас в СССР занимаются систематически вот уже несколько лет. Систематически печатаются кон'юнктурные обзоры народного хозяйства в целом и обзоры отдельных его отраслей. В порядке кон'юнктурных наблюдений собирается огромный статистический материал. Между тем до сих пор — насколько нам известно — не сформулировано, что является объектом кон'юнктурной работы у нас в условиях переходного периода.

Основные черты переходного периода обрисовываются в достаточной мере ясно, по крайней мере, в отношении пройденного этапа. Те, кто работают над кон'юнктурой, те, кто занимаются проблемами экономики переходного периода и пытаются осмыслить конкретный материал, поставляемый кон'юнктурными обзором, должны иметь организующую идею этой работы. Решение целого ряда вопросов методологии и программы кон'юнктурных исследований может быть дано лишь при условии, если будет установлено содержание, которое мы вкладываем в понятие кон'юнктуры в условиях переходного периода.

Нам приходилось уже касаться, в самых общих чертах, вопроса о сущности кон'юнктуры в СССР¹.

II. СУЩНОСТЬ КОН'ЮНКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Понятие кон'юнктуры заимствовано из арсенала понятий, при помощи которых мы осознаем капиталистический хозяйственный процесс. Мы перенесли его к нам так же, как и понятие цены, прибыли, заработной платы и т. п. И подобно тому, как для нас все эти категории в условиях переходного периода наполняются особым специфическим содержанием, точно так же и понятие кон'юнктуры должно быть насыщено специфическим содержанием.

Можно ли воспользоваться каким-нибудь из тех определений кон'юнктуры, которые в ходу на Западе и сформулированы в работах авторов, пользующихся авторитетом в вопросах кон'юнктуры? Мы остановимся лишь на некоторых определениях. «Кон'юнктура — это есть соотношение спроса и предложения на каком-либо рынке, — соотношение, в высшей степени не поддающееся исчислению и воздействию и подверженное постоянному изменению. Оценка этого соотношения зависит от того, выражается ли оно или нет в рентабельности отдельных хозяйств обусловленной ценой и формой продажи»². Или — «эти колебания производства и потребления, спроса и предложения

¹ А. Мендельсон. Проблема кон'юнктуры. Изд. Комм. акад., 1928, с. 22 — 27.

² Проф. Вильгельм Репке. Кон'юнктура. Фин. изд. НКФ СССР, М., 1927, с. 19—20.

вокруг состояния равновесия представляют столь закономерное явление, что проявляющееся в них волнообразное движение хозяйственной жизни можно рассматривать как закономерное в ней, т. е. как ее нормальное состояние. Это волнообразное движение в целом, линии которого выступают то более, то менее резко, эту постоянную смену, которой подчиняется вся паша хозяйственная жизнь, называют обыкновенно сменой конъюнктуры; смотря по тому, носит ли это волнообразное движение с точки зрения производства благоприятный или неблагоприятный характер, говорят о благоприятной или неблагоприятной конъюнктуре»¹. Цитированные определения принадлежат Репке и Момберту, авторитетам в вопросах конъюнктуры на Западе. То и другое определения разработано в применении к капиталистическому хозяйству.

Можно ли подойти с пониманием конъюнктуры, аналогичным приведенным, к нашему хозяйству? Практика нашей работы далеко перешагнула за те рамки, которые намечены в приведенных выше цитатах. И тем более удивительной, когда мы находим полное отражение приведенных выше определений в работе, вышедшей совсем недавно у нас в СССР: «мы пришли к заключению, что экономическая действительность представляет собою совокупность волнообразных движений различных экономических элементов, колеблющихся около своих изменяющихся уровней равновесия. Эти волнообразные движения около меняющихся уровней равновесия мы называем конъюнктурными колебаниями. Под конъюнктурой же мы понимаем совокупность условий, определяющих эти отклонения. Подобное словупотребление кажется нам вполне целесообразным, ибо хорошая или пониженная конъюнктура какого-либо товара или другого экономического элемента, например, рабочей силы, складывается из взаимоотношений волнообразных движений означенных явлений около их уровней равновесия. В самом деле, если бы изменение экономических элементов протекало по уровням равновесия, то в таком случае не было бы ни конъюнктурных колебаний, ни какой-либо конъюнктуры»². Специфические задачи ставятся приведенными выше определениями конъюнктурному анализу. Некоторое знакомство с ведущейся у нас уже работой сразу ставит вопрос о непригодности в наших условиях тех трактовок, которые нами приведены.

При выяснении сущности конъюнктуры в условиях капиталистического хозяйства мы пытались сконструировать содержание этого понятия, опираясь на всю систему марксовской теоретической экономики. Мы пытались включить понятие конъюнктуры в систему ранее развитых понятий. Идя таким путем, мы пришли к выводу, что конъюнктура, это — капиталистический процесс воспроизводства *in concreto*. Заимствование этого понятия для наших условий обязывает к соответственному изменению его содержания. И для хозяйства СССР конъюнктура — это процесс воспроизводства экономики переходного периода в его конкретном выражении.

Можно поставить вопрос иначе. У нас ведется конъюнктурная работа. Что сделать содержанием этой работы: анализ «колебательных» движений или процесс воспроизводства как таковой? Нам кажется, что даже для капиталистического хозяйства конъюнктура как «колеба-

¹ Проф. П. Момберт. Введение в изучение конъюнктуры и кризисов. Гиз, с. 9.

² Д. И. Опарин. Конъюнктура и рынки. Изд. «Техника управления», М. 1928, с. 251—252.

тельные движения» начинает терять свое значение. В этом смысле по крайней мере высказался один из наиболее тонких знатоков современного капитализма и сторонник кон'юнктурного аспекта при анализе процесс воспроизводства — В. Зомбарт¹. В том же смысле высказывается Гармс. Он считает, что «исследовать кон'юнктуру значит обосновывать общую динамику хозяйственной жизни и разнообразие обуславливающих ее причин»². Основанием для таких высказываний служит та рационализация хозяйственного процесса, которая сейчас осуществляется благодаря монополистическим образованиям эпохи финансового капитала — трестам, синдикатам и т. п. Но все эти монополистические образования — при всей их мощи — лишь эмбрион тех образований, которые развернутся на их месте после социальной революции при диктатуре пролетариата в условиях переходного периода. Достаточно яркий пример мы имеем в экономике СССР с его организационными формами и возможностями рационализации хозяйственного процесса. Для экономики переходного периода совершенно исключительное значение приобретает познание природы процесса воспроизводства в его конкретном выражении как предпосылка планирования. И совершенно незначительную роль — чтобы не сказать никакой — играют «колебательные движения», которые могут быть объектом исследования попутно — между прочим — при анализе процесса воспроизводства. Независимо от того, как решается вопрос о включении «кон'юнктуры» в систему понятий теоретической экономики в условиях капиталистического хозяйства, для экономики переходного периода — в порядке постановки цели для кон'юнктурных исследований, при выборе объекта этих исследований, — таким объектом должен быть процесс воспроизводства в его конкретном выражении. При постановке вопроса в двух приведенных выше определениях кон'юнктуры лишается смысла самая работа.

III. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КОН'ЮНКТУРЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Если исходить из развитого нами понимания кон'юнктуры, то, очевидно, специфические черты кон'юнктуры в условиях переходного периода — это специфические черты процесса воспроизводства переходного периода. В основном они сводятся к следующему.

Прежде всего при анализе процесса воспроизводства в наших условиях нужно иметь в виду социальное содержание этого процесса. Результат Октябрьской революции — изменение элементов социального массива России дореволюционного периода после превращения ее в СССР и перестройка социальных связей. Мы имеем, во-первых, выпадение целого класса — землевладельцев, мы имеем иную расстановку классов — во-вторых, и, наконец, в-третьих — иное, чем в капиталистических условиях, соотношение сил оставшихся классов. Две принципиально различные конфигурации классовых сил — при диктатуре буржуазии и при диктатуре пролетариата — вот что в первую очередь отличает развертывание процесса воспроизводства в условиях капиталистических и в условиях переходного периода. Классовая борьба сохраняется и в условиях переходного периода, поскольку остаются классы

¹ Cp. Werner Sombart. Die Wandlungen des Kapitalismus. «Weltwirtschaftliches Archiv». 1928, 28 Band. Heft. 2, S. 251—252.

² Cp. Bernhard Harms. Strukturwandlungen der Weltwirtschaft. «Weltwirtschaftliches Archiv» 1927, 52 Band, Heft 1. S. 50.

с их противоречивыми интересами, но формы борьбы, содержание борьбы и расстановка сил в этой борьбе совершенно иные по сравнению с тем, что происходит в сосуществующих капиталистических образованиях. И для экономики переходного периода сохраняет свою силу требование, чтоб при анализе экономических процессов всегда перед глазами был субстрат экономических явлений — общество с его специфической структурой.

Анализ процесса воспроизводства, в качестве предпосылки, требует ответа на вопрос об основном законе развития данной экономической формации. В капиталистических условиях объяснение процесса воспроизводства исходит из категории, лежащей в основе всех прочих категорий капиталистической формации, — из категории стоимости. В наших условиях мы не можем опереться на эту категорию. В том виде, как она действует в капиталистических условиях, ее у нас нет. Вопросу о категории стоимости в условиях переходного периода мы посвятили специальную статью¹. На этом вопросе мы не будем подробно останавливаться. Но в данной связи, поскольку мы стремимся охарактеризовать основные моменты процесса воспроизводства, нужно отметить следующее. Основной закон, определяющий собой развитие любой общественной формации — это закон пропорционального распределения трудовых затрат. Если принять обозначения, использованные нами в упомянутой статье, то категория, лежащая в основе движения простого товарного хозяйства, — это $TЗw_1$, капиталистического хозяйства — $TЗw_2$, развернутого социалистического или коммунистического хозяйства $TЗ$. В наших условиях, представляющих собой комплекс различных формаций, с характерной для каждого уклада формой проявления трудовых затрат, категория трудовых затрат проявляется пока в иррациональной стоимостной — денежной оболочке. Это $TЗw_{„„}$ для всей системы экономики переходного периода отличное и от $TЗw_1$ — категории стоимости в условиях простого товарного хозяйства, и от $TЗw_2$ — категории стоимости в капиталистических условиях, и $TЗw_3$ — трудовых затрат в иррациональной, стоимостной оболочке, поскольку мы не владем искусством считать трудовые затраты в их натуральном выражении — в обобществленном секторе. Поскольку мы имеем единую систему хозяйства переходного периода, постольку в основе его лежит единая категория $TЗw_{„„}$, отличающаяся и от категории стоимости в условиях капиталистических и от категории стоимости в простом товарном хозяйстве, и от категории трудовых затрат в рациональной форме, характерной для развернутого социалистического хозяйства. Решающую роль играет в наших условиях категория $TЗw_3$, накладывающая свою печать на развитие и движение категорий прочих формаций.

Следующий момент, который нужно отметить при характеристике процесса воспроизводства в условиях переходного периода, — это трансформационная сущность его, интенсивно меняющийся характер и взаимоотношений между элементами системы и самих элементов. Эта черта является весьма существенной. Процесс изменения элементов и взаимоотношений между элементами происходит в любой общественной формации. История капиталистического хозяйства знает торговый

¹ А. Мендельсон. Категория стоимости в условиях переходного периода. «Плановое хозяйство», 1927, № 6. В дальнейшем пользуемся терминологией, примененной в этой статье. Употребляя данную терминологию, подчеркиваю, что, само собой разумеется — с изменением формы меняется и содержание закона.

капитал, промышленный и финансовый капитал. Характер взаимоотношений между капиталистической формацией и простым товарным хозяйством на протяжении стапятидесятилетнего периода менялся. Внутри самой капиталистической формации непрерывно происходили и происходят изменения, которые являются предпосылками и условиями превращения — через революцию — капиталистического хозяйства в социалистическое. Трансформационный процесс присущ любой общественной системе.

Трансформационный процесс в условиях переходного периода отличается специфическими чертами. Во-первых, в качестве новой формации в число укладов, входящих в систему хозяйства переходного периода, входит формация социалистическая — обобществленный сектор. Наличие этой формации делает принципиально отличной систему экономики переходного периода от других экономических систем. Борьба за свое утверждение и господство создает высокий тонус во взаимоотношениях между секторами — ведется интенсивно. В установившейся системе — простом товарном хозяйстве, капиталистическом или развернутом социалистическом — нет необходимости в такой интенсивной борьбе. Наконец, специфичен самый метод проведения трансформации — метод реконструкции. Реконструкция идет по линии технической, социальной и экономической: технический базис передается в плановом порядке, а не стихийно, реконструируется социальный массив и связи между его отдельными частями, перестраиваются экономические связи в соответствии с новым содержанием производственных отношений.

Специфическую печать на процесс воспроизводства в условиях переходного периода накладывает телеологический характер развертывания системы. Общее в капиталистическом обществе и в обществе переходного периода — наличие классов здесь и там, государственная форма организации общества. Принципиальное различие: в одном обществе — диктатура буржуазии, в другом — диктатура пролетариата. Если капиталистическое государство является формой организации господства и диктатуры буржуазии, то нельзя ли констатировать телеологический характер развития капиталистического общества и поставить в этом отношении знак тождества между капиталистическим обществом и обществом переходного периода? Не ведет ли буржуазия, располагающая государственным аппаратом и экономическими приводами, все общество к какой-то определенной цели? Анализ целеустремлений буржуазии и пролетариата дает отрицательный ответ на поставленные выше вопросы. Буржуазия, как класс, конституируется — помимо наличия прочих моментов — ее установкой на извлечение прибавочной стоимости. Под этим знаком осуществляет она свою диктатуру. Но самая эта цель делает невозможной постановку ее (этой цели) в качестве цели других классов, потому что извлечение прибавочной стоимости предполагает наличие других классов, или — как минимум — еще одного класса — пролетариата, как объекта, как условия осуществления эксплуатации. Не может буржуазия вести к своей цели пролетариат потому, что это равносильно отрицанию самой цели. Антиподы по своей природе, сосуществующие в капиталистическом обществе классы — буржуазия и пролетариат — формулируют для всего общества прямо-противоположные цели. Это одно уже подрывает попытку трактовать капиталистическое общество как телеологическую систему. Могут сказать, что противоречия цели сохраняются и для

общества переходного периода, поскольку там сохраняются классы. Но в данном случае имеется разница и притом разница весьма существенная: буржуазия в стремлении к осуществлению своей цели должна стремиться к сохранению своего антипода — пролетариата, как условия и предпосылки своего существования как класса; рабочий класс в стремлении к осуществлению своей цели — построению развернутого социалистического общества — делает ставку на уничтожение своего антипода и построение бесклассового общества. В перспективе противоречащие друг другу постановки целей — в условиях капиталистического общества сохраняются; в условиях общества переходного периода уничтожаются, благодаря элиминированию одной из постановок — буржуазной — вместе с элиминированием буржуазии из системы общества переходного периода, развертывающегося в общество социалистическое.

Мало того, при всем единстве в устремлении к единой цели — к извлечению в максимальных размерах прибавочной стоимости — буржуазия далеко не одина в практическом осуществлении своего идеала. Форма взаимоотношений капиталистов в процессе осуществления ими своей экономической роли — это конкуренция. Модификация конкуренции в условиях монополистических образований эпохи финансового капитала отнюдь не состоит в смягчении конкурентной борьбы; наоборот, при наличии крупных объединений борьба заостряется, и методом решения спорных вопросов становится вооруженная борьба, когда спорящие стороны говорят языком пушек и т. п. В осуществлении своей цели буржуазия не одина и тем самым не может перед обществом в целом ставить единую цель.

В противоположность этому, как в постановке своей цели — построению развернутого социалистического общества, — так и в методах осуществления цели пролетариат един. К единству, а не разобщению ведет также та форма взаимоотношений между отдельными представителями рабочего класса и между отдельными его группами в строительстве социализма, которая под названием социалистического соревнования так быстро начала завоевывать позиции в наших условиях. С момента установления диктатуры пролетариата и овладения им командными высотами, развертывание процесса воспроизводства подчиняется — в меру овладения стихийными моментами движения — стремлению к определенной цели. Телеологический характер процесса воспроизводства тем больше реализуется, чем дальше развертывается движение в условиях переходного периода, чем больше отесняются стихийные моменты и чем больше укрепляются моменты плановые.

Планирование в масштабе народного хозяйства есть специфический метод хозяйствования при диктатуре пролетариата в условиях переходного периода. По цели, масштабу и методам планирование в своем воздействии на процесс воспроизводства отличается от плановых попыток в условиях капиталистического хозяйства. Народнохозяйственный масштаб, в противовес интересам отдельного хозяйственного образования — как бы велико оно ни было по количеству участников и по своим ресурсам, — движение к развернутому социалистическому строю — в противовес стремлению к извлечению прибавочной стоимости, опора на командные высоты (национализированные — земля, промышленность, транспорт, кредит и т. д.) и частно-собственные ресурсы отдельных предприятий или их объединений — вот что отличает условия, возможности, диапазон и эффективность плани-

рования в условиях переходного периода от «планирования» в условиях капиталистических. Механизм процесса воспроизводства всего народного хозяйства, форма его развертывания, стиль движения в условиях переходного периода не могут не отличаться коренным образом от того, что происходит в условиях капиталистических. Ножницы, которые получаются между заданиями-проектировками народнохозяйственного плана и реальным течением хозяйственного процесса, свидетельствуют о наличии классов, элементов стихии и недостаточном еще познании закономерностей данного этапа экономического развития. Но и наличие «ножниц» между планом и его выполнением не устраняет факта развертывания процесса воспроизводства — при планировании в народнохозяйственном масштабе — на принципиально иной основе, чем в условиях капиталистических.

Специфической формой движения капиталистического хозяйственного процесса является цикл. Постоянная смена фаз — кризиса, депрессии, подъема — при трехфазном членении цикла — вот что характеризует собой форму движения народнохозяйственного процесса в капиталистических условиях. Если исходить из развитого нами понимания конъюнктуры, то в качестве одной из специфических особенностей конъюнктуры в условиях переходного периода нужно отметить черту негативного характера — адиклический характер развертывания процесса воспроизводства в наших условиях. Цикл в той форме и с тем содержанием, как он дан в условиях капиталистических, нам неизвестен. Решение вопроса о цикле в наших условиях основывается не на констатации факта отсутствия его на протяжении истекшего периода хозяйственного развития. Невозможность циклического характера движения в стиле движения капиталистического народнохозяйственного или мирохозяйственного процесса должна и может быть обоснована на теоретической интерпретации природы нашей экономики и экономики капиталистической.

В конечном счете последнюю причину, вызывающую капиталистический цикл, является закон стоимости. На основное противоречие — противоречие между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения — наслаивается ряд других противоречий, среди которых не последнее место занимает противоречие между производством и потреблением. Особые законы, которым подчиняется в капиталистических условиях движение цен, образование цены производства, явления в области нормы прибыли, законы, которым подчинен кредит, — вот та совокупность производных по отношению к закону стоимости моментов, которые в своей совокупности должны быть привлечены для объяснения цикла. Анализ противоречивой по своему существу капиталистической системы в ее движениях показывает, как в процессе движения ряд заложенных в системе противоречий нарастает, и на определенной стадии становится неизбежным взрыв этих противоречий в форме кризиса, который в то же время является и разрешением противоречий. Капиталистическому хозяйственному процессу имманентен ряд противоречий, имманентно также диалектическое разрешение этих противоречий в процессе движения посредством кризиса: пропорциональность элементов системы (равновесие) устанавливается через постоянное нарушение пропорциональности, причем всему процессу движения свойственны известный ритм и однотипность фаз, на которые расчленяется каждый законченный цикл. Не останавливаясь в данной связи на более подробном анализе капиталистического цикла,

мы констатируем автоматизм движения цикла, обусловленный заложенными в капиталистической системе моментами — это именно характерно для капиталистического цикла.

Если мы примем, что имманентные капиталистической экономике моменты, а не какие-то внешние условия приводят к тому, что капиталистическое хозяйство в своем движении проделывает циклическую фигуру и иным, чем циклическим, оно не может быть, то тогда ясен ответ на вопрос о циклах в условиях нашей экономики. Ни о категории стоимости капиталистического хозяйства — $T\bar{Z}w_2$, — ни о законе стоимости, как основе нашего хозяйства, говорить не приходится. Нет в экономике переходного периода и ряда других моментов, обуславливающих цикл в капиталистическом хозяйстве: конкуренции, цены производства, нормы прибыли в капиталистической трактовке. Кредит у нас функционирует на совершенно иных основах. Раз нет предпосылок, приводящих к определенным следствиям, как будто бы не должно быть места и следствиям: нет оснований считать, что у нас может быть цикл в стиле капиталистическом. Тот, кто захочет говорить о циклах в отношении экономики переходного периода, должен будет либо доказать наличие в этой экономике тех моментов, о которых мы говорили, как специфически капиталистических, либо обосновать цикл по-иному, вывести его из иных оснований. Все то, что характерно для экономики переходного периода, говорит об отсутствии предпосылок циклического развертывания: и метод хозяйствования — планирование, и природа категорий $T\bar{Z}w_{„„}$, и образование той категории, которая соответствует норме прибыли в условиях капиталистических, и роль кредита и т. д. — все это говорит за то, что у нас нет и не может быть циклического движения, аналогичного циклическому движению капиталистического хозяйства.

Вряд ли можно на наш взгляд обосновать какой-то особый вид циклическости в наших условиях на факте одновременного массового обновления и создания основного капитала. В капиталистических условиях это положено Марксом в основу объяснения периодичности кризисов. Нам представляется, что массовое одновременное обновление основного капитала приводит к периодичности кризисов именно в контексте прочих условий капиталистического хозяйства. В наших условиях вовсе необязательно какое-то спазматическое движение в дальнейшем в связи с ведущимся в настоящее время капитальным строительством. Отсутствие прочих условий капиталистического хозяйства и наличие перспективных планов — предпосылки, служащие достаточно основательной гарантией того, что на этой основе не возникнет цикл с его фазами — кризисом, депрессией и подъемом. Повторяем, анализ процесса воспроизводства экономики переходного периода на данной стадии не дает возможности вскрыть экономические предпосылки циклической формы движения. Тем самым решается и вопрос о кризисах.

Кризис перепроизводства, имманентный капиталистическому хозяйству и обуславливаемый специфической природой этого хозяйства, не может иметь места как автоматически повторяющееся явление в условиях переходного периода. Понятие кризиса мы можем заимствовать из арсенала понятий, при помощи которых мы осознаем капиталистическую экономику так же, как мы заимствуем целый ряд других понятий. Но нужно сразу же заметить, что между кризисом в условиях переходного периода и кризисом в условиях капиталистических так же

мало общего, как и между ценой, прибылью и т. д. в тех и других условиях. Решающее значение кризиса в капиталистических условиях в том, что это — метод разрешения противоречий, развивающихся в процессе движения капиталистического хозяйства, чего отнюдь нельзя сказать о наших «кризисах». Помимо того, что «кризисы» в наших условиях — по крайней мере за истекший период — были кризисами не перепроизводства, а наоборот — недопроизводства — не они являются основным методом разрешения противоречий и диспропорций, возникающих в процессе движения. Основным методом разрешения противоречий — приведение в систему, установление пропорциональности частей в порядке конструирования плана и применения тех или иных мероприятий в порядке манёвра с использованием исключительных возможностей, предоставляемых владением командными высотами. Дело не в терминах — можно пользоваться и словом «кризис». Но нам представляется, что более подходил бы для наших условий все более получающий права гражданства термин «трудности», «затруднения». Мы не говорим, что у нас нет и не может быть кризисных явлений или затруднений, что нас целиком гарантирует от этого плановое ведение хозяйства. Но мы считаем, что не кризис перепроизводства есть та форма, в которой обнаруживаются назревающие в нашем хозяйственном развитии противоречия и не кризис есть метод разрешения этих противоречий.

Помимо цикличности при анализе кон'юнктуры в капиталистических условиях приходится иметь дело с явлениями сезонности. Характерна ли и для экономики переходного периода сезонность ряда явлений? Сомнений на этот счет не может быть. Стоит просмотреть кривые движения продукции по месяцам, денежной массы, безработицы и т. д., как сезонность этих явлений выступает совершенно явно. Но уже сейчас можно отметить, что в перспективе в этой области должны произойти значительные сдвиги отчасти в связи с техническими достижениями, главным же образом — в связи с усилением планового начала. В нашем хозяйстве имеется целый ряд предпосылок для того, чтобы свести к минимуму явления сезонности, поскольку сезонность — результат стихийных моментов. В области производства сезонность сохранится в сельском хозяйстве, вероятно, еще далеко за пределами генерального плана. Но в области промышленного производства мы стоим на пути изживания сезонности со всеми ее отрицательными следствиями¹. При новых методах капитального строительства строительный сезон будет значительно растягиваться и мертвая полоса сможет быть сведена к минимуму. Сезонность в ряде других областей народного хозяйства определяется в значительной мере тем, что продукция в значительной своей массе поступает в оборот сразу. Отсюда — сконцентрированная на коротком отрезке времени потребность в денежных средствах у одних организаций, появление относительно больших денежных средств, а тем самым вздутие платежеспособного спроса в других сферах, неравномерное распределение и спроса и предложения во времени. При плановом ведении хозяйства имеется ряд предпосылок для того, чтобы избежать такого неравномерного — в связи с явлениями сезонности — распределения во времени и в пространстве хозяйственных процессов. Мы стоим на пути к значительному

¹ Например, — сушка сахарной свеклы и переход от сезонного к непрерывному сахарному производству — дело, по всей вероятности, недалекого будущего и за границей и у нас.

изменению явлений сезонности, к сглаживанию их и тем самым к значительному изменению формы проявления процесса воспроизводства в условиях переходного периода.

Таким образом, и социальное содержание хозяйственного процесса и так называемый регулятор его, и интенсивный трансформационный характер с его методами реконструкции, и телеологичность процесса, и методы хозяйственного планирования, и отсутствие цикличности, и специфическая природа «кризисов», и даже явления в области сезонности,— все это накладывает специфическую печать на процесс воспроизводства в его конкретном проявлении и тем самым на конъюнктуру в условиях переходного периода.

Мы отнюдь не исчерпали специфических особенностей конъюнктуры в условиях переходного периода. Да мы и не ставили себе такой цели. В поисках организующей идеи для конъюнктурных наблюдений мы попытались сформулировать основное и самое важное как предпосылку для конкретной работы. Лишь тщательное и систематическое изучение конкретной материи хозяйственного процесса в условиях переходного периода может вскрыть самый механизм процесса воспроизводства и придать исчерпывающую полноту и теоретическую стройность тому предварительному, эскизному наброску, который дан в предшествующих строках: от организующей идеи — через освоение и проработку конкретного материала — к построению законченной теории.

IV. ЗАДАЧИ КОНЪЮКТУРНОГО АНАЛИЗА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Трактовка конъюнктуры в наших условиях, как процесса воспроизводства в условиях переходного периода в его конкретном выражении, обязывает к постановке специфических задач перед конъюнктурным анализом. Под знаком плана ведется наше хозяйство. Даются задания в разных областях.

Основной задачей конъюнктурного исследования должен быть анализ выполнения плана. При наблюдении процесса воспроизводства под углом зрения выполнения плана задача конъюнктурного анализа сигнализировать — где образуются ножницы между намеченным планом и его выполнением, давать оценку этим расхождениям. Анализ выполнения плана, вахта на страже развертывания процесса воспроизводства — в этом первая задача конъюнктурного анализа.

Вторая задача — анализ самого плана. Анализ конъюнктуры и самого плана становится особенно актуальным, когда речь идет о более или менее длительном отрезке времени — год, два года и т. д. Сопоставление плана и его выполнения может вскрыть не только дефекты выполнения, но и дефекты самого плана, особенно возможные и даже неизбежные на первых этапах внедрения планового начала, когда еще не познаны в достаточной мере основательно основные закономерности экономики переходного периода, когда нет еще достаточного владения основными приводами, когда зачастую приходится продвигаться на новых путях наощупь. Анализ конкретного процесса воспроизводства — путь к устранению ошибок в самих планах. Сама собой напрашивается отсюда третья задача конъюнктурного анализа — вскрытие закономерностей, присущих анализируемому объекту, — подведение теоретической базы под практику планирования и построения народнохозяйственного плана. Мы лишили бы всякого смысла конъюнктурную работу, если бы не поставили перед ней, — в качестве основной и решающей —

задачу выявления тех закономерностей, которым подчинен процесс воспроизводства в наших условиях.

Наконец, четвертая задача кон'юнктурной работы — это задача давать прогноз на короткий отрезок времени. Кон'юнктурный анализ лишь постольку имеет смысл и значение для практики хозяйствования, поскольку он позволяет делать выводы в области экономической политики. Мы подчеркиваем — предвидение на короткий период времени вперед, как специфическую задачу кон'юнктурного анализа, в отличие от предвидения генеральных линий развития, которые даются в порядке общего теоретического анализа той или иной хозяйственной системы. Маркс вскрыл законы движения капиталистического хозяйства и на основании вскрытых им законов дал прогноз движения этого общества, прогноз уже оправдавшийся на опыте последующего развития капиталистической системы. Такого типа предвидение выходит за рамки кон'юнктурной работы. С другой стороны, по типу своему, по методам построения прогноз в условиях переходного периода не отличается принципиально ничем от построения плана: народнохозяйственный план, построенный на год, полгода, квартал, и прогноз, данный в порядке кон'юнктурной работы — на квартал, полгода, год — по существу, работа одной и той же природы и характера. И методы, применяемые в обоих случаях, не могут принципиально отличаться друг от друга. Математико-статистические операции могут в кон'юнктурном прогнозе в наших условиях найти применение не большее, чем при построении народнохозяйственного плана; математико-статистическое обоснование перспектив народнохозяйственного развития должно быть подчинено экономико-теоретическому обоснованию их. Лишь сочетание качественного и количественного анализа может дать опорные точки для обоснования конкретных проектировок как в порядке построения народнохозяйственного плана в собственном смысле этого слова, так и в проектировках в порядке кон'юнктурного прогноза.

В. ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ КОН'ЮНКТУРЫ

Первый этап кон'юнктурного анализа — фотографирование процесса воспроизводства в его конкретном проявлении на том или ином отрезке времени. Второй этап — и в этом сущность кон'юнктурного анализа — теоретическое осмысливание, интерпретация, оценка полученного материала. Каков критерий этой оценки? И в этой области теснейшим образом переплетаются работа по построению плана и кон'юнктурная работа. Критерий для оценки плана и критерий для оценки кон'юнктуры в очень многом совпадают.

Первый шаг в оценке кон'юнктуры, или — что то же — процесса воспроизводства в его конкретном выражении, — это сопоставление с плановыми заданиями и установление расхождений, если таковые имеются. Поскольку план должен представлять собою продуманную систему взаимоотношений элементов народнохозяйственной системы и поскольку в нем должен быть намечен процесс воспроизводства этой системы, то прежде всего должны быть объяснены и тем самым оценены отклонения от того, что намечено в плане. В зависимости от конкретной обстановки должно расцениваться то или иное отклонение от плана со знаком плюс или минус: лишь в общем контексте народнохозяйственной системы могут быть оценены выявленные отклонения.

Высшим и последним критерием в оценке кон'юнктуры в условиях переходного периода является осуществление основных устано-

вок социалистического строительства: развития производительных сил на основе индустриализации, обобществления, технической реконструкции, перераспределения национального дохода в пользу трудящихся, в первую очередь рабочего класса и т. д. Но наличие этого критерия, значительно упрощающего задачу оценки конъюнктуры в наших условиях, еще не решает задачи. Оценивать нужно конкретную систему элементов в конкретной данности темпов развертывания отдельных ее элементов и пропорций между элементами. В этом — одна из основных задач и конъюнктурного анализа в отношении к прошлому и построения народнохозяйственного плана в отношении к будущему.

Критерий для оценки темпов развертывания отдельных элементов народнохозяйственного целого пока еще не сформулирован. Мы идем ощупью в этой области. Пока можно было бы на наш взгляд наметить следующие опорные точки. По целому ряду элементов оценку темпов можно строить на основе решения задачи «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны, сравнивая намечаемые темпы у нас с тем, что нам предстоит сделать в порядке решения только что упомянутой задачи. Должны быть приняты во внимание и те ресурсы, которые можно мобилизовать для достижения максимального темпа развития того или иного элемента. Наконец, решающим должно быть соответствие темпов развертывания отдельных элементов.

Это подводит нас ко второму моменту, играющему весьма существенную роль при оценке конъюнктуры, — к проблеме пропорций частей системы. Рост продукции отдельной отрасли, рост цен, тот или иной темп эмиссии еще ничего не говорят сами по себе. Лишь вместе, в контексте единой хозяйственной системы могут быть оценены темпы их развертывания.

Для экономики переходного периода сохраняют свое значение две формы соотношений элементов — натуральная и ценностная. Материально-техническое соответствие — совершенно необходимое условие для бесперебойного движения системы в целом в ряде случаев: определенное соотношение темпов развертывания должно быть соблюдено между такими отраслями, как отрасли, производящие руду, чугун, прокат и сталь; определенные пропорции должны быть соблюдены в производстве пряжи и тканей из нее и т. д. Определенные пропорции должны быть между производством продовольствия и потребностью в нем при определенной структуре потребления. В процессе движения, при ярко выраженном реконструктивном характере экономики переходного периода, все упомянутые соотношения и пропорции и ряд других испытывают весьма существенные смещения; их нельзя рассматривать, как застывшие, раз навсегда данные. Все же для каждого данного момента — с такими относительно короткими отрезками времени по преимуществу имеет дело конъюнктурный анализ — существуют определенные минимально необходимые пропорции частей, которые необходимо иметь в виду при оценке конъюнктуры. Вскрыть эти пропорции частей, ибо они пока еще далеко не вскрыты — задача конъюнктурного анализа, который должен давать не описание или, вернее, не столько описание, сколько теоретическую интерпретацию или оценку конъюнктуры. Чем полнее и точнее будет становиться учет хозяйственных явлений по мере развития планирования, тем большую опору будут получать и конъюнктурные работы в части оценки.

Сравнительно просто обстоит дело при анализе материально-технического соответствия развития отдельных частей системы. Гораздо

сложнее — анализ ценностных соотношений элементов. Ясен вопрос об общем уровне цен. Установка на снижение общего уровня — критерий при оценке этого момента. Но когда речь идет о системе цен, о ценностных соотношениях отдельных групп товаров, о соотношениях отдельных товаров внутри групп, то тогда должен быть привлечен целый ряд дополнительных моментов при оценке — как темпов изменений цен отдельных объектов и групп их, так и вновь установившихся или устаиваемых ценностных соотношений.

Проблема оценки кон'юнктуры пока еще не разработана. Оценка в настоящее время представляет собой довольно сложную операцию, составными частями которой являются и проверка выполнения плана (в котором находят свое отражение основные установки социалистического строительства), и анализ темпов, и анализ пропорций элементов единой народнохозяйственной системы. Лишь путем сложного социального, экономического и даже технического анализа может быть добыт тот результат, который является конечной целью кон'юнктурной работы — оценка.

Телеологический характер экономики переходного периода и вся совокупность особенностей, о которых мы говорили выше, создают предпосылки для выработки комплексного народнохозяйственного критерия для оценки кон'юнктуры в наших условиях. Капиталистическое хозяйство — при его структуре, при противоречиях внутри господствующего класса, объективирующихся в конкуренции, — не могло и не может выработать такой критерий. Народнохозяйственный критерий в условиях капиталистических неминуемо должно совпасть с частнохозяйственными интересами той или иной капиталистической группировки. Не случайно В. Репке в своем определении кон'юнктуры оценку связывает с рентабельностью отдельных хозяйств¹.

Постановкой единой верховной цели — трансформации экономики переходного периода в социалистическую — в условиях диктатуры пролетариата создается также возможность выработки единого народнохозяйственного критерия — в генеральных установках конечной цели — для оценки процесса воспроизводства в конкретной данности его элементов, или кон'юнктуры.

VI. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ В ОБЛАСТИ МЕТОДОВ КОН'ЮНКТУРНОГО АНАЛИЗА

Вопросы методологии кон'юнктурного анализа в условиях переходного периода должны быть рассмотрены особо. Некоторых моментов из этой области мы коснулись в предыдущем разделе. Здесь мы остановимся лишь на той стороне методологии кон'юнктурного анализа, которая должна уяснить развитое нами выше понимание кон'юнктуры в условиях переходного периода.

Понимание кон'юнктуры как процесса воспроизводства в конкретном выражении предreshает также и выбор метода кон'юнктурных наблюдений. Симптомный метод, оперирующий отдельными показателями — симптомами, — может иметь лишь весьма ограниченное значение и играет подсобную роль по отношению к основному методу — балансовому или, как мы предпочитаем его называть, — синтетическому. Симптомный метод широко применяется при наблюдении кон'юнктуры в условиях капиталистического хозяйства. Движение цен, биржевых ценностей — недурной показатель кон'юнктуры в условиях свободной

¹ См. В. Репке. Кон'юнктура, с. 19—20.

конкуренции. Но эти показатели даже в условиях капиталистических с течением времени — в фазе финансового капитала в частности — уже в значительной мере теряют свою «чуткость» и показательность в условиях переходного периода тем более они не могут быть достаточными. Роль симптомного метода значительна, если объектом конъюнктурных наблюдений сделать «колебательные» движения народнохозяйственного процесса и ими ограничиться. Если же стать на точку зрения необходимости исследования процесса воспроизводства в целом, то лишь синтетическое рассмотрение показателей, отражающих систему народнохозяйственного целого в движении, может дать удовлетворительное решение задачи.

Нет принципиальной разницы в применении симптомного или синтетического метода при анализе конъюнктуры на длительном отрезке времени или коротком. Когда мы анализируем конъюнктуру на протяжении года, мы рассматриваем систему народного хозяйства на начальный момент анализа, на конечный момент анализа и самый процесс трансформации одной системы связей в другую. Когда мы анализируем конъюнктуру на протяжении месяца — мы проделываем то же самое с той только разницей, что для оценки того, как сложилась система народного хозяйства на протяжении данного месяца, мы сравниваем ее либо с системой, сложившейся в предыдущем месяце, либо — в зависимости от условий анализа — выбираем для сравнения какую-нибудь другую временную точку. Разница между годовым и месячным конъюнктурным анализом не в методе анализа, а в количестве показателей, которые можно привлечь, в полноте картины процесса воспроизводства, которую при помощи показателей можно воспроизвести. Разница, пожалуй, еще и в том, что при анализе конъюнктуры на длительном отрезке времени мы имеем дело с завершенным — в целом ряде элементов — кругом воспроизводства; при анализе конъюнктуры на коротком отрезке времени мы анализируем процесс воспроизводства «на ходу», в стадии развертывания. Но и в первом, и во втором случае — симптомный метод играет подчиненную роль: он поставяет материал, который должен получить свою интерпретацию лишь при применении синтетического метода рассмотрения его.

Подобно тому, как конкретизация плана требует наряду с суммарными, глобальными заданиями также и отраслевой, а затем и районной расшифровки их, точно так же познание процесса воспроизводства в его конкретности требует районного анализа выполнения плана и развертывания хозяйственного процесса. Рассмотрение процесса воспроизводства в районном разрезе, рассмотрение экономических районов — образований с специфическими особенностями и интересами, — анализ районов в их взаимосвязи и взаимодействии — все это должно дополнить и конкретизировать синтетический анализ процесса воспроизводства в масштабе народного хозяйства в целом.

Реконструктивный период ставит большие задачи перед той сферой экономических исследований, которая находится как раз на стыке абстрактной теории и конкретной практики. В области конъюнктурной работы обе эти сферы смыкаются. Выводы абстрактной теории должны здесь находить свое непосредственное применение в практике; богатейший конкретный материал, собираемый в процессе конъюнктурной работы, должен подвергаться абстрактной обработке. Правильное определение объекта конъюнктурного анализа имеет огромное значение. Решению этой задачи посвящена настоящая работа.

ПРОБЛЕМА СТАТИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА В СССР

Наличие разветвленной системы учета является одной из необходимых предпосылок социалистического строительства. Планирование и регулирование народного хозяйства невозможны без конкретных знаний о размерах и структуре ресурсов, которыми располагает страна, об объеме производства и потребления, классовом составе населения и т. д. Конкретный статистический материал о явлениях хозяйственной и социальной жизни страны за какой-либо истекший отрезок времени, напр., за год, служит одновременно двум целям: во-первых, он необходим для проверки выполнения народнохозяйственного плана и, во-вторых, он является базой плановых построений на предстоящий период.

Собирание этого необходимого статистического материала может идти двумя путями. Первый путь — чисто эмпирический: накопление возможно большего количества отдельных сведений, характеризующих те или иные проявления экономической и социальной жизни страны. Такой путь при всем обилии и многообразии отдельных данных может дать не более как описание народного хозяйства, причем, поскольку этот эмпирический метод не гарантирует нам сопоставимости материалов и возможности их синтеза, — это описание будет описанием не целого, а его отдельных частей в разной степени подробности и в разных направлениях. Тем менее такой метод «фотографирования» фактов может привести нас к уяснению основных взаимосвязей элементов народного хозяйства, т. е. отобразить воспроизводство народного хозяйства в целом.

Народное хозяйство есть система, существующая на основе определенных закономерностей, вскрываемых теоретическим анализом; очевидно, что совокупность статистических данных о народном хозяйстве должна отобразить эту систему в данном ее состоянии. Поэтому другой путь конкретного изучения народного хозяйства должен заключаться — в противоположность чисто эмпирическому методу собирания отдельных фактов — в том, чтобы различные данные могли быть уложены в систему, отображающую взаимозависимости основных элементов народного хозяйства. Очевидно, что это превращение суммы статистических данных в систему возможно лишь при условии, что как само наблюдение, так и методы разработки материала увязаны с требованиями некоторой теоретической схемы, существующей до самой практической работы. Таким образом, следует выяснить, какова должна быть теоретическая схема воспроизводства советского хозяйства, и эту теоретическую схему применить затем для построения конкретной статистической таблицы.

Марксом дана теория воспроизводства товарно-капиталистического хозяйства. Возможно ли применение этой теории в условиях советского хозяйства, принципиально отличного по своей природе от хозяйства капиталистического?

В данном случае могут быть двоякого рода сомнения. Во-первых, можно исходить из предположения, что объективные закономерности, лежащие в основе марксовой теории воспроизводства, вообще теряют свое значение в плановом хозяйстве или, по крайней мере, отмирают, будучи вытесняемы фактом субъективного характера, сознательным воздействием организованной воли коллектива. Во-вторых, даже признавая наличие объективных закономерностей в плановом хозяйстве, возможно в то же время считать, что они являются закономерностями особого типа и качества, нежели закономерности стихийного хозяйства. В обоих этих случаях пришлось бы ставить вопрос не о том или ином применении марксовой теории воспроизводства в условиях переходного хозяйства, а о создании совершенно новой теории воспроизводства. Разберем оба эти случая.

Очевидно, что первое предположение — об отсутствии или хотя бы отмирании закономерностей — явным образом противоречит основным принципам диалектического материализма. Никакая хозяйственная система, в том числе и социалистическая, не является царством произвола и «свобода» всегда остается лишь «познанной необходимостью». Как на один из примеров этого «закона необходимости» можно указать на принцип распределения, существующий в социалистическом обществе. Характер этого распределения определяется Марксом как «буржуазный», т. е. не по потребностям, а согласно работе. Общество может этот принцип корректировать до известных границ, но отменить целиком не может: здесь субъективный фактор ограничивается объективными производственными возможностями.

Более существенными, на первый взгляд, представляются указания на особый тип закономерностей советского хозяйства. Для ответа на этот вопрос необходимо ближе рассмотреть основные черты теории воспроизводства Маркса. В этой последней сочетаются две стороны: анализ материального содержания производственного процесса как такового и той формы, т. е. общественной организации труда, в которую этот процесс облечен. Со стороны материального содержания воспроизводство в любой общественной формации представляет собой непрерывное восстановление потребленных (как людьми, так и производственным аппаратом) материальных благ.

Необходимым условием непрерывного воспроизводства и условием внутреннего равновесия системы является известная пропорциональность между частями воспроизведенного продукта, т. е., в сущности, между различными конкретными видами труда. Определенная взаимосвязь элементов общественного продукта, а следовательно и связь отдельных видов конкретного труда представляет собою явление, присущее воспроизводству как таковому, и в этом смысле Маркс говорит, что «необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства» (из Письма к Кугельману, 1868 г.). Сам Маркс всюду указывает на взаимосвязь материальных элементов производства, следовательно различных конкретных видов труда, рассматривая капиталистическое производство как единую систему, лишь формально разобщенную между отдельными внешне-независимыми про-

изводителями. Весь анализ Маркса и имел целью показать, как материально-производственный процесс протекает в условиях капиталистической формы производства, какие противоречия существуют между содержанием процесса и его общественной формой и как в этом диалектическом взаимодействии содержания и формы примат остается, в конечном счете, на стороне содержания производственного процесса.

Рассматривая те элементы общественного продукта, связь между которыми анализируется Марксом, мы видим, что эта связь сохраняет свое значение при изучении воспроизводства любой хозяйственной системы. Специфическим для капиталистического хозяйства является лишь стоимостная форма связи этих элементов. Однако за этой формой скрывается вполне реальное содержание: различные количества отдельных конкретных видов труда.

Стоимостная форма порождает ряд особенностей процесса воспроизводства, которые нельзя оставить без внимания. Но все эти взаимосвязи отнюдь не проистекают из самой стоимостной формы. Так например, деление всего общественного продукта на две группы — группу средств производства и группу средств потребления — никоим образом не утрачивает своего значения для планового или социалистического хозяйства. Это деление отображает нам последовательные стадии производственного процесса, сосуществующие во времени¹. Поскольку средства производства представляют собой, так сказать, незавершенные средства потребления, очевидно, что независимо от стоимостной формы выражения натуральные трудовые затраты I и II подразделений должны находиться в определенной взаимозависимости. Подобного же рода взаимозависимости существуют не только между этими главными подразделениями в целом, но и внутри последних. Так, например, по поводу распределения продуктов I подразделения Маркс пишет: «Если бы производство было общественным, а не капиталистическим, то ясно, что продукты подразделения I в целях воспроизводства с наименьшим постоянством распределялись бы как средства производства между отраслями производства этого подразделения: одна часть непосредственно осталась бы в той сфере производства, из которой она вышла как продукт, напротив — другая переходила бы в другое место производства, и таким образом между различными местами производства этого подразделения установилось бы постоянное движение в противоположном направлении»².

Если теперь взять деление совокупного продукта на C , V и M , то оно в той же стоимостной форме характеризует структуру этого продукта, а именно: C — труд прошлый, а $V+M$ новый труд, выполненный за данный период. Во всех случаях реальная величина этого живого труда ($V+M$) является фондом потребления и производственного накопления общества. Для организованного хозяйства меняется, разумеется, социальное содержание категорий V и M . Если в капиталистическом хозяйстве V есть стоимостная форма, которую принимают средства потребления рабочего класса, а M — фонд потребления буржуазии и накопления, и обе эти категории являются антагонистическими, то в организованном хозяйстве, во-первых, отпадает противоречие между

¹ См. Бухарин, Империализм и накопление капитала.

² Маркс, Капитал, т. II, гл. 20.

V и M , так как весь народный доход находится в распоряжении общества и, во-вторых, V делается суммой потребления производящих работников, а M — фондом потребления непродуцирующего аппарата и общественного накопления.

Все эти примеры убеждают нас в том, что анализ взаимосвязей элементов воспроизводства как в отношении отдельных стадий производственного процесса, так и в отношении различных категорий распределения и потребления — сохраняет свое значение и для переходного хозяйства. Закон равновесия капиталистического хозяйства и есть лишь выражение той объективно-обязательной связи, которая существует между частями общественного производства. Эти взаимосвязи и этот закон равновесия не являются свойством лишь товарно-капиталистической формы хозяйства, а напротив, самая стоимостная форма является своеобразным и совершенным методом сохранения этого равновесия¹.

Можно ли однако считать, что действие закона равновесия является совершенно тождественно в различных социально-экономических формациях? Такой вывод был бы неправилен и означал бы механическое применение и понимание этого закона. Социально-экономическая форма хозяйства вызывает каждый раз ряд специфических особенностей конкретных проявлений закона равновесия. Так, прежде всего, существенное отличие заключается в методе установления равновесия. В этом отношении плановое хозяйство представляет более высокую форму по сравнению с хозяйством стихийным, где это равновесие является «случайным» среди постоянных колебаний, при чем эти колебания периодически разрастаются до состояния общих кризисов. Наше советское плановое хозяйство не только не знает того основного противоречия между производительными силами и производственными отношениями, которое присуще стихийному хозяйству, но, напротив, сама социальная структура нашего хозяйства является одним из факторов, обеспечивающих максимальное развитие производительных сил. Однако, не эта особенность, очень важная сама по себе, имеет главное значение при анализе действия закона равновесия. Главным в данном случае, является то, что плановое регулирование народного хозяйства делает этот закон равновесия, так сказать, более эластичным, поддающимся в известных, но гораздо более широких пределах, чем в стихийном хозяйстве, определенному воздействию. В самом деле, как проявляется закон равновесия в условиях товарно-капиталистических производственных отношений? Бесперывное «молекулярное» движение массы отдельных товаров, соответствующее постоянно возникающим и распадающимся связям отдельных независимых производителей — связям, существующим в стоимостной форме, — вызывает тенденцию непрерывного на каждый данный момент сохранения равновесия. Такой механизм действия закона равновесия является единственно возможным в условиях стихийного хозяйства и, следовательно, такая форма его проявления порождается целиком данным типом производственных отношений, в данном случае отношений неорганизованного хозяйства.

¹ Р. Люксембург, рассматривая этот вопрос, приходит к следующему выводу: «Таким образом маркслова схема расширенного воспроизводства с этих точек зрения *mutatis mutandis* — сохраняет свою объективную значимость и для регулируемого общества». («Накопление капитал», Гиз, изд. 3-е, с. 119).

В этих условиях общественное равновесие не может не складываться из равновесий всего множества отдельных хозяйственных единиц, и следовательно так же, как и эти последние, не может не быть непрерывным и обязательным на каждый данный момент. Совсем иначе стоит вопрос о проявлении закона равновесия в плановом хозяйстве. Здесь это равновесие вовсе не обязательно складывается из равновесий всех отдельных хозяйственных единиц. Обладая возможностью маневрирования всеми наличными ресурсами как в пространстве, так и во времени, плановое хозяйство не обязано, подобно хозяйству стихийному, сводить «баланс» на каждый данный момент, а может свести его за более длительный отрезок времени, продолжительность которого определяется всей совокупностью задач социалистического строительства в их перспективе. Чем больше размер наличных ресурсов, тем больше возможностей такого маневрирования. Основными материальными ресурсами планового хозяйства являются непосредственно: социализированная часть имущества страны и прибавочного продукта обобществленного сектора народного хозяйства. Но не малое значение имеют те мероприятия экономической политики, при помощи которых пролетарское государство включает в сферу своего влияния не обобществленную часть народного хозяйства, увеличивая тем самым свою реальную экономическую мощь. Очевидно, что этими методами маневрирования закон равновесия не отменяется и не нарушается; он остается в силе в отношении развития народного хозяйства в целом, но именно путем познания природы этой необходимости достигается свобода наиболее рационального, с точки зрения социалистического строительства, выполнения этого закона равновесия. Особенностью планового хозяйства является следовательно необязательность той формы «молекулярного» равновесия, которая существует в стихийном хозяйстве и которая как раз и проистекает из стоимостного характера производственных отношений, при которых общее равновесие получается в результате сложения рыночного равновесия отдельных хозяйственных единиц.

Следовательно, закон равновесия как таковой не нарушается социальной структурой советского хозяйства, а изменяется форма проявления этого закона. Отсюда очевидно, что закон равновесия в его материальном содержании никоим образом не предполагает увековечивания тех социально-экономических укладов, какие существуют в советском хозяйстве. Закон равновесия только в том случае вызвал бы расширенное воспроизводство досоциалистических производственных отношений, если бы его предпосылкой был принцип эквивалентного обмена. Между тем принцип равновесия как таковой вовсе не требует в качестве обязательной предпосылки этого эквивалентного обмена. Лишь в простом товарном хозяйстве закон равновесия проявляется в форме эквивалентного обмена, в хозяйстве же капиталистическом мы уже видим нарушение принципа эквивалентного обмена при сохранении равновесия: обмен происходит, как известно, по ценам производства, тогда как часть стоимости совокупного продукта, именно прибавочная стоимость, распределяется между капиталистами пропорционально размерам их капиталов. Таким образом уже в капиталистическом хозяйстве происходит некоторая «социализация» части общественного продукта, при чем эта «социализация» не вступает в противоречие с законом равновесия. Очевидно, что в плановом хозяйстве имеется полная возможность произвести действительную социализацию

прибавочного продукта, при этом не только в отношении непосредственно социалистического сектора народного хозяйства, но и в известной мере в отношении частного сектора. Допуская существование частного сектора народного хозяйства, мы вовсе не обязаны возмещать его прибавочный продукт целиком и тем самым допускать расширенное воспроизводство этого сектора. Расширение социалистического сектора нашего хозяйства может происходить без нарушения равновесия хозяйственной системы не только за счет социалистического накопления, но и за счет новой стоимости необобществленного сектора. Такова принципиальная постановка вопроса. Задачей экономической политики является нахождение той величины изъятий из фонда частного сектора, которая оставляет ему возможность воспроизводства в пределах, признанных допустимыми, и в то же время способствует ускорению темпа социалистического строительства.

Итак, мы видим, что хотя в условиях советского хозяйства существенно изменяется форма проявления закона равновесия и механизма его действия, но в целом он не «отменяется», и следовательно «последние основания» теории воспроизводства Маркса могут быть применены для анализа хозяйства переходного типа, и эта же теория может быть положена в основу метода конкретного изучения хозяйства СССР.

Синтетическая работа, имеющая целью дать конкретное, в смысле количественной определенности, выражение условий воспроизводства в данном хозяйстве за данный отрезок времени, — и получила название «баланса народного хозяйства». Поскольку речь идет об изучении условий воспроизводства — следовательно, о внутреннем равновесии системы (наличии этого равновесия или его нарушения и мере этого нарушения) — термин «баланс» можно считать соответствующим содержанию работы. Термин этот не является выражением присущего этой работе метода балансовых расчетов как технического приема, так и тем более баланс народного хозяйства не имеет ничего общего с балансом бухгалтерского типа.

Для планового хозяйства изучение условий воспроизводства необходимо не само по себе, а как база плановых мероприятий, намечаемых на будущее. Это тем более естественно, что всякая проектировка народнохозяйственного плана представляет собою не что иное, как проектировку воспроизводства, и в этом отношении очевидна самая тесная связь методологии построения плана, являющегося предположительным балансом народного хозяйства, с методологией баланса за истекший период.

Приняв в основу построения баланса народного хозяйства теорию воспроизводства Маркса, необходимо разработать такую систему статистического учета, которая путем соответствующего размещения конкретных данных позволит вскрыть основные взаимозависимости, характеризующие состояние народного хозяйства.

Маркс иллюстрирует свою теорию известными схемами простого и расширенного воспроизводства. В какой мере эти схемы могут быть использованы при построении конкретной статистической таблицы воспроизводства? Очевидно, что в своем непосредственном виде эти схемы не могут быть реализованы как конкретные статистические схемы. Теоретические схемы Маркса устанавливают основные соотношения элементов общественного продукта, обуславливающих нормальный ход воспроизводства. Эти элементы представляют так сказать теоретическую проекцию различных эмпирических категорий, непосредственно улавли-

ваемых учетом. Так, в действительности мы не находим раздельно существующих отраслей: средств производства и средств потребления. Не только различные по экономическому назначению продукты производятся часто в одном предприятии, но даже один и тот же продукт имеет двойное назначение: и как средство производства и как средство потребления. Кроме того эти конкретные категории обладают тем свойством, что их количественным масштабом являются не стоимость, а денежная оценка. По всем этим и ряду других обстоятельств встречается большое практическое затруднение при расчленении продуктов на элементы стоимости: C , V и M . Таким образом выясняется, что схемы Маркса непосредственно, как статистические схемы, реализованы быть не могут. Но с другой стороны очевидно, что если заранее при построении таблицы баланса народного хозяйства отбросить целиком основные принципы марксовых схем воспроизводства, то результаты статистической операции не дадут нам возможности произвести научный анализ состояния народного хозяйства.

Дело конечно не в том, чтобы механически применить схемы Маркса, ибо сами схемы являются лишь иллюстрацией основных законов воспроизводства; дело в том, чтобы попытаться путем соответствующей обработки конкретного материала максимально приблизиться к обнаружению действительной картины процесса воспроизводства. Если подойти к схемам воспроизводства Маркса не с точки зрения их внешней формы и возможности непосредственного конкретного применения, а с точки зрения основных взаимоотношений, которые они иллюстрируют, и выводов, то задача принимает другой вид.

Рассмотрим теперь ближе реальное содержание схем воспроизводства. Здесь существенны два момента. Первый — деление всего общественного продукта на два подразделения: производство средств производства и производство предметов потребления. Второй — разложение всего общественного продукта, а вместе с этим и продукта каждого из подразделений в отдельности на элементы стоимости — C , V и M . Смысл всех этих разделений заключается в отражении реального движения продукта по отдельным стадиям производственного процесса. В самом деле: так как средства производства суть лишь незавершенные предметы потребления, различающиеся между собой по степени близости к этому завершению, то естественно, что та часть продукта I подразделения, которая остается после возмещения своего собственного производственного потребления, должна перейти в следующую и последнюю, в данном случае, стадию — производство средств потребления. С другой стороны, II подразделение нуждается в новом притоке средств производства, так как прежние уже приняли форму средств потребления, т. е. нуждается в возмещении этих потребленных средств производства. В свою очередь, I подразделение нуждается в средствах потребления, поскольку его продукт находится в форме, непригодной для индивидуального потребления. Обменом ($V + M$) I на C II и обеспечивается продолжение производства (простое воспроизводство).

Далее, не трудно видеть, что при простом воспроизводстве элементы стоимости продукта C , V и M , — по своей природе совершенно адекватны вполне эмпирическим категориям потребления; производственного (C) потребления рабочей силы (V) и непроизводственного (M). Таким образом задачей схем воспроизводства является показать, как взаимно связываются элементы производства и потребления различных последовательных стадий единого производственного процесса.

В марксовой схеме равновесие между I и II подразделениями обеспечено тогда, когда новая стоимость I подразделения равна перенесенной стоимости II подразделения. При этом предполагается, что полностью возмещено потребление (производственное) самого I подразделения и новая стоимость II подразделения воспроизведена в прежнем размере. Во всех этих случаях дело сводится к возмещению потребленного в прежних размерах. Производство той или иной сферы должно будет сократиться, если не будут возмещены потребленные средства производства и возобновлен в прежних размерах фонд потребления. Кроме того, очевидно, что такого же типа связь существует и внутри I и II подразделения между различными их частями. Равенство $(V+M) I = C II$ есть лишь обобщенное выражение принципа равновесия простого воспроизводства, заключающегося в том, что каждый отдельный товар должен быть воспроизведен в прежнем объеме, как по стоимости, так и в натуре, или, иначе говоря, производство каждого отдельного товара должно быть равно его потреблению.

Таким образом статистическая таблица баланса производства и потребления отдельных товаров или товарных групп, экономически однородных, дает нам возможность анализа воспроизводства.

Обязательным условием является разделение потребления на те же группы, на которые разбито производство, т. к. только при этом можно установить связь между производством и потреблением.

На этой основе мы строим следующую схему баланса производства и потребления (см. схему № 1; цифры произвольные).

БАЛАНС ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Схема 1. Простое воспроизводство

Товары и группы товаров	Производство	Потребление						Накопление
		Производст.		Непроизводственное				
		В I подр.	Во II подр.	Рабочих		Буржуазии		
				В I подр.	Во II подр.	В I подр.	Во II подр.	
I. Средства производства . . .	6 000	4 000	2 000	—	—	—	—	0
II. Средства потребления . . .	3 000	—	—	1 000	500	1 000	500	0
Итого . . .	9 000	4 000	2 000	1 000	500	1 000	500	0

Не трудно видеть, что подобное построение, складывающееся в большей своей части из вполне конкретных категорий, представляет реальную основу для анализа условий воспроизводства.

В этом балансе мы имеем: общую сумму производства — 9 000, состоящую из 6 000 I и 3 000 II; Производственное потребление в I подразделении — 4 000; Производственное потребление II подразделения (C II) — 2 000 и чистую продукцию (народный доход), в обоих подразделениях получающуюся как разница между продукцией данного подраз-

деления и производственным потреблением в нем. Этот народный доход в I подразделении (6 000 — 4 000) = 2 000 и в II подразделении (3 000 — 2 000) = 1 000. Затем мы устанавливаем следующие соотношения:

а) Из продукции средств производства в сумме 6 000 после возмещения собственного производственного потребления в размере 4 000 остается продукции в форме средств производства 2 000 (народный доход в форме средств производства).

б) Продукция средств потребления в сумме 3 000 должна пойти частью на возмещение своего производственного потребления в размере 2 000; этой последней величине соответствует чистая продукция I подразделения, на которую и обмениваются средства потребления на 2 000. Оставшаяся после возмещения перенесенной стоимости II подразделения часть в размере 1 000 является народным доходом в форме средств потребления и идет на восстановление фонда потребления II подразделения.

в) Так как производство и потребление равны и по общему итогу и по обоим видам продукта, то мы имеем случай простого воспроизводства в состоянии полного равновесия.

Если в действительности имеет место суженное воспроизводство, то общая сумма потребления будет превышать суммы производства, т. е. будет отрицательное сальдо, складывающееся из недопроизводства по отдельным или даже по всем видам продукции. Обратное будет в случае расширенного воспроизводства.

При расширенном воспроизводстве потребление как по отдельным отраслям, так и по итогу должно быть меньше производства. Тип схемы баланса производства и потребления тот же, что и для простого воспроизводства (см. схему № 2).

Схема 2. Расширенное воспроизводство

Товары и группы товаров	Производство	Потребление						Накопление
		Производст.		Непроизводственное				
		В I подр.	Во II подр.	Рабочих		Буржуазии		
				В I подр.	Во II подр.	В I подр.	Во II подр.	
I. Средства производства . . .	6 000	4 000	1 500	—	—	—	—	500
II. Средства потребления . . .	3 000	—	—	1 000	750	500	600	150
Итого . . .	9 000	4 000	1 500	1 000	750	500	600	650

Из этой схемы видно, что:

а) общая сумма производства (9 000) превышает все потребление (8 350) на всю сумму накопления (т. е. на 650);

б) народный доход (3 500) как разница между производством (9 000) и производственным потреблением (5 500) на ту же величину накопления превышает непроизводственное потребление (2 850);

в) разница между продукцией средств производства (6 000) и их потреблением (5 500) составляет накопление в форме средств производства;

г) таким же образом разница между продукцией средств потребления (3 000) и их потреблением (2 850) дает накопление в форме средств потребления (150).

Небезынтересно отметить, что Маркс при анализе схемы расширенного воспроизводства оперирует с данными о потреблении, которые, будучи совершенно необходимы для определения размеров накопления, непосредственно в его схемах не выделены.

Схема баланса производства и потребления, как она представлена выше, является лишь принципиальной основой той конкретной статистической таблицы, которая должна быть применена на практике. Это практическое осуществление требует ряда дополнений и конкретизации отдельных статей, фигурирующих в схеме в общем виде.

Так, в отношении состава продукции, очевидно, совершенно недостаточно ограничиться делением ее только на два подразделения. Это деление на средства производства и средства потребления является конечно генеральным делением, но не единственным. Внутри этих подразделений должны быть установлены более детальные группы, объединяющие товары по признаку сходства экономического назначения.

Оставляя в стороне вопрос о полной классификации товаров, проходящей по балансу производства и потребления, необходимо отметить, что подобная классификация по разделу средств производства должна отобразить как последовательные стадии производственного процесса (с этой точки зрения важно выделение в группе средств производства сырья и топлива как исходных элементов производственного процесса), так и специфический характер потребления тех или иных средств производства, что предполагает выделение группы элементов основного капитала. Также важно сохранить (это относится главным образом к сырьевой группе) признак происхождения: группы сырья — растительного происхождения, животного происхождения и минерального. В отношении группы средств потребления существенно разбить их по значению отдельных видов продуктов в потребительском бюджете: продукты питания, одежда и обувь, предметы домашнего обихода и т. п.

Некоторые затруднения мы встречаем в том, что один и тот же конкретный вид продукта может иметь двоякое назначение: и в качестве средства производства и в качестве предмета потребления. Число таких случаев не столь велико, и при допущении некоторой условности в разбивке, можно с достаточной для практических целей точностью осуществить деление на средства производства и средства потребления. Эта условность состоит в том, что мы относим тот или иной вид продукта по признаку преимущественного назначения, разумея этот признак не в смысле нормативном, а в смысле фактического распределения этого продукта между производством и потреблением.

Наиболее существенные дополнения должны быть сделаны в отношении самих статей баланса. В том виде, как этот баланс представлен выше, он отображает движение общественного продукта лишь в части его производства и потребления за исследуемый период. Та сумма продуктов, которой располагает страна в виде запасов на начало и конец данного периода: основной капитал, запасы производственные и потребительские, — все это остается вне нашего рассмотрения. Между тем в отношении ряда товаров, потребляемых в течение длительного периода (основной капитал, жилые здания и т. п.), особенно важно знать все их наличие. С другой стороны, из баланса производства и потреб-

ления можно узнать только изменение народного имущества, его убыль или прирост; абсолютных изменений этого народного имущества мы не имеем.

Включая статью «народное имущество» на начало и конец года, мы более полно отражаем движение общественного продукта и в то же время получаем возможность более точного технического контроля, так как изменение имущества и соотношение производства и потребления — величины, взаимно контролирующиеся. Дополняясь данными о народном имуществе, баланс производства и потребления принимает форму баланса «поступления и распределения» всего общественного продукта, что не вносит изменений в существо схемы, но существенно ее расширяет и технически совершенствует.

Поскольку в конкретном хозяйстве обращаются не только товары своего производства, но и импортные, а также имеет место экспорт — в запасах и в поступлении и распределении должны быть показаны соответственные величины.

Необходимо сделать еще несколько замечаний об отдельных статьях баланса.

Графа «производство» подразумевает полную цену товара, по которой он попадает потребителю. Эта окончательная цена включает, как известно, торговые, транспортные и некоторые другие надбавки (акцизы и т. п.). Поэтому «производство» должно быть показано первоначально по ценам производителя, а затем особыми статьями — транспорт, торговля и др. — надбавки, падающие в обращении на данный вид товара.

Очевидно, что общая сумма транспортных надбавок должна быть равна всей выручке транспорта от перевозки товаров, и соответственно вся сумма торговых накидок по отдельным товарам должна быть равна издержкам торговли вместе с торговой прибылью. В то время, как в абстрактной схеме мы имеем производственное потребление и потребление рабочих и буржуазии, для конкретного хозяйства, в частности для советского хозяйства, статья потребления должна быть разбита в части непроизводственной несколько иначе. Здесь раздел потребления распадается на две основных части: потребление в процессе производства материальных благ и прочее потребление, которое можно назвать непроизводственным, куда входят: личное потребление населения, потребление торгового аппарата в своей материальной части (тара, помещение и т. п.), а также потребление различного рода учреждений непроизводственного характера (общественные, социально-культурные, административные и т. п.).

Существенно отметить, что статья «Производственное потребление» должна состоять из тех же групп, из каких состоит «Производство», т. е. классификации товаров по производству и потреблению должны совпадать.

Само собой, что все построение будет обладать крупным недостатком, если оно не отобразит различных экономических укладов нашего хозяйства. В идеальном случае признак социально-экономической формы должен пронизывать все статьи баланса. Этим обеспечивается возможность изучения удельного веса и взаимоотношения разных хозяйственных укладов между собой. Как минимум, этот признак социальной формы должен быть осуществлен в части потребления населения и, хотя бы в суммарном виде, по объему продукции. Со всеми этими

добавлениями получается следующая схема баланса общественного продукта.

Схема 3. Баланс общественного продукта

Товарные группы и отдельные това- ры	Поступление							Распределение					Накопление (+, —)	
	Народное имущ. на начало года	Пронизв. по ценам производителя	Транспортные накладки	Торговые над- бавки	Итого по ценам потребителя	В о з	Всего поступило	Потреблено в производстве	Потреб. населен. (по социал. групп.)	Потребл. непрони- зодств. учрежден.	В ы в о з	Народное имущ. на конец года		Итого распре- делено
I Средства произ- водства														
а)														
б)														
и т. д.														
II Предметы потре- бления														
а)														
б)														
и т. п.														

Будучи заполнена конкретными данными, эта схема дает нам следующее:

а) общий об'ем (в ценовом выражении, как и во всех остальных случаях) народного имущества, его структуру (производственные фонды, запасы в каналах обращения, потребительские фонды) и изменение этого об'ема за данный период;

б) общий об'ем и структуру совокупной продукции материального производства;

в) народный доход (в целом и по отраслям производства), который, имея данные об об'еме производства в целом и по отраслям, а также данные о производственном потреблении и накидках в обращении, мы получаем без больших затруднений;

г) об'ем и структуру потребления социальных классов населения;

д) наконец, накопление (со знаком + или —) материальных благ за данный период, данные о котором мы получаем из сопоставления производства и потребления отдельных видов товаров.

Все эти данные, извлекаемые из баланса общественного продукта, дают нам возможность исчерпывающе осветить проблему воспроизводства в народном хозяйстве.

Кроме того, этот баланс может явиться базой для многих специальных работ, более детально характеризующих те или иные явления хозяйственной жизни. Так например, поскольку нам известно потребление различных классов населения и доля косвенных налогов, падающих на это потребление, мы получаем материал для освещения вопроса о тяжести налогового обложения; располагаем данными о запасах товаров у разных категорий держателей, а также — зная сумму производства и потребления этих товаров — мы можем построить баланс реализации, и т. д. и т. д.

Однако неправильно было бы полагать, что подобное построение может дать ответ на всю совокупность экономических проблем, возникающих при изучении народного хозяйства. Так, прежде всего баланс общественного продукта недостаточен для решения ряда вопросов, так сказать качественного порядка. Такие вопросы, как производительность труда, эффективность капитальных вложений и некоторые другие отражаются в балансе только в самом общем виде, и то в виде результатов; при этом остаются в тени факторы, обуславливающие этот результат. Последнее обстоятельство имеет то значение, что упускается из виду реальная динамика, имевшая место внутри рассматриваемого периода. Поскольку составление полного баланса за сроки, меньшие года, практически неосуществимо, этот недостаток может быть выполнен рядом специальных наблюдений наиболее показательных экономических явлений. Более существенно, что количественно меновая форма баланса не позволяет использовать его в непосредственном виде для анализа воспроизводства, а требует предварительной экономической обработки. Так, очевидно, что равновесие между производством и потреблением в рыночных ценах, т. е. рыночное равновесие, будет всегда иметь место в условиях свободного рынка, а в ряде случаев также и в условиях планового хозяйства. С другой стороны, сама категория цены в плановом хозяйстве под влиянием мероприятий экономической политики принимает весьма своеобразный характер.

Несовершенство ценового измерителя имеет общее значение для всего хозяйственного учета во всякой его форме. Для балансовой формы это обстоятельство особенно существенно, так как препятствует выявлению реальных соотношений частей этого баланса. Было бы невыполнимой задачей пытаться конструировать категорию трудовой затраты в ее действительной величине. Однако попытка устранить конъюнктурные и иные колебания цен вполне осуществима. Экономическая статистика указывает ряд методов, дающих возможность смягчить несовершенство ценового измерителя. Вполне пригодными для этой цели являются так называемый «метод физического объема» и расчеты по твердым ценам. Существенную помощь может оказать составление балансов в натуральном выражении по ряду важнейших товаров (очевидно, что полная натурализация учета практически невозможна, да и недостаточна в силу качественной разнородности натуральных измерителей, не поддающихся обобщению).

Экономический анализ данных баланса необходим в ряде других случаев. Так, например, даже правильно исчисленная сумма накопления материальных благ в целом и отдельных видов этих благ сама по себе еще не может быть принята за величину реального накопления.

Последнее выясняется лишь при определении соотношений отдельных элементов накопления. При отсутствии известной пропорциональности элементов накопления часть последнего может оказаться не реализуемой и превратиться на время в мертвый запас.

Таким образом, баланс общественного продукта, как он представлен выше, целиком охватывая движение материальных элементов производства, является лишь матерьялом для анализа условий воспроизводства.

То обстоятельство, что в балансе данный отрезок времени, например год, рассматривается как одно целое, не дает нам возможности судить о динамике хозяйственных явлений и ставит нас в необходимость построения ряда последовательных во времени балансов.

Поскольку баланс рассматривает воспроизводство в разрезе движения материальных элементов, может возникнуть вопрос, в какой мере тем самым отображаются все стороны социально-экономической жизни, следовательно, в какой мере охватывается также сфера производственных отношений. Несомненно, что в основном баланс материальных благ отвечает и на этот вопрос, поскольку движение и соотношение материальных элементов позволяют нам судить и о производственных отношениях. Так, располагая данными об имуществе, продукции и народном доходе различных социально-экономических укладов, о потреблении классов населения и т. п., мы тем самым даем основную социальную характеристику страны.

В теоретической схеме, где производственные отношения реализуются непосредственно за движением материальных элементов, точно им следуя, этим вопрос и исчерпывается. Так, например, в теоретической схеме заработная плата пролетариата есть в то же время его потребление; прибавочная стоимость капиталиста за вычетом его потребления идет целиком в накопление и т. д.

В конкретном хозяйстве категории потребления и дохода имеют более сложный характер. Так, мы имеем ряд изъятий из индивидуальных доходов, совершаемых государством в порядке прямого или косвенного обложения. С другой стороны, появляются доходы производные, т. е. доходы, источником которых являются уже распределенные доходы. При этих условиях номинальная доля дохода и потребления оказывается недостаточной для выявления реальных взаимоотношений. К явлениям, не находящим отражения в системе материальных элементов хозяйства, наряду с указанными выше, относятся также и явления кредита, который является своеобразной формой перераспределения народного имущества и народного дохода.

В балансе материальных благ все эти процессы перераспределения отражались бы лишь в виде результатов; самые процессы и факторы распределения и перераспределения должны быть изучены особо.

Так как перераспределение кредитного типа отличается по своей природе от перераспределения иных видов (бюджетного и т. п.), то следует отделить область кредитных отношений от реального перераспределения народного дохода. В отношении кредитного перераспределения достаточно ограничиться исчислением изъятий и поступлений по различным сферам и отдельным социальным секторам народного хозяйства.

Несколько подробнее следует остановиться на проблеме распределения народного дохода.

Народный доход ($V + M$), поступаая в распределение, распадается в большей своей части на индивидуальные доходы физических лиц, принимающих участие в процессе производства и обращения, — безразлично, в качестве ли самостоятельной или наемной рабочей силы или же предпринимателей. Часть народного дохода не поступает в индивидуальное распределение, образуя доход коллективных предприятий. Подобно всему народному доходу доход физических и юридических лиц представляет собой фонд потребления (непроизводственного) и накопления. Следовательно, категория дохода как индивидуального, так и нераспределенного, не включает элементов, возмещающих издержки производства.

Так как народный доход есть лишь новая стоимость материального производства, то казалось бы, что, идя путем суммирования конкретных доходов, мы не должны получить величину, отличающуюся от суммы,

исчисленной так называемым реальным методом. В действительности сумма конкретных доходов превышает новую стоимость материального производства. Это происходит потому, что в числе получателей доходов имеются такие, которые не имеют отношения к сфере материального производства и получают свои доходы не непосредственно из новой стоимости и уже распределенных доходов. Доходы, которые имеют своим непосредственным источником новую стоимость материального производства, мы называем основными доходами; их сумма равна этой новой стоимости. Остальные доходы, имея конечным фондом ту же новую стоимость, своим непосредственным источником имеют основные доходы; доходы этой категории могут быть названы производными. По степени распределения часть их может образоваться в порядке нового перераспределения самих производных доходов, но общее у всех производных доходов то, что они представляют вычет из суммы основных первичных доходов. По какой линии следует отграничить сферу основных доходов от доходов производных?

В то время как основные доходы образуются из новой стоимости в процессе реализации материальных благ, производные доходы получают в результате продажи так называемых услуг, т. е. потребительских стоимостей, не обладающих самостоятельной вещественной формой, не отделимых от личности производителя и потому не являющихся товарами в действительном значении этого понятия.

Категория услуг находит себе место в такого рода областях, как культурно-просветительная деятельность, здравоохранения, административно-судебная, военная и т. п. Не все виды услуг представляют потребительские стоимости; некоторые из них по своей природе вообще не могут служить удовлетворению каких-либо потребностей, а являются просто непроизводительными затратами, хотя и общественно-необходимыми: таковы, например услуги в области военного дела и т. п.

Производные доходы получают либо в результате непосредственного обмена услуг на доход, либо путем принудительного изъятия части дохода в порядке налогового обложения. Во всех этих случаях происходит добровольное или принудительное перемещение права на получение известной доли материальных благ. В результате этого перераспределения реальная доля народного дохода, получаемая тем или иным классом или группой населения, отличается от номинальной.

Задача изучения проблемы перераспределения состоит вкратце в следующем. Во-первых, необходимо исчислить сумму основных доходов; туда входят: доходы самостоятельных производителей, заработная плата наемной рабочей силы, занятой в производстве и обращении, доходы предпринимателей и, наконец, нераспределенные доходы хозяйственных предприятий. Так как издержки обращения идут непосредственно из новой стоимости, то, прибавив эту сумму, получим величину, равную новой стоимости, т. е. действительный объем народного дохода.

Затем основные доходы должны быть разложены на следующие элементы: 1) потребление материальных благ, 2) расходы по оплате услуг, 3) уплату прямых налогов, 4) накопление и 5) уплату косвенных налогов. Общая сумма оплаты услуг, прямых и косвенных налогов является фондом производных доходов. Этот фонд может не совпадать с суммой производных доходов, так как часть этих последних получается в результате нового перераспределения в сфере производных доходов, и так как в условиях советского хозяйства часть народного дохода,

пз'ятого в виде налогов в пользу бюджета, может идти на производственные цели.

Таким же образом следует расчленить п производные доходы, выделив потребление, налоги и т. д. В группе производных доходов, помимо индивидуальных, будут и доходы организаций. Причем во избежание повторного счета пз дохода организаций должна быть исключена часть, идущая на заработную плату, так как последняя будет проходить по индивидуальным доходам.

Со схемой баланса материальных благ распределение народного дохода связано в части потребления (эти данные берутся прямо из баланса) и в части общего итога народного дохода и накопления.

В результате схема распределения народного дохода дает нам величину номинальной и реальной доли народного дохода, получаемых основными классами населения. Анализ этой разницы между номинальной и реальной долей выявляет размер участия основных классов в содержании непродуцительной части общества (как людей, так и аппарата), а также размер пз'ятия на цели производительного накопления.

В заключение необходимо коснуться вопроса о статистической осуществимости всех этих построений. В этом отношении встречаются затруднения двоякого рода: одни из них состоят в отсутствии соответствующих материалов; причем часто получение их возможно лишь путем очень сложных дорого стоящих операций. вроде всеобщих переписей (с этой стороны встречает затруднение заполнение графы «народное имущество» и некоторых других), затруднения второго порядка пропстекают из невозможности статистического уловления ряда категорий. Так, размер снаживания основного капитала может быть определен только нормативно.

Во многих случаях только нормативно можно исчислить производственное потребление, падающее на отдельные товары, поскольку в одном п том же предприятии мы встречаем комбинацию различных производств и даже различных отраслей хозяйственной деятельности (промышленности, сельского хозяйства, транспорта).

Подобные затруднения ставят нас перед необходимостью производства ряда искусственных конструктивных расчетов. Облегчающим обстоятельством будет здесь то, что путем построения балансов за ряд лет мы сможем выявить основные динамические показатели и тем самым выправлять недостаточно точные расчеты и восполнять отсутствующие. Очевидно, даже выполнение подобного рода синтетических работ — будет ли то баланс за прошлое время или перспективный план на будущее — не должно обязательно целиком опираться на непосредственный учет, превращая статистику в бухгалтерию. Условные и конструктивные расчеты, восполняющие, с одной стороны, богатый фактический материал, а с другой стороны, опирающиеся на выявленные конкретные закономерности в народном хозяйстве, имеют вполне законное право на существование.

Изложенные выше соображения относятся к кругу основных методологических вопросов, связанных со статистическим изучением воспроизводства в советском хозяйстве. Дальнейшей задачей является более подробная разработка отдельных элементов общих схем. Основное содержание этих исследований должно состоять в приведении конкретных категорий в соответствие с требованиями экономической теории. Эмпирические категории, являющиеся сырым материалом для изучения вос-

производства, в силу разных обстоятельств далеко не соответствуют, а часто и вовсе ничего общего не имеют, с тем экономическим содержанием, которое данному понятию должно быть присуще. Ряд конкретных статистических данных — о размерах капиталов и их динамике, продукции, доходах и т. д. — могут быть использованы только после очищения их в горниле экономического анализа.

Проблема конкретного изучения воспроизводства упирается со стороны методологической в разработку системы экономической статистики в действительном смысле слова как прикладной экономической науки, и в реорганизацию самого учета на основе требований этой народнохозяйственной статистики.

И. Карапетов

К ВОПРОСУ О СТОИМОСТИ И ЦЕНЕ В ХОЗЯЙСТВЕ СВЯЗИ¹

Задача выявления основ правильного построения тарифной системы в области так называемых услуг Народной Связи, над которой работает сейчас мысль практических работников этой отрасли народного хозяйства, разумеется, не может опираться на одни лишь соображения чисто практического порядка. Единственно правильным путем для решения этой задачи является рассмотрение хозяйства Связи прежде всего с точки зрения целостного теоретического марксистского понимания народнохозяйственных явлений вообще. Странным представляется уже одно то, что об этом методологическом требовании приходится особо говорить. Однако в изучении интересующего нас народнохозяйственного явления хозяйственная мысль идет обычно внетеоретическими путями, организуясь непосредственно на «практической разум» и проявляя большую беззаботность по части необходимости теоретически продумать предмет. Более того, такая необходимость подчас подвергается прямому отрицанию, и требованиям теории противопоставляется соблазн рассматривать сферу явлений Связи как сферу, не представляющую теоретического интереса, как сферу административно-фискальной практики. Поэтому для ряда «практиков» сама постановка вопроса об экономической природе Связи содержит в себе долю неожиданности.

Мы считаем, что подобные взгляды на явления хозяйства Связи никак нельзя возводить в сознательно-методологическое правило. Мы находим, что необходимым условием правильного решения вопроса о построении тарифа, — решения, не впадающего в конфликт с внутренней природой работы Связи — является подчинение сферы Связи теоретической системе политической экономии марксизма, ибо только этим путем мы овладеем ее действительной природой. Исходя из подобной методологической установки, автор прежде всего ставит вопрос о правильно-марксистском понимании хозяйства Связи.

Анализ экономической природы Связи представляется методологически целесообразным связать с анализом природы Транспорта. Говоря это, мы имеем в виду не то, что транспортные элементы явственно примешаны к некоторым видам операций Связи, а лишь то обстоятельство, что всякая операция Народной Связи сводится в той или иной форме к установлению сношений между отдельными лицами или группами лиц, разделенными пространством, и в этом качестве Народная Связь осуществляет социально-хозяйственную функцию, весьма родственную с социально-хозяйственной функцией Транспорта.

¹ В порядке обсуждения. — *Ред.*

Для Маркса эта родственность общественно-хозяйственных функций Транспорта и Связи была несомненна. Объединяя их под общим именем «промышленности сношений», Маркс подчеркивает, что для их экономической природы является безразличным, идет ли речь «о транспорте товаров и людей» или «о передаче только сообщений, писем, телеграмм и т. д.» («Капитал», т. II, с. 27). Уделяя время от времени внимание этой области хозяйства, Маркс подчеркивает, что экономическая природа Связи и Транспорта и их функций чрезвычайно родственна. Такова их роль как факторов сокращения «периода странствования товаров» (там же, с. 222), как факторов расширения территориального масштаба работы капитала (там же, с. 224), как факторов унификации условий обращения и товарных капиталов независимо от географических условий (там же, с. 225) и др. Рядом цитат легко можно доказать, что в глазах Маркса Связь и Транспорт объединены как родственные отрасли, играющие в процессах капиталистического воспроизводства аналогичную роль.

Не в меньшей степени очевидна и методологическая выгодность для наших целей подобного обобщающего анализа (по крайней мере до некоторой поры). Дело в том, что основные вопросы экономической природы Связи неизбежно вводят нас в круг проблем сферы народного хозяйства с более широкими контурами, нежели область Связи. В первую очередь они потребуют установления таких положений, в отношении которых понимание природы Связи является лишь делом дальнейшего анализа (конечно, с последующим введением в него некоторых дополнительных для Связи специфических моментов) и является лишь делом перехода от некоторых выводов родового значения к выводам видового порядка. Попытка нащупать и формулировать эти последние выводы непосредственно, не предпослав им анализа общих положений, относящихся ко всей сфере хозяйства сношений вообще (Связь — Транспорт), означала бы пропуск существенного звена проблемы.

Основываясь на немногих, вскользь брошенных замечаниях Маркса, можно наметить следующую трактовку вопроса об экономической природе Связи, согласованную с общей концепцией марксистской политической экономии.

Во II томе «Капитала» мы находим фразу, которая по нашему мнению дает ключ к решению проблемы. Трактую метаморфоз промышленного капитала, Маркс указывает, что не всегда продукты производства существуют как материальная вещь, физически отличная от элементов производительного капитала. Нередки случаи, когда продукт производства не является новым вещественным продуктом. Он добавляет, что «из этих отраслей важна в экономическом отношении только промышленность сношений, будет ли это промышленность собственно транспорта, товаров и людей или промышленность только сообщений, писем, телеграмм и т. д.» («Капитал», т. II, с. 27).

Таким образом этим устанавливается, во-первых, уже отмеченная нами родовая общность Транспорта и Связи, как народнохозяйственных категорий, и, во-вторых, то, что как тот, так и другая относятся в глазах Маркса к той же сфере хозяйственных явлений, к которой принадлежит промышленность в узком смысле слова, т. е. индустрия, производящая материальные объекты. Терминологически эта общая сфера Транспорта и Связи обозначается Марксом общим именем «промышленности сношений».

При всей недвумысленности только что приведенной формулировки «Капитала» в марксистской литературе тем не менее не установилось единого понимания природы интересующих нас явлений. Насколько значительны бывают отклонения от марксовской трактовки данного вопроса можно видеть, например, из следующей цитаты: «Весь аппарат торговли, труда купцов, транспортников, грузовых носильщиков и т. д. может быть общественно-необходимым, но он не производитель и не создает стоимости. Как раз наоборот, по Марксу это — издержки, издержки обращения, вычет из стоимости. Единственный полезный момент в образовании торговых, транспортных и др. профессий заключается в том, что без них дело обстояло бы еще хуже, издержки были бы еще выше» (И. Розенберг, «Теория стоимости Маркса и Рикардо», с. 174).

Скрытым содержанием такого рода утверждений является мысль, что трактовка явлений Транспорта и Связи, изложенная в приведенной нами цитате из «Капитала», стоит вне логических пределов системы марксизма и, стало быть, означает чужеродный для марксизма нарост, означает противоречие у Маркса. Возникает вопрос, действительно ли это противоречие имеется, действительно ли понимание явлений Транспорта и Связи, изложенное в приведенной цитате из «Капитала», выводит нас за пределы экономической концепции марксизма? Остановимся на этом решающем для нашего предмета вопросе.

В обществе товаропроизводителей результат производства имеет форму товара. Поэтому исследование народнохозяйственной природы «промышленности сношений», в частности Связи, должно начинаться с выявления того, — производит ли «промышленность сношений» товары, в чем выражается ее товаропроизводящая способность, в чем выражается создаваемый ею товар?

Теоретический анализ в плоскости последнего из этих вопросов произведен пока исключительно в отношении Транспорта; намеченные до сих пор решения при всем их разнообразии, к сожалению, одинаково далеки от правильного. Так, в советской литературе имеется определение Земблинова и Джуся, считающих продуктом Транспорта груз, перемещенный на место его назначения; другие авторы, напр., Некраш и Ещенко, становятся на путь своеобразного экономического номинализма, определяя продукт транспорта в качестве «тонно-километров» или «пассажиро-километров», «своего рода символов, а не реальностей». Как исключение следует отметить трактовку этого вопроса т. Л. Жмудским («Цена и стоимость на транспорте» — см. «Экономическое Обозрение», 1928 г., № 4). Замечательно то, что авторы, не задающиеся специально вопросом о природе продукции транспорта, а занятые преимущественно прикладной трактовкой тарифов (например, К. Колсон, см. «Transports et Tarifs», с. 47), теоретически вернее подходят к вопросу и обнаруживают меньшую склонность к «оптическим обманам».

Наиболее распространенным и вместе с тем наиболее неправильным из этих взглядов является первый из них, определяющий продукт Транспорта как товар, перемещенный на место назначения. Неудовлетворительность такого представления очевидна уже из одного того, что определение это, во-первых, не охватывает огромного сектора транспортного хозяйства, а именно — всей области личных перевозок (за исключением разве перевозок рабочей силы, передвигаемой на место ее

потребления и, стало быть, являющейся в этот момент по своей экономической природе товаром). Очевидно, что концепция эта, логически продолженная до своих выводов, либо трактует в качестве продукта Транспорта Иванова или Петрова, совершающего свое свадебное путешествие по Волге, и, стало быть, считает его по возвращении из этого путешествия возросшим в своей «стоимости» на стоимость затраченных на его перевозку средств транспорта и рабочей силы, либо же означает отказ от теоретического овладения явлениями подобного порядка.

Во-вторых, концепция эта неминуемо вступает в непримиримое противоречие с собственной предпосылкой, поскольку она ссылается на указание Маркса, что «потребительная стоимость реализуется посредством потребления, а это последнее делает необходимым перемещение» объекта. В самом деле, если необходимым условием для всякого товара является «способность его удовлетворять какую-либо человеческую потребность» (Капитал, т. I, с. 1), то очевидно, что при отыскании физического субстрата или физического содержания данного товара должно отправляться от той потребности, на удовлетворение которой обращено его потребительное назначение. Такой потребностью — говоря пока что о Транспорте — независимо от объекта перевозки товара, материального объекта нетоварного характера или человеческой личности — является потребность в перевозке, в территориальном перемещении, которое и является поэтому подлинным продуктом Транспорта.

Мыслью сторонников разбираемой концепции владеет обычно одно соображение, на котором следует остановиться. Базируя свое воззрение на анализе товарной перевозки, они полагают, что полезность самой перевозки является лишь выражением полезности перевезенного объекта в его новом местопребывании, т. е. что полезность перевозки сияет лишь отраженным светом. Мысль эта, отвечая более или менее логике частнохозяйственного практического рассудка, теоретически совершенно не верна. Мы оставляем даже в стороне то соображение, что мысль эта ограничена лишь пределом чисто материальных перевозок. Решающим для нас является следующее: поскольку речь идет о новой стоимости перевезенного объекта, стоимости в адресе перевозки, выраженной в соответственном возрастании его цены, то с точки зрения трудовой теории стоимости речь может идти только о нарощении дополнительной стоимости, в результате дополнительных трудовых затрат в лице работы Транспорта; иначе говоря, новая стоимость объекта, выраженная в цене франко — пункт потребления, является с точки зрения трудовой теории функцией от первоначальной стоимости, выраженной в цене места, откуда объект отправляется, и дополнительных трудовых затрат Транспорта, — но никак не наоборот. Предположение же, что стоимость Транспорта определяется стоимостью франко — пункт прибытия (он же — пункт потребления) объекта, обеими ногами стоит на почве субъективного понимания стоимости и ничего общего с трудовой теорией не имеет, ибо в основе его лежит мысль, будто стоимость в величине своей определяется через субъективную оценку полезности вещи.

Далее, неверно скрытое предположение, будто полезность вещи обладает свойством переносимости, транзитивности. Между тем именно это предположение является предпосылкой утверждения, будто полезность транспорта заключается в полезности перевезенного объекта в его новом местонахождении и что поэтому объект этот в его новом местонахождении и является продуктом Транспорта. Свойство полезности

всегда есть свойство давать некий непосредственный эффект удовлетворения данной потребности. Что в цепи человеческого поведения этот непосредственный эффект данной полезности может быть использован для достижения какой-либо более отдаленной цели (например, верхняя одежда может быть одета для выхода на охоту), это с точки зрения трудовой теории стоимости безразлично: полезность является для нее лишь общим условием стоимости, но ни в какой степени не стоит с последней в отношении количественной сопряженности, какую предполагает субъективная теория. Только экономистам-субъективистам поэтому важно, для каких именно субъективно поставленных целей предназначен непосредственный эффект данной полезности, ибо в глазах субъективиста субъективная оценка объекта формируется именно под учетом и давлением этих целей и его стоимость определяется телеологически. Для трудовой же теории, несмотря на то, что полезность является общим условием стоимости, количественная сторона последней, т. е. размер стоимости данного объекта, безотносительна к субъективной оценке, полезности, а определяется трудовыми затратами, необходимыми на воспроизводство объекта, т. е. определяется величиной совершенно объективной.

Соответственно этой природе полезности мы можем, возвращаясь к Транспорту, сказать, что хотя стоимость транспорта и присоединяется в результате перевозки к первоначальной стоимости перевезенного товара и увеличит стоимость последнего в адресе перевозки, однако, потребительная стоимость транспорта на полезность товара в адресе перевозки не перейдет. Потребительная стоимость транспорта, так сказать, погаснет здесь же в момент перемещения товара, реализуясь в процессе перемещения. Поэтому неправильно говорить, будто полезности транспорта как бы аккумулируется и реализуется в полезности объекта перевозки на месте его доставки. Мысль эта, как видим, есть по меньшей степени грубое насилие над логической природой основных теоретических категорий «стоимости» и «полезности» в системе марксизма.

Стало быть, полезность или потребительная стоимость транспорта, не имея ничего общего с полезностью перевозимого товара (особенно в тех случаях, когда предметом перевозки является даже не товар, а лицо), заключается в способности удовлетворять потребность в пространственном перемещении. Перемещение — повторяем — с а м о п е р е м е щ е н и е составляет физическое содержание продукции транспорта, независимо от того, что является предметом перевозки — вещи или люди, товарные комплексы или семейные реликвии. У Маркса это выражено с не вызывающей сомнения ясностью. «Люди и товары — говорит Маркс — едут вместе со средствами транспорта, и их езда, их перемещение и есть производственный эффект, создаваемый средствами транспорта». («Капитал», т. II, с. 28). В другом месте Маркс говорит: «Результатом перевозки — транспортируются ли люди или товары — является перемена их местонахождения». Полезный эффект транспорта «можно употреблять лишь только во время производственного процесса; этот эффект не существует как отличная от этого процесса потребительная вещь, которая лишь после того, как она произведена, функционирует в виде предмета торговли, в виде товара» (там же). Потребительная стоимость, создаваемая Transportом, не овеществляется в материальное тело ни при каких условиях, ни при перемещении людей, ни при перемещении товаров. Однако «перемещение», как и вся-

кий вообще товар, может служить личному и производительному потреблению. В первом случае созданная Транспортom стоимость бесследно исчезнет, во втором она переносится на транспортируемый товар. Перемещение людей, это — почти всегда личное потребление продукта транспортной промышленности (за исключением перевозки товара рабочей силы, что представляет собой единственный случай перемещения людей, когда эффект транспорта потребляется производительно, и то лишь тогда, когда рабочая сила передвигается для производственных целей).

Изложенный только что анализ проделан нами, как будто, только в отношении Транспорта. Спрашивается, в какой степени выводы его применимы к собственно интересующему нас сектору «промышленности сношений», к сфере хозяйства Связи? Еще раз напомним, что в глазах самого Маркса вся сфера «промышленности сношений» представляет собою нечто экономически однородное с точки зрения основных категорий марксистской теории хозяйства.

Продолжая развитые выше мысли, мы должны в ответ на этот вопрос сказать, что продуктом Связи является самое с н о ш е н и е, сама реализуемая почтой, телеграфом или телефоном возможность странственных сношений, ибо именно эта возможность является физическим содержанием полезности Связи. Так же, как и на Транспорте, продукция Связи не принимает отдельной от производственного процесса материальной оболочки, не принимает овеществленного вида.

Более того, в отношении Связи этот вывод выплывает, по сравнению с Транспортom, в очевидности. В отношении Транспорта наличие в товарной перевозке материально-товарного субстрата, воспринимающего в итоге перемещения в новом местонахождении повышенную цену, подсказывает поверхностному анализу концепцию, разобранную нами выше. В отношении связи нет и этого основания, поскольку мы условились — в интересах выделения специфического в «услугах» Связи — элиминировать в анализе Связи те формы ее «услуг», которые содержат инородные для Связи примеси, а в частности — элементы товарно-транспортного порядка. Таким образом для сторонника разобранной выше концепции остается единственное предположение, что продуктом Связи является письмо или телеграмма как документ, — т. е. предположение, явно несостоятельное уже по одному тому, что подобные документы суть не общественные потребительные стоимости, а всегда полезности лишь для нескольких конкретно-определенных лиц или даже для одного единственного лица (внешним выражением этого является отсутствие у письма, как документа, тени стоимости, т. е. цены). Наконец, надо отметить, что предположение это даже и по объему своему не охватывает сферы Связи, ибо телефонная передача или радиовещание не имеют и такого внешнего материального выражения услуги Связи.

Итак, вопрос о продукте Связи, о материальном содержании полезности, создаваемой Связью, решается совершенно определенно: потребительная стоимость, создаваемая Связью, есть самое с н о ш е н и е, самое событие сношения между людьми, пространственно отделенными друг от друга; она не существует как отличная от процесса сношения материальная вещь и может потребляться лишь в самом производственном процессе.

До сих пор мы оперировали исключительно с вопросом о нахождении физического содержания потребительной стоимости, создавае-

мой Связью. С точки зрения исследования Связи, как народнохозяйственной категории, все вышесказанное является лишь чисто предварительным анализом, ибо этот анализ только подготавливает нас к вопросу о месте Связи в процессах порождения и распределения стоимости,— к вопросу, определяющему действительную экономическую сущность Связи.

Основной вопрос, который должен быть здесь поставлен, это — вопрос о том, создает ли «услуга» Связи (здесь необходимо еще раз напомнить, что термин «услуга» применяется нами не в том значении, в каком применяется этот термин у Маркса, понимающего под «услугой» труд, не создающий стоимости) стоимость, или же она принадлежит к тому кругу трудовых затрат, которые новой стоимости не порождают,— к кругу непроизводительных трудовых затрат? В терминологии Маркса это можно выразить также в форме вопроса: имеет ли создаваемая Связью полезность характер товара (в строгом значении данного термина)?

Маркс, поскольку дело касается родственной Связи сферы Транспорта, дает на это прямой ответ, говоря: «Транспортная промышленность представляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу приложения производительного капитала» («Капитал», т. II), хотя, «с другой стороны, она отличается тем, что представляется продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения» (там же, разрядка Маркса). Мысль, выраженная в обеих половинах этой цитаты, несмотря на то, что вторая половина ее носит характер ограничительной оговорки в отношении первой, совершенно ясна: производительный характер Транспорта в глазах автора «Капитала» стоит вне сомнений.

Это означает, что для Маркса на Транспорт сполна распространяется вся совокупность принципиальных выводов «Капитала», сделанных им в отношении производительного капитала. С учетом того, что продукция Транспорта не обладает самостоятельной от транспортного процесса овеществленной формой, формула кругооборота капитала транспортной промышленности представляется аналогичной формуле капитала, занятого в производстве благородных металлов, служащих материалом для чеканки полноценной монеты («Капитал», т. II, с. 230):

$$Д - Т \underset{сп}{<}^P \dots П - Д'$$

В формуле этой отсутствует звено T^a (т. е. приращенный товарный капитал, как непосредственный продукт производственного процесса, еще не обмененный на деньги), так как в данном случае звено T^a не фигурирует как самостоятельная форма в метаморфозе капитала. Чтобы быть точнее, следует добавить, что выпадающее в обоих случаях звено T^a в отношении производства благородных металлов совпадает с D^1 , ибо T^a , если в стране существует принцип свободы чеканки, уже выступает в денежной форме. Иначе говоря, в этом случае формула кругооборота в точном виде должна быть написана следующим образом:

$$Д - Т \underset{сп}{<}^P \dots П - (T^a) D^1.$$

Наоборот, в отношении транспортной промышленности звено T^a , или товарная форма капитала, приурочивается не к заключительному звену D^1 , а к самому производственному процессу П. Поэтому, уточнен-

ная формула кругооборота капитала, занятого в транспортной промышленности, имеет следующий вид:

$$D - T < \frac{P}{c_{II}} \dots P \dots (T^1) - D^1.$$

Впрочем, в данный момент нам важно одно, а именно — установить, — что в представлении Маркса формула обращения транспортного капитала содержит в себе стоимостное неравенство начального D (т. е. денежного капитала, с которого начинается весь кругооборот) и заключительного D^1 (т. е. денежного капитала, которым завершается весь кругооборот и который содержит в себе не только авансированный денежный капитал, но и денежное выражение нарощенной стоимости); следовательно, формула эта является формулой кругооборота производственного капитала. Результативная стоимость, выраженная в заключительном D^1 , содержит в себе стоимость, созданную транспортом, которая определяется суммой стоимости затраченных транспортом средств производства и рабочей силы и прибавочной стоимости, созданной трудом транспортных рабочих.

Все это сполна относится к области Связи. Кругооборот занятого в ней капитала выражается третьей из приведенных только что формул. Никакой специальной аргументации для доказательства этого положения не требуется, так как все вышесказанное относится к сфере «промышленности сношений» вообще. Вывод этот вытекает из всей экономической системы марксизма; в этом легко убедиться из анализа тех предпосылок, при наличии которых затрата труда будет иметь, по Марксу, своим эффектом образование новой стоимости. Таковые условия — прежде всего наличие потребительной стоимости: продукт трудового усилия должен быть полезным; во-вторых, он должен быть общественно полезным, «общественной потребительной стоимостью», в-третьих, он должен быть результатом затраты труда. При наличии этих трех условий объект, поскольку речь идет об обществе товаропроизводителей и поскольку объект становится товаром, неизбежно становится стоимостью.

Удовлетворяет ли этим трем условиям так называемая «услуга» Связи? Очевидно, удовлетворяет. И это никем не отрицается. Возражения возникают с другой стороны — со стороны, якобы, недостаточности этих условий; не выливаясь в форму прямого оспаривания тезиса, утверждающего, что услуги Транспорта и Связи обладают свойством порождения новой стоимости, возражения эти сводятся к утверждению, что не менее необходимым условием стоимости является наличие у нее материального субстрата. Попробуем остановиться на этой стороне вопроса.

В советской экономической литературе эта точка зрения между прочим представлена т. Р. Вайсбергом и развита в его статье «Общественный продукт при капитализме и в СССР» («Плановое хозяйство», 1927, № 5—6). Цитируя знаменитое положение Маркса в предисловии к «Zur Kritik» (с. XIII): «В общественном отправлениях своей жизни люди вступают в определенные, от их воли независящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил (разрядка т. Вайсберга — (И. К.). Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества и т. д.», Тов. Вайсберг подчеркивает слово «материальных» и старается сделать

эту цитату общесоциологической базой для вывода, будто в экономической системе марксизма «в центре внимания» стоит материальный продукт. Мотивировка т. Вайсберга такова: Маркс «исходит из тех общественных отношений, которые складываются на почве производства материальных благ», соответственно этому, по мнению т. Вайсберга, общественным продуктом можно признать «только тот общественный продукт, который создается в сфере производства материальных благ». «Производительным является, — по Вайсбергу, — тот (имеется в виду сказать: только тот.—(И. К.) труд, который занят в производстве материальных благ, в производстве товаров, и непроизводительным является труд, занятый в сфере обмена, в сфере рыночного обращения».

Мы считаем, что вывод этот построен на двух логических ошибках. Первая из этих ошибок заключается в том, что понятие «материальных производительных сил», взятое т. Вайсбергом из общесоциологической концепции Маркса, отнюдь не совпадает с понятием «производства материальных благ». Так, например, радиостанция входит в объем первого из этих понятий, но стоит вне пределов второго. Вторая ошибка заключается в том, что в основе выдвигаемого т. Вайсбергом деления общественно-хозяйственной сферы на «производство материальных благ» и на «сферу рыночного обращения» лежит неправильный классификационный принцип, и благодаря этому делению представляется неполным, неисчерпывающим. На этом надо остановиться несколько внимательнее.

Мы целиком согласны с т. Вайсбергом в том, что Маркс считает производительным только труд, занятый в производстве товаров, а непроизводительным — труд, затрачиваемый в сфере их обращения. Но остается совершенно недоказанным и далеко не очевидным, что Маркс считал товаром только «материальные блага». Наоборот, в главе «Товарный фетишизм и его тайна» Маркс усиленно доказывает, что «товарная форма не имеет решительно ничего общего с физической природой вещей. Это — лишь определенное общественное отношение самих людей» («Капитал», т. I, с. 33). Продукты труда становятся товаром не в силу их каких-либо физических свойств, а «лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ», «выросших в систему общественного разделения труда», суть продукты, удовлетворяющие известной общественной потребности. Утверждать обратное значит возвращаться на точку зрения товарного фетишизма. В «Теория прибавочной ценности» (т. III, с. 229) мы читаем: «Продукт труда при всяких общественных условиях есть предмет потребления, но лишь исторически определенная эпоха... превращает продукт труда в товар», однако, «чтобы и технологически оправдать специфическую общественную форму, т. е. капиталистическую форму... экономисты неправильно придают слишком важное значение вещественному моменту в противоположность самому труду». Сказанного достаточно, чтобы понять, что для Маркса понятие материального и понятие товара вовсе не суть синонимы: не все материальное есть товар, и не все, что есть товар, является материальным благом в смысле выдвинутого т. Вайсбергом признака «возможности существования продукта труда независимо от его производителя».

Нужно условиться о том, в каком смысле понимается вопрос о «производительности», о свойстве труда создавать новую стоимость. Не надо забывать, что в контексте Маркса понятие производительности

труда взято из контекста анализа капиталистического хозяйства. Прочие формы хозяйства, хотя бы исторически сохраняющие внутри капиталистического общества некоторое место наряду с хозяйством капиталистическим (т. е. частью — хозяйство натуральное, частью — хозяйство простых товаропроизводителей), — в круг анализа Маркса не вовлечены, и система понятий марксизма строится для теоретического овладения именно капиталистическим хозяйством. Это кладет свой отпечаток и на понятие «производительности труда» в смысле способности создания новой стоимости (не надо забывать, что для марксовой теории стоимости свойство это есть свойство труда). Во внекапиталистическом контексте «производительность» есть свойство всякого труда вообще, создающего какую-нибудь общественную полезность, подчиненную товарной форме, стоимостной форме. Поэтому простой товаропроизводитель, не извлекающий прибавочной стоимости, создает тем не менее стоимость, и в смысле своей эпохи его труд производителен. В смысле чисто капиталистическом, как дело обстоит в теоретическом анализе у Маркса, труд представлен только как наемный труд, и производительность его есть его способность давать капиталисту прибавочную стоимость, основу капиталистического накопления. Говоря, что труд, обмененный на доход, есть труд непроизводительный, мы употребляем тавтологию, ибо это значит, что денежная сумма, затраченная на наем рабсилы, затрачена не как капитал, т. е. не дала нанимателю прибавочной стоимости. Может ли подобное положение вещей иметь место в капиталистическом обществе, принимая во внимание, что товары продаются по их стоимости, вырабатываются для получения прибыли? Конечно нет, ибо это противоречило бы самому смыслу капиталистического хозяйства. Ясно, что затрата на наем рабсилы без извлечения прибавочной стоимости может иметь место в капиталистическом хозяйстве (мы оставляем в стороне случаи кризисов или отдельных хозяйственных аномалий) лишь при условии, если рабочая сила обращена на производство объекта, имеющего нетоварный характер, не подлежащего отчуждению в порядке рыночных отношений, а потребляемого самим нанимателем или отчуждаемого им в пользу третьих лиц не в порядке рыночных отношений (например, путем даренья). Происходит это или в случае создания нанявшимся нетоварного материального объекта, либо в случаях личного обслуживания. В обоих случаях это — услуга в том точном значении, которое этому термину придал Маркс. Стаиваются ли общество в целом в результате такой услуги богаче (по крайней мере тогда, когда такая услуга выражается в создании материального объекта), появляется ли в его обладании некая новая потребительная стоимость или полезность? Разумеется, — да. Но — появляется ли при этом новая стоимость в смысле капиталистического накопления? Конечно, — нет. Таким образом, труд, занятый в услуге (но не во всякой), может быть производительным в смысле, в котором мы говорим о производительности труда в некапиталистическом обществе, и одновременно быть непроизводительным в смысле истощения капиталистического накопления.

Анализ этот надо продолжить и дальше. Представим себе двух капиталистов: первого, занятого производством материальных объектов, и второго, занятого организацией рыночного обращения продукта. Оба они пользуются наемным трудом и оба получают прибыль. С точки зрения каждого из них занятый у них труд производителен, ибо он дает им прибыль. Эту точку зрения т. Вайсберг

называет «истинно-капиталистической» и отвергает, как ложную. С точки же зрения объективного понимания хозяйственных отношений, в которых стоят эти капиталисты, дело меняется: первый капиталист трудом своих рабочих создает объективно новую стоимость; труд его рабочих объективно «производителен». Второй капиталист, хотя и пользуется наемным трудом, однако, путем его применения новых стоимостей не создает, ибо не создает новых полезностей; второй капиталист завладевает лишь частью прибавочной стоимости первого капиталиста. Эту точку зрения т. Вайсберг признает решающей вопрос, но думает, что она является правильной, потому что первый капиталист создает материальные объекты. Последнее предложение т. Вайсберга ошибочно.

Происходит эта ошибка потому, что в глазах т. Вайсберга на изображенную только что картину взаимоотношений обоих капиталистов налагает сверху то понимание производительности, о котором мы только что говорили в применении к некапиталистическому обществу. На самом деле первый капиталист создает в лице материальных объектов то, что делает общество богаче в смысле накопления полезностей, в смысле простого товарного хозяйства, богатство в котором мыслится, как накопление потребительных стоимостей, как огромное все растущее T и только поэтому особую роль получает вопрос о материальном субстрате созданных полезностей, так как только наличие материального субстрата открывает возможность хранения и, стало быть, накопления. Это привнесение в изучение и понимание явлений товарно-капиталистического хозяйства представлений и точек зрения, почерпнутых из сферы простого товарного хозяйства, надо отбросить. Оно только затемняет вопрос. Вопрос о производительности, о свойстве создавать новую стоимость, должен быть разрешен на основе начал сложного товарного хозяйства — и только. Это — вопрос капиталистического накопления.

Имеет ли данный вопрос какое-либо отношение к вопросу о полезностях, создаваемых в процессе хозяйствования? Имеет, но вовсе не в том виде, как это представляет т. Вайсберг. «Производительным трудом, — говорит Маркс, — в смысле капиталистического производства, является наемный труд, который, будучи обременен на переменную часть капитала, не только воспроизводит эту часть (т. е. ценность своей собственной рабочей силы), но кроме того создает для капиталиста прибавочную стоимость... Тем самым уже вполне устанавливается, что такое непроизводительный труд. Это — труд, обмениваемый не на капитал, но непосредственно на доход, т. е. на заработную плату или прибыль, а также, конечно, и на те различные рубрики, которые существуют за счет прибыли капиталиста, каковы проценты и рента» («Теории», т. I, с. 167). «Следовательно, — добавляет Маркс, — определения эти взяты не из вещественных процессов труда, не из природы его продукта, не из акта труда, как конкретного труда, а из определенных общественных форм, из тех общественных отношений производства, в которых этот труд осуществляется» (там же). На последующих страницах «Теорий» Маркс неоднократно возвращается к этой мысли и не раз подчеркивает, что «определенный вещественный характер труда, а следовательно его продукта, сам по себе не имеет никакого отношения к различию между производительным и непроизводительным трудом» (там же, т. I, с. 169).

Характерно, что именно у физиократов, стоящих по существу на точке зрения простого товарного хозяйства и отрывающихся от хозяйственных представлений, слагающихся на почве земледелия, «produit net» в физическом смысле является единственным признаком производительности труда (Маркс сильно упрекает А. Смита в заимствовании этой точки зрения у физиократов).

Полезность, т. е. свойство, логически лежащее за пределами меновой стоимости, при определении сферы производительного труда играет ту роль, что она является отрицательным условием производительного труда, ибо труд, не направленный на производство общественных полезностей, не может быть трудом производительным. Но в пределах, очерченных этим отрицательным условием, физическое свойство результата труда значения не имеет.

Вопрос о стоимости производительной способности целого ряда общественно-хозяйственных функций отнюдь не сопряжен с изменением физических свойств объекта. Говоря о Транспорте, Маркс это выражает в словах: «С одной стороны транспортная промышленность представляет самостоятельную отрасль производства, а потому и особую сферу приложения производительного капитала. Но, с другой стороны, она отличается тем, что представляется продолжением производственного процесса в процессе обращения и для процесса обращения» («Капитал», т. II, с. 96). В первой части первой фразы Маркс подчеркивает момент потребительной стоимости, создаваемой Transportом; этот оттенок мысли часто не замечается, а между тем без него вся первая фраза приведенной цитаты была бы просто тавтологией и не была бы понятна форма вывода, которая придана второй половине фразы («...а потому и особую сферу приложения производительного капитала»). Во второй фразе Маркс отмечает всякую попытку причислить к понятию производственного процесса признак физической трансформации вещей, устанавливая, что процесс порождения новой стоимости внешне может облекаться в форму процесса обращения. Решающим в отношении Transportа для Маркса является таким образом то, что при внешней форме процесса обращения он в действительности создает новую потребительную стоимость и вследствие этого становится источником новой стоимости. В этом и заключается то особенное, что отличает Transport и Связь от прочих феноменов сферы обращения, являющихся источниками только «ложных издержек» товарного производства.

Но транспорт является только «одной из подобных отраслей,— как выражается Маркс («Капитал», т. II, с. 21), наиболее важной в экономическом отношении». Сюда же принадлежит и сфера Связи, в своей специфической форме еще более отвлеченная от материально-товарного субстрата создаваемой ею стоимости. В отличие от Transportа внешние физические объекты производственных процессов Связи не суть товарные комплексы. Поэтому, если стоимость, созданная Transportом, поскольку речь идет о товарном Transportе, аккумулируется в стоимости перевозимого объекта и соответственно выражается в цене,— то в отношении Связи такое явление не происходит и произойти не может. Сама услуга Связи, само сношение является товаром; услуга Связи, как товар, имеет цену, выраженную в тарифе. Но внешняя форма сношения — письмо, телеграмма, телефонный разговор или звук громкоговорителя,— не будучи товаром, стоимости не имеет и, стало быть, не аккумулирует стоимости услуги Связи, а сле-

довательно не имеет и цены. Таким образом, именно Связь оказывается одним из последних звеньев в процессе дематериализации понятия товара, но именно поэтому услуга Связи в более чистом виде выражает собой понятие товара, как общественного отношения, нежели традиционный «1 сюртук» или «20 аршин холста».

Давая подобное расширение понятия товара, мы не входим ни в какой мере в конфликт с основами марксизма («родовым обозначением для подобной группы, так сказать, бессубстратных товаров для того, чтобы избегнуть в дальнейшем слова «услуга», означającego в марксистском контакте сферу непроеводительного применения труда,— может быть термин «операция»). Если у Маркса кое-где (напр., в самом начале I тома «Капитала: «Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая» и т. д.) и есть указания на материальный субстрат, как атрибут товара, то, во-первых, нигде атрибут этот не возводится им в значение конститутивного признака товара, а, во-вторых, атрибут этот нигде не входит как необходимое логическое звено в систему выводов марксизма. Можно сказать уверенно, что, отправляясь в своем анализе капитализма от изучения и исследования индустриального капитала, Маркс оперирует преимущественно над ним, но не ограничивает своей системы исключительно рамками промышленного капитала в узком смысле слова.

Возникает вопрос: не угрожает ли изложенное расширение понятия товара четкости той линии, которая отделяет сферу, в которой только и создается стоимость, сферу производительного труда, от сферы обращения, где стоимость никогда не создается, а только распределяется? Не рискуем ли мы поставить рядом с индустриальным рабочим мелкого лавочника? Понятно,— нет. Мы уже отмечали, что условие создания потребительной стоимости является предметом создания стоимости, поскольку потребительная стоимость является условием самой стоимости. Это и дает объективный критерий для выделения сферы производительного труда. Поскольку труд, занятый в сфере обращения, не создает никакой новой потребительной стоимости, а сама его общественная необходимость в условиях данного общественного строя целиком вытекает из условий товарно-капиталистического хозяйства,— он сохраняет свой непроеводительный характер, оставаясь в области «ложных издержек» товарно-капиталистического хозяйства. Именно этот признак, а не признак материального субстрата отделяет его от области производительного труда.

Мы знаем, что в плано-организованном социалистическом хозяйстве отомрут все порожденные товарной формой хозяйства непроеводительные отрасли: денежное обращение, кредит, торговля и т. д., но не отомрут ни Транспорт, ни Связь. Более того, культурный рост общества будет означать в социалистическом будущем рост Связи.

Тут надо предупредить об опасности одного неправильного вывода: комиссионные услуги, которые в настоящее время примешаны к операциям Связи, являются услугами в полном смысле слова, так как комиссионер всегда принадлежит к сфере обращения и попросту замещает коммитента в предстоящем последнему непроеводительном труде, т. е. в труде, не создающем новой стоимости. Иначе обстоит дело с товарно-транспортными операциями Связи. Стоимостепорождающее свойство этих операций коренится в общем свойстве операций Транспорта. Связь в них выступает как транспортер и создает долю стоимости, возникающей в результате всей операции в целом (непосредственная

работа органов Связи — работа железной дороги или другого технического перевозчика — непосредственная работа органов Связи на месте прибытия). Но товарно-транспортный характер этой операции относят ее к условиям товарного хозяйства, т. е. к условиям определенного исторического периода, и поэтому требует некоторых оговорок, поскольку речь идет о социалистическом обществе. С устранением товарной формы хозяйства операция эта сохранится в нетоварно-транспортной форме; существо ее от этого не изменится, хотя некоторые разновидности этой операции отомрут (денежный перевод). Поэтому и за этой группой операций надлежит признать стоимостепорождающую способность, кроме операций денежного перевода. Денежную пересылку или денежный перевод мы должны отнести к сфере явлений обращения, должны рассматривать их как источник издержек обращения, но отнюдь не как источник вновь созданной стоимости.

Итак, в итоге всего вышесказанного мы считаем установленным:

а) что продуктом Связи или ее товаром является самое сношение, сама операция сношения, как мы ее условились называть, выраженная в специфической для Связи, как народнохозяйственной функции, форме так называемых операций общения или коммунальных операций Связи;

б) что продукт этот имеет все черты общественной потребительной стоимости и в качестве такового является товаром в точном значении этого термина в системе марксовой политической экономии;

в) что в силу этого работа Связи в ее специфической форме всегда производительна, т. е. сопровождается образованием стоимости, а занятый в обслуживании Связи труд является трудом производительным;

г) что из числа неспецифических для Связи услуг операции посылочные, будучи по существу своему операциями Транспорта, как таковые, являются также стоимостепорождающими; операции же по денежным переводам и комиссионным услугам, как лежащие в сфере обращения, стоимости не создают и являются лишь источником издержек обращения.

А. Герценштейн

НОВЫЙ ТРУД ВЕРНЕРА ЗОМБАРТА

Всем, что есть хорошего в моей работе, я обязан духу Маркса.

Из предисловия.

Третий том «Современного капитализма» Зомбарта представляет несомненно одно из наиболее выдающихся явлений в области экономической литературы последнего десятилетия. Он заслуживает самого пристального внимания со стороны марксистов. Есть что отметить, есть о чем поспорить. В настоящей статье мы попытаемся дать критическую оценку лишь первого полутома этой работы, недавно появившегося в русском переводе.

Всякий подлинно научный труд органически проникнут направляющим единством замысла. То, что нам непосредственно дано в каждом единичном случае, является лишь составной частью чего-то общего и взаимного. Поэтому идея целого необходимо составляет привычку научного механизма мышления. Чтобы воспринять в основных контурах последнюю работу Зомбарта, необходимо с полной ясностью видеть тот стержень, вокруг которого располагаются многочисленные исследовательские ответвления его книги. Таким организующим стержнем является идея неуклонного подчинения развивающимся капиталистическим способам производства всех живых и мертвых сил природы. Именно эта идея служит автору ориентирующим началом в любой области его анализа капитализма. Необходимо при всем этом помнить следующее: обуславливая характер методической установки анализа, эта руководящая идея отнюдь не является простым техническим орудием группировки фактического материала. Она органически вытекает из общего представления автора о капитализме, как неповторимом и текущем историческом процессе. Последнее обстоятельство надо со всей силой подчеркнуть. Никто из буржуазных экономистов не сумел с таким блеском формулировать историческое представление о капитализме, как Зомбарт в своих многочисленных работах. И в этом прежде всего его крупная научная заслуга.

Привычный консерватизм нашего языкового мышления обозначает общим словом «капитализм» все ступени развития этого способа производства. Для огромного большинства буржуазных экономистов создается тем самым дополнительная возможность трактовать капиталистический процесс, как тождественный, постоянно равный самому себе, неизменный в своих внутренних отношениях. Зомбарт целой головой выше этой плоской апологетики. То, что он обязан в этом отношении Марксу, вряд ли является для кого-либо секретом. Он прекрасно видит, как капитализм возникает, поднимается, растет, зреет. Капита-

лизм постоянно находится в пути, изменяется, переходит с одной ступени на другую. Он имеет возраст. Прошлое развитие не стирается, не покидает его настоящего. Время неуклонно вписывает кое-что в жизненный реестр капитализма. Но воспринимая капитализм как непрерывное ступеньчатое становление, Зомбарт остается совершенно чуждым двум другим идеям, которые соединяются в марксизме вместе с идеей становления в целостную революционную концепцию. Он не видит ни механизма противоречий как двигательной силы процесса, ни преемственной связи капитализма с социалистическим способом производства. Первое обстоятельство он молча игнорирует, второе — категорически отрицает. На всем этом мы впрочем остановимся ниже, а пока вернемся к руководящей нити его книги.

Указанное нами выше ориентирующее единство замысла накладывает на всю работу печать строгой архитектурной законченности. В каких же основных направлениях пролагает Зомбарт исследовательские пути, исходя из своей четкой организующей идеи?

Можно было бы высказать много резонирующих упреков по поводу той общей философской предпосылки, с которой Зомбарт подходит к капитализму. Вряд ли, однако, стоит останавливаться на его философской концепции исторического процесса. Для Зомбарта дух всякой эпохи является первичным, сама живая действительность — производным комплексом. Когда мы читаем, что «дух напечатлевает на каждой эпохе, в том числе и на периодах хозяйства определенные своеобразные черты» (XVIII), и что «формы хозяйственной жизни приближаются к идее развития капитализма» (XXI), нам остается только пожалеть плечами. Есть некоторые проблемы, о которых спорить совершенно бесполезно, ибо каждый все равно останется при своем. Мы тем охотнее отказываемся от спора с Зомбартом по этому вопросу, что его философская концепция соотношения идей и хозяйственной жизни мало вредит, по существу, его научному анализу. Она остается, по существу, простым декларативным привеском. Когда Зомбарт, засучив рукава, уверенно берет груды исторических фактов и мастерски извлекает из них невидимые для поверхностного глаза тенденции движения, он меньше всего связывает этот анализ своим философским символом веры. И мы можем высказать по поводу этой измены лишь искреннее удовлетворение.

Архитектоника книги, обусловленная задачей показать, как капитализм приспособляет к своим потребностям многосторонние условия оптимального функционирования, носит следующий характер. Сначала идет исследование основ капитализма, затем его с о з и д а н и я. О с н о в а м и капитализма Зомбарт называет совокупность трех данных: «имеется налицо определенный человеческий тип, государственное устройство, техника» (XXI). С о з и д а н и е м капитализма называется осуществление трех комплексов условий, от которых зависит развитие капитализма и которые исторически разворачиваются в ходе этого развития. Имеются в виду: капитал, рабочая сила и рынок сбыта. Нам не должен смущать этот странный двухэтажный домик с тремя комнатами в каждом этаже. Странник материалистического понимания истории легко перегруппирует шесть перечисленных моментов в ином познавательном плане. Важно то, что Зомбарт ориентируется в каждом из этих моментов с полным знанием своего дела. Присмотримся поближе к тем основным выводам, которые он нам преподносит.

Мы позволим себе некоторую вольность и рассмотрим эти выводы в ином порядке, чем их располагает Зомбарт. Тогда легче будет выявить шуйцу и десницу в его капитальном исследовании. Начнем с проблемы рынка.

Здесь нас ожидает много интереснейших сюрпризов. Зомбарт решительно зовет научную мысль назад, к теоретической концепции Сейя и Рикардо: «не опровергаются ли Сей и Рикардо с их теорией рынков? Нисколько. Теория эта остается верной, хотя мы и не можем согласиться с аргументами, посредством которых они доказывали невозможность приостановки сбыта товаров» (495). Но это еще не все. Оказывается, что не только правильна теория рынка классической школы, но даже известное положение Адама Смита о распадении стоимости общественного продукта на заработную плату и прибавочную стоимость является несомненной истиной. И только Маркс, у которого «волевой импульс затуманивал зрение», мог «в непостижимом ослеплении» оспаривать этот безукоризненный догмат. Мы видим, насколько своеобразна занятая нашим профессором позиция в вопросе о реализации общественного продукта. Теперь мы крайне заинтересованы, во имя каких логических аргументов Зомбарт решается выступить с потрепанным знаменем поверхностной сеевской апологетики?

С самого начала необходимо сказать следующее. Все зомбартовские работы отличаются обычно пластической ясностью изложения мысли. Тем более досадно, что в этом вопросе капитальной важности изложение сбивчиво, путанно, незавершенно. Дабы рассмотреть создавшееся положение вещей наиболее беспристрастно, попытаемся расчленить ход мысли Зомбарта на его составные элементы. Тогда у нас получится следующая схема:

1. В теории рынков издавна установились «два резко противоположные взгляда, один из которых мы вправе назвать оптимистическим, а другой — пессимистическим».

Первый взгляд защищает большинство классиков. Он сводится к тому, что капитал всегда находит себе применение, а продукт — рынок сбыта, так как расширение производства означает вместе с тем и расширение потребления. Второй взгляд защищают Сисмонди, Родбертус, Маркс и его последователи. «Интереснее всего обоснование пессимистического взгляда на жизнеспособность капиталистической системы хозяйства у Маркса». Роза Люксембург выступила с наиболее блестящей его защитой. «Пессимистическое воззрение... утверждает, что в капиталистическом хозяйстве спрос на товары не растет по мере увеличения продукции, так как покупательная способность увеличивается не в одинаковой пропорции с продукцией: из общественного годового дохода известная часть всегда, вследствие накопления части прибавочной стоимости, остается непотребленной, между тем как именно в силу этого накопления продукция растет» (489).

2. На опровержении взглядов Сисмонди — Родбертуса не стоит останавливаться, так как «предпосылками их служат неизменная величина заработной платы и стационарное состояние народного хозяйства» (494). Своеобразное же обоснование пессимистических взглядов у Маркса заслуживает, наоборот, внимания. Маркс невероятно заблуждался, нападая на учение Адама Смита о составе общественного продукта по стоимости. «Только ослепление, вызванное теорией катастроф, породило чудовищную теорию Маркса и марксистов о воспроизводстве капитала» (492). Маркс думал, «что вследствие уменьшения V

покупательная сила рабочего класса... увеличивается не в одинаковой мере с возрастанием продукции и что таким образом наемный рабочий все меньше становится в состоянии покупать ту массу товаров, которую он сам производит» (491). Это совершенно ложно. «Если мы поставим вопрос, должно ли растущее накопление капитала с необходимостью вести к недопотреблению, а потому и к перепроизводству, то окажется, что классики, отвечая на него отрицательно, были, несомненно, правы, а социалисты неправы» (492). Заблуждение Маркса доказать нетрудно. Ведь «совокупный капитал, в течение одного года снова вкладываемый в дело, в конечном счете снова затрачивается на заработную плату и образует таким образом новый спрос, равняющийся всей его сумме». Возможно, что он пойдет на оплату добавочного труда уже занятых в производстве рабочих; возможно, что он послужит (и это, как мы знаем, является правилом) для найма новых рабочих. Ошибочно думать, что сумма, обращенная на создание *C*, не включает в себя заработную плату. Если предприниматель строит фабрику, покупает машины, расширяет свой аппарат, то каким иным способом мог бы он получить эти новые составные части, как не тем, что другие рабочие создадут их для него?» (492). «Заблуждение Маркса и его последователей заключается в том, что правильно подмеченный факт уменьшения фонда зарплаты (оборотного капитала) сравнительно с общим капиталом они поставили в связь с производственным использованием вновь накопленного капитала». Совершенно верно, что переменный капитал составляет все меньшую долю общественного капитала, поскольку «в этот последний входит также и общая сумма непрерывно растущего постоянного капитала» (493). Но ведь это «ничего не меняет в том решающем обстоятельстве, что весь новый капитал есть в то же время фонд заработной платы» (494).

3. «Итак решение поставленной здесь проблемы сводится к следующему: прогрессирующее накопление... не может создать для капитализма никаких затруднений в сбыте, потому что капитализм всегда имеет на этот случай противоядие: чем более возрастает капитал, тем более возрастает и спрос. Но этим положением теория рынков не может еще удовлетвориться. Если совершенно неверен взгляд, что прогрессирующее накопление создает для капитализма затруднения, коренящиеся в самой его сущности, то этим еще не доказано, что для капитализма не возникает никаких внешних затруднений. Внешние затруднения, действительно, существуют» (494). Они сводятся в основном к следующему: 1) потенциальный капитал может не превратиться в реальный, если денежная сумма сберегается *in natura* и если она исчезает в пасти биржевого Молоха; 2) если назначенная за товары цена выше суммы заработной платы плюс прибавочная стоимость, поскольку эта сумма равна стоимости совокупного товарного продукта; 3) если наступает длительная или временная диспропорция в производстве. Таковы трудности, на которые наталкивается процесс воспроизводства общественного капитала. Необходимо, однако, указать на тот факт, что «все перечисленные трудности реализации готовых продуктов не лежат в природе капиталистического хозяйства, а потому могут быть устранены. Вот почему при построении теории они не только могут, но и должны быть отброшены» (495. Курсив мой.— А. Г.).

Мы передали взгляды Вернера Зомбарта на реализацию товаров при капитализме со всей полнотой и по возможности его собственными

словами. Со своей стороны мы утверждаем, что Зомбарт не только стоит на логически неправильной точке зрения, но что он вдобавок к этому прямо-таки варварски смешивает теоретические взгляды Маркса и Сисмонди, не проводя между ними никакой разграничительной линии. А между тем взаимоотношения отложившихся научных позиций в области разработки проблем реализации настолько извилисты и сложны, что более, чем где-либо в другом месте, здесь нужна предельная четкость формулировок. Попытаемся в самом сжатом виде восстановить действительную картину взаимоотношения различных научных течений и вместе с тем опрокинуть скудную зомбаровскую аргументацию в защиту классической школы.

И классики и Сисмонди одинаково стояли на той точке зрения, что стоимость каждого отдельного товара и, следовательно, стоимость всего совокупного товарного продукта распадается только на элементы дохода. Но если общественный продукт распадается по стоимости на различные виды доходов, то отсюда следует с логической неизбежностью, что общие размеры капиталистического рынка определяются величиной потребительского спроса. Несмотря на все различие между классической и сисмондистской школами, это положение было тем общим отправным пунктом, из которого они обе исходили. Корни этого положения уходили к смитовскому анализу составных частей цены товара. Маркс резко расходится в этом отправном пункте с обеими школами. Он, с одной стороны, отчетливо формулирует двойственный характер вещественного состава общественного продукта (средства производства и средства потребления), а с другой — дает точный научный анализ его стоимостного состава, заключающего в себе не только элементы дохода, но и элементы капитала. Остановимся пока на этой ступени и посмотрим, что делает из всего этого Зомбарт. Он, во-первых, всей вескостью своего научного авторитета пытается реабилитировать смитовский догмат и, во-вторых, совершенно произвольно зачисляет Маркса в сисмондистскую школу, навязывая ему то своеобразное понимание недопотребления, которое защищала эта школа.

Зомбарт буквально в двух словах разделяется со всей марксовой критикой, направленной против смитовского догмата. Вообще почти всюду, где необходимо опровергнуть Маркса, он не аргументирует, а декларирует; не доказывает кажущейся ему неправильности марксовых положений, а в демонстративной афористической форме показывает свое несогласие с ними. Подобная барственная манера критики может вызвать лишь улыбку у всякого, знающего, с какой величайшей тщательностью и добросовестностью Маркс обосновывал любое из выдвигаемых им положений. Самое замечательное во всем этом то, что Зомбарт даже не догадывается, в какой безвыходный тупик приходит он, вооружившись смитовским догматом. В самом деле. Если бы вся сумма национального продукта реализовалась действительно только в национальном доходе, то ведь осталось бы совершенно непонятным, каким образом регулярно реализуются и кем собственно оплачиваются средства производства, которые не могут оплачиваться из фонда национального дохода, затрачиваемого на покупку предметов потребления. Зомбарт не забывает, что общественный продукт состоит не только из средств потребления, но и из средств производства. Но весь курьез заключается в том, что он не замечает, какая логическая пропасть образуется в его учении между правильным представлением о двойственном веществе

ном составе общественного продукта и совершенно ложным представлением о его стоимостном составе. Одно из двух: или реализация общественного продукта включает в себя еще какой-то другой момент наряду с обменом некоторой части его на доходы, или же в хозяйстве вообще отсутствуют ресурсы возмещения истраченной капитальной стоимости. Считать, что на рынке происходит лишь обмен товаров на доходы, и утверждать при этом, что тем самым восстанавливается и затраченный на средства производства капитал,— значит попросту расписаться в своем собственном теоретическом недомыслии.

Не замечая этого огромного затруднения, отчетливо вырисовывающегося уже при исследовании возмещения составных частей общественного капитала в условиях простого воспроизводства, Зомбарт непосредственно переключает свое внимание на анализ расходования накапливаемой прибавочной стоимости. Чтобы разобраться в той путанице, которую он здесь развивает, вернемся еще раз к истории проблемы.

Мы видели, что отправной пункт классической и сисмондистской школ был один и тот же. Тем более интересно то различие выводов, к которым каждая из них пришла.

В учении классиков накопление капитала трактуется как одностороннее превращение всей капитализируемой части прибавочной стоимости в заработную плату рабочего класса. Отсюда они делают два основных вывода: 1) накопление капитала есть простое замещение одной формы личного потребления (потребление капиталистов) другой (потребление рабочего класса); 2) капиталистическое производство в силу этого само создает себе рынок для сбыта товаров. В учении Сисмонди накопление капитала не выступает как необходимое превращение всей капитализируемой прибавочной стоимости в переменный капитал. Хотя он целиком принимает смитовский догмат, но необычайно острое восприятие антагонистичности капиталистического хозяйства не позволяет ему стать на ту, естественно вытекающую из этого догмата точку зрения, что накопление капитала всегда сопровождается возрастанием дохода трудящихся масс. Получается определенная логическая неувязка, которую Сисмонди даже не замечает, когда он, в противоположность классикам, выдвигает следующие два положения: 1) накопление капитала сопровождается сокращением общественного потребления; 2) капиталистическое производство в процессе своего развития суживает внутренний рынок, так как оно уменьшает общественное потребление, размеры которого ведь ограничивают емкость этого рынка.

Какую же позицию занимает в данном вопросе Маркс? Из зомбаровского изложения ничего ясного вынести нельзя, так как у него Сисмонди, Маркс, Роза Люксембург взяты в одни скобки, чтобы тем легче было одержать победу над каждым из них в отдельности. Маркс отходит здесь от классиков в том отношении, что он не рассматривает накопления капитала как одностороннего превращения всей капитализируемой прибавочной стоимости в доход рабочего класса. Все возрастающая часть прибавочной стоимости затрачивается на средства производства, что совершенно игнорировали классики. Но он сходится с классиками в признании того, что накопление капитала действительно раздвигает границы внутреннего рынка, отнюдь не представляя себе этого процесса в таких гармонических формах, как его трактовали классики. Здесь мы подходим к пониманию отношения Маркса к Сис-

монди. Маркс сходится с ним в том отношении, что вполне признает возможность относительного сокращения народного потребления при одновременном росте общественного богатства. Но он отходит от Сисмонди, поскольку последний видит в этом сокращении личного потребления непреодолимое препятствие для развития капитализма — концепция, вытекающая из этого взгляда, что рынок растет исключительно за счет личного потребления, и упускающая из виду то обстоятельство, что рынок растет и за счет спроса на средства производства.

Теперь обратимся к Зомбарту. Свою критику Маркса он начинает с того, что отождествляет его взгляды со взглядами сисмондистской школы. Вот что он пишет: «Пессимистическое воззрение, напротив, утверждает, что в капиталистическом хозяйстве спрос на товары не растет по мере увеличения продукции, так как покупательная способность увеличивается не в одинаковой пропорции с продукцией: из общественного годового дохода известная часть всегда, вследствие накопления части прибавочной стоимости, остается непотребленной. Между тем как именно в силу этого накопления продукция растет. Наступает состояние недопотребления, а тем самым и перепроизводства» (489). Эта характеристика искажает весь смысл марксова учения о воспроизводстве и накоплении общественного капитала, так как Маркс со всей решительностью боролся против того представления, будто совокупное общественное производство должно расти в такой же мере, как и общественное потребление. Но уже на следующей странице Зомбарт, забывая об этом инкриминировании Марксу взглядов Сисмонди, нападает на теорию Маркса с иной стороны. Он считает ошибочным марксово утверждение, что определенная часть капитализируемой прибавочной стоимости не превращается в зарплату рабочего, а изымается из фонда дохода и превращается в капитал. С его точки зрения весь вновь накапливаемый капитал переходит в фонд заработной платы (494). Так как Маркс этого не понимал, то он думал, что «растущее накопление капитала» должно «с необходимостью вести к недопотреблению, а потому и к перепроизводству» (491). Наоборот, Зомбарту ясны «ошибки» Маркса, и поэтому он приходит к тем важным выводам, что «прогрессирующее накопление не может создать для капитализма никаких затруднений в сбыте» (494). Разберем этот основной круг зомбаровских мыслей по пунктам.

1. Неверно, что капитализируемая часть прибавочной стоимости целиком переходит в фонд заработной платы. Этот тезис особенно обстоятельно разработал у классиков Джой Стюарт Милль, и Зомбарт целиком его принимает. Единственный логический аргумент, приводимый им в защиту данного тезиса, сводится к следующему: поскольку предприниматель строит фабрику, покупает машины, расширяет свой аппарат, постольку расходование его капитала на эти цели дает содержание рабочим, ибо «каким иным способом мог бы он получить эти новые составные части своего постоянного капитала, как не тем, что другие рабочие создадут их для него» (192). Нетрудно понять ошибку Зомбарта. Он смешивает две разные вещи: то, что средства производства, как и средства потребления, создаются трудом рабочего, с тем, что капитализируемая доля произведенной в предшествовавшем году прибавочной стоимости определенной своей частью изымается из фонда общественного дохода, поскольку она из самого процесса труда вышла в форме средств производства и, следовательно, объективно не может войти в состав рабочего потребления, т. е. стать вещественным субстра-

том заработной платы. Верно, что в новом цикле потребуется некоторая затрата переменного капитала (вещественно ей будет соответствовать та часть капитализируемой прибавочной стоимости, которая овеществлена в средствах рабочего потребления), чтобы привести в движение эти добавочные средства производства (если только технические усовершенствования не позволят обойтись с прежним количеством рабочих). Но совершенно нелепо упускать из виду, что сами эти средства производства представляют собой также часть капитализируемой прибавочной стоимости, и с видом превосходства над заблуждающимся Марксом заявлять, что вся накапливаемая прибавочная стоимость переходит в фонд заработной платы.

2. Неверно, будто Маркс из факта прогрессирующего роста доли постоянного капитала в накапливаемой части прибавочной стоимости делал непосредственный вывод, что это «с необходимостью ведет к недопотреблению, а потому и к перепроизводству».

Если Маркс стоял на той точке зрения, что вся накапливаемая прибавочная стоимость должна войти в личное потребление рабочих, то наблюдая, подобно Сисмонди, факт относительного сокращения доли рабочего класса в общественном продукте, он действительно должен был сделать отсюда вывод, что подобный процесс ведет к перепроизводству. Но он такого вывода не сделал именно потому, что учитывал рост рынка за счет спроса на средства производства.

Растущие трудности реализации вытекают не просто и прямо из того факта, что относительно сокращается доля рабочего класса в совокупном общественном продукте (рынок средств производства растет быстрее рынка средств рабочего потребления). Одним из источников растущих трудностей процесса реализации (мы отвлекаемся сейчас от других моментов) является падение доли рабочего класса в обще-

ственном доходе $\left(\frac{v}{v+m}\right)$, совершающееся на основе падения его доли в общественном продукте $\left(\frac{v}{c+v+m}\right)$. В самом деле. Падение

доли рабочего класса в общественном продукте есть следствие роста органического состава капитала. Но рост органического состава капитала влечет за собой рост производительности труда, что находит свое выражение в прогрессирующем увеличении массы продуктов личного потребления. А так как движение реальной заработной платы отстает от повышения производительности труда (т. е. изменяется соотношение долей в общественном доходе в направлении падения доли рабочего класса), то процесс реализации растущих масс продуктов индивидуального потребления наталкивается на относительные трудности. Критикуя марксову теорию накопления капитала, Зомбарт не касается этой стороны проблемы и излагает дело так, будто Маркс выводил трудности реализации из того факта, что не вся накапливаемая прибавочная стоимость переходит в фонд заработной платы. Именно поэтому Зомбарт и стремится доказать, что вся накапливаемая прибавочная стоимость целиком переходит в фонд содержания рабочего класса. Путаница представлений, как видим, изрядная.

3. Неверно, будто Маркс не понимал, что процесс расширенного капиталистического воспроизводства раздвигает границы рынка для произведенных продуктов.

«Граннцы потребления — писал Маркс — раздвигаются напряжением самого процесса воспроизводства; с одной стороны, оно увеличивает потребление доходов рабочими и капиталистами; с другой стороны — напряжение процесса воспроизводства тождественно с напряжением производственного потребления» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 21).

Прямо поразительно, как Зомбарт позволяет себе утверждать, будто «ортодоксальные марксисты не хотят видеть», что одновременно с внешним рынком развивался и внутренний (497). На каком основании Зомбарт так легко скидывает со счетов 24-ю главу I тома «Капитала» и работу Ленина «Развитие капитализма в России»? Дело, очевидно, в том, что под ортодоксальным марксизмом он мыслит Р. Люксембург, действительно не понявшую марксо-ленинской теории рынка.

4. Неверно, наконец, заключение Зомбарта, что хотя трудности реализации товаров и имеются, но они не лежат в природе капиталистического хозяйства, а носят внешний и, привходящий характер. Те затруднения движения процесса воспроизводства и накопления общественного капитала, которые он сам в своей книге регистрирует, резко противоречат своей спецификой его апологетическому представлению о случайности их генезиса. Разве образование исторических структурных диспропорций между различными отраслями общественного хозяйства действительно чуждо внутренней природе капиталистического способа производства и вытекает не из его органической анархичности? Разве периодическое товарное перепроизводство, которое бывает «при конъюнктурной экспансии», не обусловлено механизмом имманентных противоречий капиталистической формы хозяйства? Разве замедление превращения капитализируемой прибавочной стоимости в реальные элементы расширенного производства, о чем так распространяется Зомбарт, не связано с относительной невыгодностью для капитала, функционирующего под знаком нормы прибыли, идти в ту или иную отрасль производства? Разве... впрочем к чему далее? Ведь все действительно зависит от точки зрения на вещи.

Мы разобрали столь подробно взгляды Зомбарта по вопросу о накоплении общественного капитала с целью выявления слабых сторон его труда.

Почти всюду, где Зомбарт переходит к абстрактно-теоретическим построениям, он выдает с головой свою несостоятельность. Достаточно обратиться к его теориям капитала, заработной платы и конъюнктуры, чтобы лишний раз в этом убедиться. Проблема рынка, которая требует, быть может, предельной силы логической сосредоточенности, особенно ярко демонстрирует бесцветность и хпотому его теоретических концепций. Это происходит не только потому, что по самой природе своего мышления Зомбарт не способен к емким синтетическим абстракциям. Другая причина заключается в том, что он принципиальный и выдержанный эклектик. В его мировоззрении прихотливо комбинируются фрагменты различных научных систем. Когда читаешь Зомбарта, никак не можешь отделаться от впечатления, что все эти научные системы потерпели как бы жестокую аварию у берегов его духовного мира, и жалкие обломки кораблекрушения лежат теперь рядом друг с другом, притупленные и равнодушные. Осколки марксизма, утонченный самодовлеющий психологизм, наукообразный эмпиризм исторической школы, редкие намеки на фрейдизм, кантовский телеологизм — таковы составные элементы его познавательной мозаики. Зомбарт не

тяготится своим эклектизмом и вовсе не стремится освободиться от него. Наоборот, весь этот груз он несет легко и свободно, бравируя своей циничной терпимостью ко всем точкам зрения. «Кто снимет с глаз марксистские очки,— пишет он,— будет сначала ослеплен разнообразием мира и увидит пеструю игру различных сил там, где ему представлялось монотонное, серое однообразие». Не надо думать, что он противник лишь материалистического монизма. Он скептически относится к любому принципу единства познания из боязни нивелировать капризную пестроту жизненных явлений. «Было бы догматической предвзятостью — заявляет он,— усматривать во всем богатстве жизненных явлений действие только одной какой-нибудь силы, ибо нет такого момента, который а priori принуждал бы утверждать ее преобладание или исключительное господство» (71). Суровый методологический ригоризм, великие образчики которого нам дали Рикардо и Маркс, Гегель и Дарвин, совершенно чужд его натуре размышляющего о хозяйстве художника. Зомбарт подчас прекрасно видит многое в одном, но одно во многом — никогда. Для него ярко описать и остроумно систематизировать явление неизмеримо важнее, чем открыть лежащий в основе этого явления закон и привести последний в неразрывную связь с другими законами. Кто станет спорить с Зомбартом, что явление действительно богаче закона неисчерпаемостью конкретных вариаций обнаружения и полнее многообразием индивидуальных особенностей? Но ведь закон сильнее и сосредоточеннее явления. В форме логического стенографирования он сжимает идентичность содержащихся в явлениях существенных отношений. Явление шире, закон глубже. Явление обладает капризной подвижностью по отношению к закону, закон — силой, определяющей необходимости по отношению к явлению. И только система законов, связанная монизмом метода, а таким методом должна быть с нашей точки зрения материалистическая диалектика, — дает нам относительный познавательный эквивалент всего наблюдаемого объема разрозненных фактов и отношений.

Зомбарт не признает подобной строгой манеры подхода к овладению фактами опыта и наблюдения. Вот почему в его работе, как мы уже указали в начале статьи, есть организующее единство замысла, но в ней нет, это необходимо добавить сейчас, единства теоретического стиля. Методологическая небрежность автора видна в каждой строке книги...

Но подымитесь от сокровенных глубин капиталистического процесса, постигнуть которые не дано Зомбарту, к конкретной исторической динамике капитализма, и вы вынесете из книги очень много ценного и поучительного. Мы только что убедились, как неудачно попытался Зомбарт разрешить сложный теоретический ребус накопления общественного капитала. Иное приходится сказать об его анализе исторических условий оформления рынка для сбыта продуктов капиталистической промышленности. Многосторонний процесс развития рынка показан выпукло, ярко, крупными масштабами. В различных местах книги затронуты различные моменты этого процесса. Зомбарт не сосредоточивает своего внимания на той или иной стране, но стремится взять явление оформления рынка в целом, наметив лишь крупные зарубки и поворотные моменты. В главе 28-й мы находим исследование процесса под углом зрения возникновения и роста основных отраслей промышленности, взаимно создающих спрос на произведенные капиталистическим способом товары. В сжатой форме воспроиз-

веден сложный вековой процесс последовательного появления производственных ответвлений и установления обоюдной связи их в реализации составных вещественных частей общественного продукта. Параллельно исследованию создания материальных основ внутреннего капиталистического спроса Зомбарт пытается проследить динамику роли внешнерыночного спроса за прошлое столетие. Здесь интересно прежде всего отметить, что Зомбарт становится на точку зрения Р. Люксембург в понимании категории внешнего рынка. Для него граница между внутренним и внешним рынком также проходит по линии, отделяющей капиталистическую систему хозяйства от некапиталистической социальной среды. Но он ясно чувствует, как подвижна и изменчива эта граница в плане исторического процесса. «Под внутренним рынком — пишет он — мы подразумеваем все те виды спроса, которые возникают внутри капитализма, т. е. на внутреннем, с точки зрения капитализма, рынке. Различие между внешним и внутренним спросом — чисто теоретическое, и мысленно провести его очень легко. Но мы должны помнить, что этого разделения на внутренний и внешний рынок в исторической действительности не существует. Поэтому даже при эмпирическом описании границы между этими двумя понятиями окажутся очень неустойчивыми» (521). Мы помним, что Зомбарт защищает теорию рынка классической школы. Как же объясняет он значение внешнего рынка? Мы не найдем у Зомбарта ясного ответа на этот вопрос. Он попросту регистрирует факты и тенденции упругой капиталистической экспансии, не стремясь привести их в связь со своей теорией рынка и подчас впадая в противоречие со своей исходной концепцией. Но сама регистрация явлений произведена со свойственной ему методической законченностью. Зомбарт сводит все формы внешнерыночного спроса в следующую схему: I. Старые слои капиталистических покупателей (землевладельцы, финансовая знать, государственные учреждения, внеевропейские экзотические народы); II. Новые слои покупателей (денатурализация крестьянского производства и распадение домашнего хозяйства мелкого самостоятельного производителя); III. Творческий спрос (добыча золота, выпуск необеспеченных золотом бумажных денег, вексельный кредит) (504).

Не вдаваясь сейчас в критику этой схемы, остановимся на его соображениях об экспорте капитала. Проблема рассматривается в трех разрезах: 1) понятие экспорта капитала; 2) связь экспорта капитала с экспортом товаров; 3) историческое значение экспорта капитала.

Зомбарт не дает строгого определения этого понятия. Некоторые формулировки позволяют думать, что он считает конститутивным признаком экспорта капитала кредитное отношение между двумя странами. «Один из излюбленнейших способов расширения сбыта в экзотические страны — пишет он — возник благодаря современной технике кредитного дела. Способ этот состоит в том, что в определенную страну переводят ценности в виде капитальных вложений или займов и таким образом побуждают ее увеличить ввоз товаров из страны-кредитора» (505). Если Зомбарт действительно считает, что необходимым и достаточным признаком экспорта капитала является кредитное отношение, то он, конечно, ошибается. Кредитное отношение одновременно и уже и шире отношения экспорта капитала: уже — поскольку экспорт капитала совершается и без установления заемных связей (организация за границей филиальных отделений), шире — поскольку не всякое кредитное отношение между двумя странами непременно выражает

собой экспорт капитала (реализация за границей товаров с предоставлением обычно краткосрочного кредита; в этом отношении перед нами отношение купли-продажи, лишь осложненное кредитом). Под экспортом капитала необходимо понимать вывоз стоимости в целях получения в той или иной форме прибавочной стоимости. Кредит не конституирует категорию экспорта капитала, но определяет только один из ее видов — экспорт ссудного капитала в отличие от других видов (промышленного и торгового).

Зомбарт дает далее анализ соотношения экспорта товаров и экспорта капитала. Проблема, однако, далеко не поставлена у него во всей ее реальной сложности. Исследование этой части общей проблемы экспорта капитала предполагает всестороннее изучение типических связей между формами экспорта капитала (деньги и товары) и видами экспорта капитала (ссудный, промышленный, торговый).

Подобного целостного анализа совокупности связей у Зомбарта нет. Он имеет в виду лишь вывоз ссудного капитала и подчеркивает обычный факт принуждения должника приобретать товары именно у той страны, которая его кредитует.

Отметим, наконец, взгляд Зомбарта на значение вывоза капитала для развития капиталистического способа производства. Он выдвигает два основных момента: 1) экспорт капитала вызывает расширение сферы деятельности капитализма в экспансивном и интенсивном смысле, поскольку капитал, «уходящий за границу и главным образом в не вполне еще развитые экономически страны, извлекал выгоды из большего изобилия и большей дешевизны рабочих рук, имевшихся в этих странах»; 2) «поскольку вложенный за границей капитал переходил туда в форме средств производства, общая товарная продукция сохраняла известную пропорциональность, которой она не могла бы достичь, если бы она базировалась только на собственной стране» (507). И в этом аспекте анализ, как нетрудно заметить, односторонен и не завершен.

Мы несколько отвлеклись в сторону, поскольку нашей непосредственной задачей было показать, как рисует Зомбарт исторические условия образования рынка для капитализма. Зомбарт прекрасно понимает, что возникновение и рост производственных отраслей, создающих взаимный спрос на различные товары, являются лишь одной стороной этого сложного исторического процесса. В другой главе (18-й) он удачно осветил значение развития транспорта в процессе складывания устойчивых рыночных отношений.

Но рост капитализма не был чисто экономическим процессом, толкающим самого себя лишь механизмом стихийной игры внутренних сил. Концентрированная политическая мощь современного государства имела на всех ступенях его исторической динамики вполне определенное значение. Эта сторона процесса также получила достаточно полное освещение в работе Зомбарта. Весь второй раздел (главы 4-я, 5-я и 6-я) посвящен проблеме государства при капитализме. Оговаривая с самого начала отвлечение от различных форм государственного управления, Зомбарт пишет: «А между тем всюду велась одна и та же внешняя политика, издавались одни и те же законы, которые содействовали развитию капитализма» (50). Это абсолютно верно...

Мы уже неоднократно указывали на то единство замысла, которое положено в основу всей работы Зомбарта. Задача состоит в том, чтобы показать, каким образом капитализм преобразовывал естествен-

ную и социальную обстановку земного шара и приспособлял ее к своим специфическим внутренним потребителям. Процесс образования рыночных отношений — лишь один из аспектов, в котором Зомбарт строит свое исследование. Универсальная мобилизация капиталом естественных ресурсов мира и формирование кадров наемной рабочей силы — два другие разреза его систематического анализа. К ним мы сейчас и обратимся.

Процесс производства и воспроизводства материальных масс продукции, опирающийся на широчайшее использование естественных богатств земного шара, протекает в капиталистическом хозяйстве в форме накопления капитала. Прежде чем перейти к изучению исторической динамики вещественных элементов процесса воспроизводства, Зомбарт подвергает исследованию социальную форму этого процесса. Это очень интересный раздел книги (гл. 13, 14 и 15). Мы не станем останавливаться на его теоретических характеристиках капитала, прибавочной стоимости и воспроизведения капитала. Достаточно сказать, что согласно этим характеристикам «понятие капитала есть понятие... образуемое на основании целевой связи определенной хозяйственной системы, а именно капиталистической» (133), что прибавочная стоимость «является продуктом всех необходимо участвующих в производстве факторов» (144) и что воспроизводство капитала «совершается посредством превращения в деньги благ, составляющих доход» (157).

Эти теоретические формулировки говорят сами за себя, и не в них, конечно, большая познавательная ценность соответствующих глав его работы. Она, как и всюду, смещена в область широких обобщений исследованных фактов. Зомбарта интересуют в данной связи два вопроса: 1) условия возникновения потенциального капитала, т. е. капитализация частей общественного дохода, и 2) условия превращения потенциального капитала в актуальный, т. е. процесс реального накопления. Он стремится определить и взвесить совокупность моментов, под действием которых протекали в эпоху развитого капитализма оба эти смежные процесса. Он не сомневается в том, что моменты складывались положительно для капитализма. «В процессе развития — замечает он в начале книги — осуществляются условия, от конкретной формы (*Gestaltung*) которых зависит само развитие, ибо они могут либо содействовать, либо препятствовать ему. Протекший период отличается тем, что эти условия развития осуществлялись в форме, наиболее благоприятствовавшей развертыванию всей сущности капитализма» (XXI).

Особенно ценны попытки Зомбарта почти на каждом шагу осветить лучами исторического анализа возникновение и развитие многообразных условий капитализации дохода и накопления капитала.

Он выдвигает эти условия не как логические дедукции, а как обобщенные формулировки фактических отношений. Историзм, обильно и плодотворно насыщающий все его исследования, сообщает его построениям глубокий интерес. Если не считать разрозненных ценных замечаний Маркса, в марксистской литературе нет сводного анализа этого вопроса. Отбрасывая несостоятельную теоретическую схему накопления капитала и реализации общественного продукта, которую предлагает Зомбарт, мы можем почти целиком принять установленные им в этом анализе положения. Конечно, и Зомбарт не исчерпал всей проблемы, но он сделал в этом отношении больше, чем какой-либо другой исследователь.

Покончив с проблемой капитализации прибавочной стоимости и стимулирующих условий накопления капитала, Зомбарт берет ту же проблему общественного воспроизводства в ином разрезе. Он берет эту проблему уже не с точки зрения ее социальной формы, а с точки зрения материального субстрата. Его интересуют факторы, определяющие рост материальных масс общественной продукции. Какие возможности существуют для расширения натуральных размеров общественного производства и каким образом изменчиво комбинировались эти возможности в процессе исторической эволюции капитализма? Имеются три типа возможностей. Во-первых, углубление (Ausbau), во-вторых, расширение (Anbau) и в-третьих, расходование запасов (Abbau).

Зомбарт с большой тщательностью и меткостью показывает, как капитализм всесторонне мобилизовывал всю эту совокупность возможностей, используя в своем неустанном беге вперед необозримое вещественное разнообразие богатств земли. Здесь мы вновь находим в книге много свежих мыслей, оригинальных точек зрения, по-новому сгруппированных фактов. Особенно сильно и вышукло освещена проблема продуктов питания и сырья для капитализма. В отношении первой проблемы Зомбарт хорошо видит, насколько велика зависимость старых европейских центров капиталистической культуры от аграрной периферии мирового хозяйства. «Только зная размеры возделываемой площади в XIX столетии, мы в состоянии понять, каким образом было возможно произвести те огромные количества продовольственных продуктов и (органического) сырья, которые позволили европейскому капитализму развиваться таким бурным темпом. С этих площадей, впервые ставших доступными обработке, поступал вещественный капитал, и он, а не что-нибудь иное, заставлял капитализм расти, расти и расти... Только возделывание новых земель дало капитализму возможность быстро развиваться» (266—267). Не закрывает глаз Зомбарт и на то, что «само по себе грандиозное явление пространственного расширения возделываемой площади еще отнюдь не является самым важным и решающим обстоятельством для оценки влияния этой эволюции на развитие капитализма в высшей его форме. Гораздо важнее было то обстоятельство, что... западно-европейский капитализм не только получил огромное количество благ, но кроме того получил их по неслыханно дешевой цене. Были три причины относительной дешевизны аграрных продуктов. Зомбарт классифицирует их следующим образом: 1) необычайная плодородность земли в огромных заокеанских районах, 2) условия распределения дохода, в силу которых «крестьяне повсюду получали незначительную часть своего продукта в вознаграждение за свой труд» и 3) господство в аграрных странах малоценной валюты «благодаря чему, цены, выраженные в золоте, понижались».

Но во всем этом анализе Зомбарт делает одну существенную ошибку. Он выводит растущую зависимость промышленных стран от аграрной периферии не из внутренних особенностей капиталистического способа производства, а из различия естественных условий производства в разных частях земного шара. «Если бы сельское хозяйство Западной Европы — пишет он — было предоставлено самому себе с его производственной площадью и чисто органической производственной техникой, то оно скоро пришло бы к предельному пункту, дальше которого развитие капитализма было бы невозможно. Так как увеличение

производства могло достигаться только при условии падающей производительности, то неизбежным последствием был бы быстрый рост цен на сельскохозяйственные продукты» (262). Это объяснение неверно. Суть дела не в естественной неспособности Европы производить в достаточных размерах сельские продукты и не в законе падения производительности последовательных затрат труда. Корень процесса лежит в систематическом отставании и роста сельского хозяйства от роста индустрии при капитализме. Причины недостаточного притяжения сельским хозяйством свободных капиталов сводятся в основном к наличию сложившейся в условиях частной собственности земельной ренты, обнаруживающей тенденцию лишить капиталистического арендатора производимой у него сверхприбыли, и к относительной длительности сельскохозяйственного цикла, начало и конец которого фиксированы природой. Распределение капиталов характеризуется не оптимальным, а максимальным вложением их в сферу индустрии. Отсюда, как общее правило, — относительное (а иногда и абсолютное) сокращение фонда сельских продуктов по сравнению с постоянно расширяющимися потребностями воспроизводства общественного капитала. «Из природы капиталистического воспроизводства — писал Маркс — вытекает, что индустрия развивается быстрее, чем земледелие. Это вытекает не из природы земли, а из того, что она требует других общественных отношений, чтобы она действительно эксплуатировалась соответственно своей природе» («Теории», т. III, с. 294). Как известно, Ленин в своей работе об империализме также подчеркивал, что экспорт капитала из передовых буржуазных стран совершается в то самое время, как их собственное земледелие нуждается в радикальной реорганизации (см. «Империализм», т. XIII, с. 284). Выход за государственные пределы национальной экономики избавил европейский капитализм от необходимости выправить и сгладить те устойчивые диспропорции аграрно-промышленного типа, которые неуклонно формировались в ходе его движения. Развитие морского и сухопутного транспорта позволило преодолеть это противоречие, отодвинуть его на дистанцию мирового масштаба и обособить центры производства предметов питания и органического сырья от мест их потребления.

Быть может, наиболее замечательной частью книги является третий разрез зомбаровского анализа — выяснение исторических условий образования и формирования крупных кадров наемной рабочей силы для нужд развивающегося капитализма. Зомбарт исследует этот процесс в его двух последовательных стадиях: 1) появление в различных областях докапиталистических общественных формаций массы живой свободной рабочей силы и 2) отливка из этого сырого человеческого материала специфического типа современного наемного пролетария. В этом разделе чувствуется овладение поистине огромной массой фактов, ярко сказывается привычная меткость группировок и сила полноценных эмпирических обобщений. Наконец, именно здесь наиболее выпукло отразилось влияние Маркса. Вот почему весь данный раздел (гл. 19 — 27) читается с исключительным интересом. Порой кажется, будто насильственная историческая динамика радикальной ломки старинных укладов общественного быта и коренного преобразования условий труда миллионных масс населения оставила на страницах книги свой живой нестираемый след. Мы не имеем возможности передать в рамках статьи всех сформулированных в этом разделе положений. Отметим только наиболее важные и интересные.

Капитализм рождается и подымается на ноги в разнообразной социальной среде веками сложившихся и закреплённых инертной силой традиций патриархальных экономических формаций. Наряду с другими элементами производства капиталу нужна свободная рабочая сила. Но всем предшествующим ходом истории население включено в хозяйственную систему иного типа. Необходимо во что бы то ни стало взорвать эту систему, извлечь оттуда миллионы трудовых рук и заставить их вращать маховое колесо капиталистического производства. Капитал приводит в движение небо, землю и преисподнюю, дабы достигнуть этой жизненной цели. И он ее достигает. Из обломков прежней производственной структуры выделяется лишенная материальных источников существования рабочая сила.

Зомбарт прежде всего останавливается на этой стороне процесса. Он стремится проследить те многообразные источники, из которых исторически образовался сплошной сермяжный поток движущейся на рынок рабочей силы.

Несвободная рабочая сила отдаленных колоний была одним из чрезвычайно важных источников. «В отношении цветных ему не пришлось дожидаться, как в Европе, пока известная часть населения не поступит добровольно к нему на службу; чужеземные цветные народы составляли как бы резервуар рабочей силы, и стоило лишь черпнуть из него, чтобы использовать туземцев. Но для этого капитализму нужно было пустить в ход принуждение, которое было для него невозможно в Европе, но к которому он мог прибегнуть в колониях» (340). Далее Зомбарт систематически регистрирует, так сказать, «домашние» источники выделения рабочих рук. Разложение старинных сельских общин под влиянием аграрных реформ, гибель подсобных промышленных отраслей крестьянского двора под натиском конкуренции капиталистической фабрики, распад крупных феодальных поместий, денатурализация функций домашнего хозяйства — таковы отдельные процессы. Присоедините ко всему этому сильный рост населения в XIX столетии, обусловленный не столько повышением нормы рождаемости, сколько падением нормы смертности, — и вы получите полную картину механизма образования сырой рабочей силы.

Зомбарт показывает далее, как капитал овладел этим человеческим сырьем и выкроил из него тот особенный социальный тип, каким является современный индустриальный пролетарий. В трех направлениях шла ломка,ковка и шлифовка людского материала. Это было географическое приспособление через переброску рабочих масс в территориальные центры капиталистической индустрии, техническое приспособление путем обездушивания и обезличивания людей, которые должны были стать колесиками сложного фабричного механизма и, наконец, экономическое приспособление в форме выработки сурового режима заработной платы, средний уровень которой не мог бы парализовать стремления капитала к накоплению.

Мы хотим обратить внимание читателя особенно на главу об экономическом приспособлении (XXVII). Это превосходный исторический комментарий к марксовой теории относительного перенаселения и резервной промышленной армии. Изучив весь относящийся сюда фактический материал, Зомбарт приходит к выводу, под которым подпишется всякий марксист. Он говорит: «В течение периода развитого капитализма... заработная плата никогда не слагалась к невыгоде капитализма; другими словами... она никогда не поднималась до такого

уровня, чтобы извлечение прибыли из капитала стало невозможным... Другими словами: ход событий складывался благоприятно для капитализма до тех пор, пока имелось достаточно сил, удерживающих заработную плату на низком уровне. Если, однако, она все же возрастала в невыгодной для капитализма пропорции, то ему удавалось путем усовершенствования организации производства понизить стоимость рабочей силы и тем обезвредить роковое влияние повышения заработной платы (482)... Исследуя по данным американских цензов соотношения движения прибыли и заработной платы, он делает заключительный вывод: «Цифры эти показывают, что между обоими соучастниками происходило как бы состязание в беге, причем обгонял то один, то другой. Но у прибавочной стоимости все же более здоровые легкие и более быстрые ноги,— она остается победителем... Пролетариат экономически приспособился к капитализму, именно это мы хотели доказать» (282). Нам незачем комментировать эти полноценные выводы буржуазного ученого. Мы вполне согласны с автором, что всем подлинно прекрасным в его работе он действительно обязан творческому влиянию марксизма духа.

Изложенным далеко не исчерпывается еще богатство книги Зомбарта. Возьмите первую главу, посвященную типологии капиталистического предпринимателя. Мы не можем согласиться с Зомбартом в его индивидуалистической концепции исторического процесса. Но ему нельзя отказать в исключительном мастерстве обрисовки душевной структуры различных типов предпринимателей. Там, где обычный глаз успокаивается на трафаретных характеристиках, Зомбарт показывает сложную комбинацию разнородных психологических элементов, сгруппировавшихся в процессе длительного исторического отбора новой категории руководителей хозяйства. Здесь нет законченных форм и застывших состояний. Душевная структура предпринимателя сама подвержена всеобщему закону эволюции и в различные периоды капиталистического развития выступает перед нами в изменяющихся типовых вариантах. В главе о технике (гл. 7 — 9) перед нами блестящий ученый с глубокими познаниями в области истории техники. Мысли Зомбарта об основной тенденции движения технического процесса в сторону постепенного освобождения «от стеснений, наложенных живой природой», дают чрезвычайно много поучительного.

Мы не остановились вместе с тем на его теории империализма (согласно которой явление империализма объясняется не одними экономическими причинами, «как думают односторонние марксисты», но всеми вообще причинами, которые только приходят Зомбарту в голову: политическими, военными, религиозными, национальными, популяционистскими), на его теории кредита, на его концепции заработной платы: «единственный закон, применимый к процессу образования заработной платы, это — закон спроса и предложения» (461) — не только за неимением места, но и потому, что не считаем их заслуживающими серьезного критического внимания.

В заключение несколько слов об отношении Зомбарта к Марксу. Оно в достаточной мере смешанно и противоречиво. Чувство глубокого пизгета со стороны человека, взобравшегося на плечи гиганта и обзревающего оттуда через профессорские очки необъятный горизонт, сочетается с иронической снисходительностью к старому гениальному чудаку, замыслившему подвести крепкий научный фундамент под революционное действие рабочего класса. Послушаем самого Зомбарта.

«Различие в общем плане наших систем и в полученных нами выводах вытекает с внутренней необходимостью из различных эпох, в которых писались наши книги... В то время капитализм был еще хаосом, дикой сумятицей взаимно переплетенных явлений, и еще нельзя было сказать с уверенностью, что именно из него выйдет. Тот, кто подходил к нему, руководствуясь идеей развития,— а эту идею, как светоч и принес с собою Маркс,— мог определить дальнейший ход капитализма на основании, так сказать, личного усмотрения... Это именно и сделал Маркс... В теориях развития он подмечал лишь те линии, по которым, как он желал, должно было направиться развитие... И именно потому, что Маркс ставил капитализму высокую задачу — породить то, к чему стремится Маркс, он в глубине души любил капитализм, нужно со всей резкостью подчеркнуть тот факт, что ко всем существенным чертам капиталистического мира Маркс проявлял положительное, одобрительное отношение... Но как многое изменилось за последние пятьдесят лет, протекшие после того, как Маркс наблюдал, думал, писал!... Именно потому, что мы знаем гораздо больше, чем ранние экономисты, мы уже не можем верить в творческую силу капитализма, как верил в нее Маркс, стоявший в самом начале пути. Мы знаем, что, несмотря на все наши жесты и громкие слова, из капитализма не возникло ничего, имеющего какое-либо культурное значение, да и в будущем ничего не возникнет. В силу всех этих причин наши познания о сущности капитализма нельзя использовать для создания широких практически-политических программ, к каким привели системы «классиков» и в особенности эволюционная система Маркса. Их глаза были устремлены в будущее, наши глядят в прошлое...» (XXV — XXVIII).

В течение своей жизни Зомбарт много раз менял свои взгляды на Маркса. Он то падал перед ним на колени, то с отталкивающей развязностью поносил и третировал его. Вообще в его отношении к Марксу нет открытого лица, выдержки, идеи. Их заменяет большей частью маска, поза, аффектация. Зомбарт уверяет нас, что Маркс любил в капитализме существенные положительные стороны, но в своей двухтомной работе «Пролетарский социализм» он жестоко упрекал Маркса за его злобную, слепую ненависть к капитализму и буржуазии. Нужно ли говорить, что Зомбарт ошибался тогда, как ошибается он и сейчас? В основе взглядов Маркса на капитализм не было ни инстинктивной любви к его положительным сторонам, ни слепой и безотчетной ненависти к его отрицательным результатам. Отправным пунктом марксовой позиции к капитализму было отношение проникновенного понимания. Как смехотворно звучит заявление Зомбарта, что Маркс видел в капитализме лишь то, что он хотел видеть. Разве Маркс был утопистом? Разве он навязывал капитализму произвольные законы, а не извлекал их из фактических соотношений капиталистического процесса? Маркс, поучает нас Зомбарт, жил в эпоху раннего капитализма, когда линии развития еще четко не определились. Совершенно верно! Но почему это обстоятельство, само по себе, говорит против Маркса? Весь вопрос в том, оправдался ли общий прогноз Маркса, пошло ли историческое движение капитализма по тому пути, который он предсказал, опираясь на смутное обнаружение его первичных тенденций. Маркс обладал необычайной зоркостью духовного видения явлений и сумел похитить у будущей эпохи скрытую для современников тайну революционного превращения буржуазного строя в социа-

листический. Приложив ухо к земле, он услышал шум грядущих социальных битв. Между нами и Марксом легли десятилетия. Но пусть Зомбарт попытается доказать, что прогнозы Маркса о процессе концентрации, приводящем к монополии, об интенсивности кризисных потрясений, о складывании мирового хозяйства, о прогрессирующих затруднениях и осложнениях в движении процесса воспроизводства капитала, о неуклонном нарастании и углублении классовых противоречий — сказались фиктивными.

Верно, что время — самый суровый и самый нелюбимый критик любого социального прогноза. Но верно и то, что хорошее вино становится лишь крепче и лучше от времени.

Не решаясь подвергнуть научной критике марксовы прогнозы, Зомбарт меланхолически заявляет: несмотря на все наши жесты и громкие слова из капитализма ничего не вышло. Из капитализма ничего не вышло! И это говорится в нашу эпоху Октября, великих колониальных революций, героической борьбы европейского пролетариата против буржуазии. Чудеса в решете, да и только!

Если бы Маркс жил в наше время — заканчивает Зомбарт — «он не в силах был бы создать что-либо иное, кроме самодовлеющей познавательной конструкции», ибо теории капитализма «нельзя использовать для широких практически-политических программ». Ошибаетесь, уважаемый профессор! В натуре Маркса исключительная умственная мускулатура исследователя сочеталась с могучей революционной страстью прирожденного борца. Поэтому он не превратил своего учения в «самодовлеющую познавательную конструкцию», а сделал его незаменимым руководством к революционной практике. Каким бы крепким горным воздухом теоретических абстракций ни было обвеяно марксово учение, оно должно быть всегда готово к тому, чтобы, упав на поле действия, тотчас же оказаться там на ногах. В нашу эпоху это справедливо более, чем когда бы то ни было!..

Существует мнение, будто III том «Современного капитализма» значительно слабее предшествовавших двух томов. Мы не можем согласиться с такой оценкой. Во всех трех томах Зомбарт остается верен самому себе. Конечно, кто ждет от его последней работы законченной теоретической системы, тот будет несомненно разочарован. Но надо основательно игнорировать специфичность структуры научного мышления Зомбарта, чтобы приступить к чтению книги с подобными требованиями. Творческая сосредоточенность абстрактного мышления никогда не была сколько-нибудь выдающейся стороной его дарования. Он занял одно из первых мест в ряду современных буржуазных экономистов отнюдь не в силу своих, более чем скромных, способностей к синтетическим теоретическим построениям. Острое историческое чутье становления жизни, дар характерной детали, позволяющий найти различное в слитном, уверенная исследовательская хватка огромного материала, над которым он всегда властвует, умение вывести анализ за пределы камерной ограниченности поля тематики и начертить крупные обобщающие масштабы, четкий систематизирующий механизм мышления и из ряда вон выходящая эрудиция, — таковы реальные положительные черты научной физиономии Вернера Зомбарта. Эти черты наложили в совокупности свою неизгладимую печать и на его последнюю капитальную работу. Вдумчивому и подготовленному читателю она даст много исходных стимулирующих толчков самостоя-

тельного размышления. Книга будит мысль, заставляет пересматривать и проверять сложившуюся систему представлений и во многих отношениях обогащает наше экономическое познание. И все это, со свойственной Зомбарту манерой, преподнесено в форме мастерского изложения. Здесь нет места скучной и безжизненной схематике. Сама живая действительность непрерывно бьет в книге широкой струей изменяющихся фактов, неповторимых исторических комбинаций, убегающих ступеней экономического процесса.

ТЕОРИЯ ШПАННА ¹

IV. СОЦИАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ В ТЕОРИИ ШПАННА

Шпанн на протяжении всех своих работ ведет борьбу с индивидуализмом. Наиболее ярко борьба с экономическим индивидуализмом нашла себе отражение в его произведении «Tote und lebendige Wissenschaft», в котором Шпанн подвергает критике индивидуалистическое представление об обмене, цене, распределении и т. д. Этот факт дает возможность говорить об известной солидарности нашего автора с представителями социального направления. Наиболее влиятельный представитель последнего — Штольцман — указывает, что универсалистское учение Шпанна очень близко подходит к социально-органическому учению самого Штольцмана ². Нужно, однако, отметить, что социальная точка зрения нашего автора имеет целый ряд специфических особенностей и что он занимает совершенно особое место в ряду представителей социального направления.

Первая особенность социальной точки зрения Шпанна состоит в том, что она не является основой его анализа. В то время как для Аммона, Штольцмана и др. признание общественного характера экономических категорий есть краеугольный камень всей их системы, для Шпанна социальная точка зрения имеет производное значение. Основной антитезой для него является не индивидуализм — социальная точка зрения, а индивидуализм — универсализм. Последний представляет собой более широкое понятие, чем социальная точка зрения. Сущность универсализма, как мы видим, состоит в том, что отдельные члены системы нужно рассматривать не изолированно, а с точки зрения их взаимозависимости, с точки зрения всей системы в целом. Универсалистский метод может быть приложен не только к общественному хозяйству, но и отдельному монополистическому объединению, отдельному предприятию, отдельному цеху, отдельному домашнему хозяйству. Весьма любопытно, что Шпанн усматривает универсалистский (ganzheitliches) элемент даже в понятии «предельная полезность» и упрекает австрийцев в том, что они не раскрыли этот богатый универсализм ³. В чем сущность универсализма категории предельной полезности? В том, что тут рассматривается полезность каждого блага не изолированно, а берется общий запас данного блага, и полезность отдельных элементов этого запаса рассматривается в зависимости от размеров всего данного запаса. Универсализм

¹ Окончание. Начало см. «Проблемы экономики» № 4—5.

² «Die Krisis der heutigen Nationalökonomie» S. 41.

³ «Gleichgewicht gegen Grenznutzen. Grundlegung der Preislehre und Verteilungslehre», Conrad's Jahrbücher, 3 Folge, 68 Band, S. 295.

нашего автора столь расплывчат и многообъемлющ (если ограничиться общими формальными определениями), что он может быть приложен к любой экономической теории. Признание социальной точки зрения есть лишь один из выводов, одно из приложений универсализма. Поскольку индивидуальное хозяйство есть часть общественного хозяйства, постольку изучение первого возможно лишь на основе учета взаимозависимости, имеющей место в пределах общества. Но с равным правом можно сделать и тот вывод, что постольку отдельные действия домашней хозяйки входят в общую систему домашнего хозяйства, постольку познание этих отдельных действий возможно лишь на основе всей системы в целом. У Шпанна нет признания принципиального отличия социальных категорий от индивидуальных; у него это отличие тонет, теряется в расплывчатом делении целого и части.

Вторая особенность шпанновской точки зрения состоит в его своеобразном представлении о социальной природе товарного хозяйства. Общественная зависимость между отдельными товаропроизводителями бывает двоякого рода. С одной стороны, между ними существует непосредственная зависимость, которая устанавливается в акте рыночного обмена. Последний связывает отдельные хозяйства, осуществляет взаимобслуживание последних, переход товаров из одного хозяйства в другое. Эту взаимозависимость не может отрицать ни один индивидуалист. Обмен по своей природе есть социальный акт, и он устанавливает взаимозависимость между участниками обмена. Когда Бем-Баверк утверждает, что цена есть результата индивидуальных субъективных оценок, то он только лишь повторяет, что цена есть продукт общественного взаимодействия, что эта категория имеет социальную природу. Но обмен знает и другую зависимость, косвенную, неявную, но тем не менее имеющую весьма важное значение. Последняя состоит в том, что результаты обмена оказывают влияние на каждое индивидуальное хозяйство, на его методы действия, оценки. Индивидуальные товаропроизводители выступают на рынок с оценками, которые имеют общественно-обусловленный характер. Хотя отдельные товаропроизводители юридически самостоятельны, но еще до вступления в обмен они находятся под сильнейшим влиянием товарного общества; обмен лишь выявляет и корректирует эту общественную зависимость. Поэтому оценки должны быть объяснены не столько на основе анализа индивидуальных особенностей отдельного хозяйства, сколько на основе общественных процессов. Эту вторую форму зависимости обычно игнорируют индивидуалисты и, нужно признаться, что ее игнорирует сам Шпанн. Правда, последний указывает в одном месте¹, что в системе обмена индивидуальное хозяйство претерпевает изменения. Но этот вопрос нигде не разбирается нашим автором подробно, и всюду, где он рассматривает обмен, он предполагает, что оценки отдельных участников обмена сформировались в пределах индивидуальных хозяйств, что в недрах последних создаются вполне готовые решения, зависимые от общего плана данных хозяйств. Весьма характерно, что Шпанн почти нигде не говорит о спросе как о величине, зависимой от покупательной способности. У него обычно при изучении ценообразования фигурирует ценность определяемая величиной полезности. Поэтому нам представляется, что

¹ «Fundament», S. 134.

в самом существенном вопросе о природе общественных зависимостей в товарном обществе Шпанн стоит на позициях индивидуализма.

Но чем же тогда объяснить, что Шпанн столь энергично критикует индивидуалистическую теорию обмена? Основное отличие шпанновской концепции обмена от австрийской состоит в следующем: Австрийцы предполагают, что в обмен вступают отдельные лица. Товарное общество рассматривается как совокупность атомов; при этом игнорируются всякие промежуточные общественные организации, как монополии, предприятия и т. д. В этом игнорировании Шпанн видит основной грех индивидуализма. Самое существенное в универалистском объяснении обмена, — говорит он, — состоит в том положении, что в обмен вступают органы, подчиненные части (Unterganze) народного хозяйства¹. Иными словами, в обмен вступает не просто продавец X. и покупатель Y., а представители определенных хозяйственных организаций (предприятия или более крупной организации). Решения этих участников обмена, их оценки продиктованы не их субъективным произволом, капризами и т. д., а вытекают из определенного целесообразного плана этих организаций. Шпанн подчеркивает, что связь устанавливается не между атомами, а между известными общественными системами, входящими в состав более крупной системы народного хозяйства. В основе шпанновской концепции обмена лежит его своеобразное представление о природе хозяйства как о расчлененной системе, распадающейся на ряд подчиненных систем, расположенных в иерархическом порядке. В связи с этим понятие социальной обусловленности мотивов и действий участников обмена получает у Шпанна специфический смысл. Эта социальная обусловленность является продуктом не рыночных связей и процессов, а обязана своим существованием наличию общественных группировок, организаций (напр., картелей, предприятий). Социальная обусловленность выступает не в результате роста рыночных отношений, а в результате организационно-структурных процессов общественного хозяйства. Обмен, как таковой, в системе Шпанна играет такую же роль, как и в системе австрийцев, с той только разницей, что он (обмен) у нашего автора связывает не отдельных субъектов, а определенные хозяйственные организации.

Третья особенность социальной точки зрения Шпанна состоит в том, что он своеобразно понимает роль правовых моментов. Представители социального направления, как известно, приписывают очень важное значение вопросу о взаимозависимости между хозяйством и правом. Каждому типу производственных отношений соответствует свой тип правовых норм. Так, например, нельзя себе представить обмен без частной собственности, без свободы договора и т. д. При отсутствии этих юридических предпосылок обмен теряет свое социальное содержание и становится формой организованного распределения продуктов. Значение права, значение государства состоит в том, что они закрепляют основные предпосылки обмена и тем дают возможность беспрепятственного развития меновых отношений. Шпанн понимает роль государства и права значительно шире. Роль государства заключается не только в том, что оно охраняет общие условия товарного обмена, но и в том, что оно направляет все развитие производительных сил. Иными словами, Шпанн преимущественно подчеркивает роль государства, как организующего, планирующего, преодо-

¹ «Tote und lebendige Wissenschaft», S. 55.

левающего стихийную конкуренцию органа. Не содействие свободной конкуренции, а преодоление вредных результатов последней, — вот что интересует нашего автора. Шпанн выдвигает весьма интересное учение о капитале высшего порядка (*Kapital höherer Ordnung*). Под капиталом наш автор понимает всякое вспомогательное орудие, которое непосредственно не превращается в готовый продукт, а облегчает лишь или способствует производству последнего. Сюда относятся все орудия производства, вспомогательные материалы. Под капиталом высшего порядка наш автор понимает вспомогательную деятельность разных организаторов, которая обеспечивает возможность производства в целом. Сюда относится как деятельность всяких предпринимателей, так, и в особенности, деятельность государства, которая, по Шпанну, имеет решающее значение для развития производительных сил. Эта точка зрения нашего автора объясняется его общей концепцией хозяйства: последнее представляет собой не чистое товарное хозяйство, а регулируемый капитализм. Основная связь образуется на основе не рыночных отношений, а регулирующего воздействия государства и подчиненных ему общественных органов. Весьма интересно, что, по Шпанну, социальная сторона экономических категорий выражается именно в наличии регулирующих, плановых моментов или в наличии капитала высшего порядка.

Эта весьма интересная идея связана с выяснением четвертой особенности социальной точки зрения Шпанна. Последняя состоит в том, что венский профессор, в отличие от экономистов социального направления, считает возможным сочетать в экономической теории индивидуализм и универсализм. Шпанн не полагает, что с индивидуализмом, атомизмом, даже Робинзонадами¹ можно совершенно покончить. Он не ставит вопроса: или атомизм или универсализм. Шпанн обвиняет представителей исторической школы в том, что последние совершенно отбрасывают индивидуалистическую постановку вопроса². Индивидуализм, по мнению Шпанна, представляет собой лишь рабочую гипотезу («eine Unterstellung»), вспомогательный прием при разрешении проблем ценности и обмена. С этой точки зрения чрезвычайно важно сопоставление Шпанном разных элементов общественной связи. Как мы видели выше, народное хозяйство, по Шпанну, предполагает наличие трех элементов общественной связи, при помощи обмена и свободной конкуренции, при помощи регулирующей деятельности государства и на основе общности целей, потребностей, привычек и т. д. Шпанн указывает, что меновая связь хозяйствующих субъектов имеет чисто индивидуалистический, атомистический характер, потому что имеющиеся на рынке спрос и предложение выступают, как автаркические, готовые, в себе данные силы³. Другой характер имеют связи, вытекающие из организующей деятельности государства (по терминологии Шпанна, *gemeinsamkeitsreife*). Связь хозяйствующих субъектов через эту деятельность имеет антииндивидуалистический, органический, универсалистский характер. Поскольку используются как средства правовая помощь государства, моральная помощь массовых привычек, постольку специфические проявления взаимоза-

¹ «Fundament», S. 12.

² «Fundament», S. 325.

³ «Fundament», S. 188—189 (во втором и третьем издании формулировка несколько смягчена по сравнению с первым изданием).

зависимости хозяйствующих субъектов становятся элементами хозяйства (*Wirtschaftsbestandteile*)¹. Таким образом, в экономической теории Шпанна наблюдается своеобразный дуализм. С одной стороны, явления, связанные с меновыми отношениями, могут быть объяснены на основе индивидуализма. Но меновые отношения составляют лишь часть общественных отношений в системе народного хозяйства. Другие отношения, играющие более существенную роль, могут быть объяснены лишь на основе универсализма. Этот дуализм объясняет нам то парадоксальное явление, что Шпанн борется с индивидуализмом австрийцев и в то же время солидаризуется с ними в целом ряде решающих пунктов теории ценности. Пока речь идет об объяснении явлений в сфере обмена, наш автор в основном солидарен с австрийцами. Он также считает, что оценки отдельных участников обмена формируются в пределах индивидуальных хозяйств, вне зависимости от господствующей системы рыночных отношений. Но в отличие от австрийцев, Шпанн полагает, что меновая сфера имеет подчиненное значение, что решающее значение имеет плановое регулирование, которое выражает воздействие общественных факторов на индивидуальные хозяйства. Иными словами, Шпанн признает действие социальных моментов только там, где ограничивается свободная конкуренция и роль стихийно-рыночных факторов. В этом заключается основное отличие Шпанна от экономистов социального направления, и здесь кроется его основная ошибка. Шпанн не понимает общественной природы товарного хозяйства, социальной роли стихийных закономерностей; он заранее исключает возможность существования чистого товарного хозяйства, превращая последнее в фикцию. Отсюда вытекает его атомистическая, индивидуалистическая теория обмена. Учение Шпанна представляет собой реформированное учение австрийцев. Он берет у последних теорию обмена, отводит эту теорию на задний план и концентрирует свое внимание на изучении явлений, связанных с государственным регулированием. Благодаря этому, в систему нашего автора вливается сильная социальная струя, которая создает известную общность Шпанна с социальным направлением.

Но, как мы видели выше, корни социальной точки зрения Шпанна другие, чем у Аммона, Штольцмана, Дила и других. Это различие исходных точек зрения объясняет и пятую особенность шпанновской социальной точки зрения; последняя состоит в том, что у Шпанна нигде не выражен достаточно отчетливо исторический характер экономических категорий. С одной стороны, наш автор отрицает возможность существования чистого натурального хозяйства, которое не знало бы никаких меновых связей. Замкнутые хозяйства Шпанн считает утопией. По его мнению, они не имели места даже в каменном веке². С другой стороны, наш автор считает невозможным длительное существование развитого товарного хозяйства с господством меновых связей. Таким образом, он, с одной стороны, меновым связям отводит подчиненное значение, с другой стороны, рассматривает эти отношения как категорию логическую, внеисторическую. Этот вывод вытекает из всей концепции Шпанна, поскольку он отрицает возможность чисто планового и чисто менового хозяйства. Его *ständisch gebundene Wirtschaft* есть комбинация этих обоих моментов стихийного и планового регу-

¹ «Fundament», S. 189.

² «Tote und lebendige Wissenschaft», S. 29.

лирования, причем ведущую роль играет последний момент. Отрицание исторической точки зрения, таким образом, логически вытекает из концепции Шпанна. В этом пункте можно усмотреть новое отличие от представителей социального направления.

Весьма характерно для Шпанна следующее заявление: учение об услугах в своих общих основах (Grundzüge) годится для замкнутого домашнего хозяйства, городского хозяйства, социалистического хозяйства, свободного менового хозяйства. Учение об услугах имеет внеисторическое, вечное содержание; оно годится для всех хозяйственных ступеней, оно является чистым абсолютным учением о хозяйстве¹. Как увидим дальше, учение об услугах есть основная часть теории Шпанна.

Ошибка Шпанна в данном вопросе опять-таки вытекает из его исходной ошибки, из того, что он считает чистое товарное хозяйство и чисто плановое хозяйство фикцией. Отсюда, с одной стороны, следует, что всякое хозяйство является неразвитым товарным хозяйством, т. е. игнорируется возможность изменения условий и характера обмена; с другой стороны, следует, что неразвитый обмен не может быть ликвидирован, так как такая ликвидация привела бы к плановому хозяйству в чистом виде. Неразвитый и урегулированный обмен (поскольку отрицается совершенно свободная конкуренция) возводится в вечную категорию.

V. ТЕОРИЯ УСЛУГ (LEISTUNGSLEHRE) ШПАННА

Основной категорией в экономической системе Шпанна является услуга (Leistung). Эту категорию он выводит из природы хозяйства. Последнее представляет собой систему средств для достижения целей. Отсюда следует, что средства выполняют служебную роль. Служить же означает оказывать услуги, выполнять функцию. Хозяйство Шпанн определяет, как „leistungsartiges, leistungsmässiges, diensthaftes, funktionelles System“². Понятие услуги Шпанн рассматривает с двух сторон: с одной стороны, как услугу вообще, а с другой стороны — как величину услуги (Leistungsgrösse). Последняя категория, по его мнению, совпадает с понятием полезности, ценности. Различие между полезностью и ценностью, по мнению нашего автора, состоит в том, что ценность есть чисто формальное количественное понятие, совершенно независимое от конкретного содержания услуг или целей. Полезность же различна в зависимости от характера целей³. Иными словами, Шпанн устанавливает три категории: а) категорию услуг — как качественную и конкретную; б) категорию ценности — как количественную и абстрактную и в) категорию полезности — как категорию количественную, но имеющую конкретную характеристику. Категория полезности получилась у нашего автора очень неясной и противоречивой. Поэтому вполне понятно, что фактически у него фигурируют лишь две категории услуг и ценности. Можно провести некоторую аналогию данного деления Шпанна с делением Маркса труда на конкретный и абстрактный (если отвлечься от социальной формы последнего).

¹ «Fundament», S. 191.

² «Fundament», S. 76.

³ Ibid., S. 79 (нужно заметить, что во 2-м и 3-м изд. это различие почти устранено, в отличие от 1-го изд.).

Это деление Шпанна, конечно, не является новым в литературе субъективной школы. По совершенно справедливому замечанию Геллера, у Шпанна под новой терминологией скрываются старые понятия¹. Достаточно взять известную схему Менгера, чтобы убедиться в том, что австрийцы полезность рассматривают с двух сторон, т. е. как конкретное понятие, зависящее от потребляемого блага, способа потребления, и как полезность вообще, которая поддается количественному выражению и которая не зависит от характера потребления. Мы не будем здесь заниматься рассмотрением вопроса, насколько правомерна категория абстрактной полезности или, по терминологии Шпанна, ценности. Нас интересует другой вопрос: что нового внес в данную проблему Шпанн? Оригинальность последнего состоит не в том, что он разграничивает разные стороны категории услуг, а в том, что он считает необходимым перенести центр тяжести при изучении данной проблемы из одной области в другую. Шпанн считает основным недостатком всей современной политической экономии то, что она главное внимание уделяет проблеме ценности и связанным с ней проблемам. При таком подходе, по мнению нашего автора, из поля зрения теоретической экономии выпадает самая существенная часть анализа — общее учение об услугах. Для характеристики взглядов Шпанна весьма показательна его схема разных отделов теоретической экономии. Последняя должна состоять из 6 отделов: а) учения о методе, б) элементарной теории услуг, которая должна дать анализ элементов услуг и их подробную классификацию, в) учения о комплексах услуг (Gebilde), о морфологии последних, которое вместе с тем должно быть учением о формальной структуре народного хозяйства, г) учения о вещественной структуре народного хозяйства, о распадении на разные сферы, об их взаимозависимости, о законах соответствия (Entsprechung) разных сфер, д) учения о законах изменения, движения, развития народного хозяйства и е) учения о величине услуг, т. е. о ценности и цене, включая сюда теорию заработной платы, ренты, процента и предпринимательской прибыли². Таким образом, теории ценности и распределения Шпанн отводит очень скромное место. Рассматривая теорию А. Смита, Шпанн указывает, что основной грех Смита и всей последующей политической экономии состоит в том, что Смит смешал законы исчисления ценности (Wertrechengesetze) с хозяйственными законами, которые Шпанн понимает как законы расчленения и увязки хозяйственных действий и услуг. Ошибка Смита, по мнению нашего автора, состоит в том, что его преимущественно интересует меновая ценность, между тем самым важным элементом в хозяйстве является услуга³. Шпанн указывает, что в истории экономической мысли можно отметить лишь двух экономистов, которые боролись с приматом теории ценности в политической экономии — А. Мюллера и Листа. Отсюда понятно, что Шпанн пытается воскресить интерес к давно забытому Мюллеру⁴.

¹ Heller, Das Fundament der Volkswirtschaftslehre, «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, B. 67, S. 580—581.

² «Fundament», S: 289—290.

³ «Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre», 16 Aufl. 1928, S. 58.

⁴ Любопытно сопоставить отзыв Шпанна о Мюллере, как об одном из величайших экономистов, с оценкой Маркса. «Все его (Мюллера, И. Б.) глубокомыслие здесь, как и вообще, заключается лишь в том, что он замечает облака пыли, носящиеся по поверхности, и претенциозно рассуждает об этой пыли как о чем-то таинственном и значительном» («Капитал», том III, ч. 1, с. 277).

Необходимо отметить, что отрицание примата теории ценности, признание подчиненного значения последней у этих трех экономистов — Мюллера, Листа и Шпанна — имеет некоторые общие корни. А. Мюллер был горячим противником капитализма, который в конце 18 века переживал эпоху бури и натиска. Мюллер был сторонником феодального уклада хозяйства. Отсюда понятна его борьба против растущего разделения труда и машинного производства (Мюллер видит огромную опасность в том, что человек превращается в придаток к машине и труд его становится механическим, бездушным); отсюда понятна его борьба с требованиями свободной торговли и невмешательства государства и возвеличение роли государства (государство по Мюллеру есть связь (*Verbindung*) физического и духовного богатства внешней и внутренней жизни, которая превращает нацию в энергичное, подвижное и живое целое)¹; отсюда понятна борьба Мюллера с ростом товарно-денежных отношений, с разложением натуральных отношений и связей. Мюллер видит величайшую опасность в том, что деньги становятся главной силой, что стремление к наживе превращается в основную движущую силу; здесь, по его мнению, кроется главная опасность для правительств и источник стремления к государственному преобразованию². Таким образом, рост товарно-денежных отношений на почве развития капитализма Мюллер расценивает как глубоко ненормальное явление, чреватое большими опасностями для общества. Нормальная экономика это — феодальная экономика. Поэтому основной упор нужно сделать в области изучения натуральных отношений и связей. Борьба с растущим интересом к проблеме ценности была у Мюллера идеологическим выражением его антикапиталистических тенденций.

Фридрих Лист жил в более позднюю эпоху, когда хозяйство Германии медленно переходило на рельсы капитализма. В отличие от Мюллера Лист был заинтересован в капиталистическом развитии Германии. Но это развитие могло быть ускорено не на основе максимального развития свободной торговли, т. е. обеспечения условий действия закона ценности, а на основе ограничения последнего, на основе определенного государственного регулирования роста производительных сил при помощи методов экономической политики. Отсюда понятно, что основным объектом экономического анализа Лист считал не теорию ценности, а теорию производительных сил. Существенные недостатки классической школы Лист видел в следующих пунктах: «во-первых, беспочвенный космополитизм, который не признает сущности национализма и не принимает в расчет национальных интересов; во-вторых, бездушный материализм, который всюду преимущественно замечает только меновые ценности и упускает из вида нравственные и политические интересы настоящего и будущего, а также производительные силы нации³». Борьба Листа с приматом теории ценности вполне понятна. Покровительственные пошлины приводят к невыгодным ценам на внутреннем рынке с точки зрения покупателя. Борясь за покровительственные пошлины, Лист хотел подчеркнуть, что основная задача экономической политики состоит не в установлении наиболее выгодного уровня цен, а в создании условий для

¹ Adam Müller, *Ausgewählte Abhandlungen*, 1926, S. 9.

² *Ibid.*, S. 19.

³ Ф. Лист. Национальная система, политической экономии, 1891, с. 223.

успешного развития производительных сил. Вопросы цены, по Листу, имеют второстепенное значение; можно пожертвовать выгодной ценой, лишь бы обеспечить всестороннее развитие производительных сил в рамках данного национального хозяйства.

Точка зрения Шпанна по вопросу о роли теории ценности в политической экономии вытекает из его общей тенденции. Как мы видели выше, Шпанн признает подчиненное значение меновых связей, Решающую роль, с его точки зрения, играет государственное регулирование. Отсюда вполне понятно, что теория, изучающая производственные отношения, связанные с обменом, т. е. теория ценности, занимает столь скромное место в системе нашего автора. Недооценивая роль товарных связей, приписывая очень скромное значение действию стихийных закономерностей, Шпанн выдвигает во главу угла необходимость изучения конкретной структуры народного хозяйства, которая имеет весьма важное значение для планового регулирования. Шпанн имеет много общих черт с Мюллером; недаром венский профессор столь энергично занимается популяризацией и расхваливанием Мюллера. Последний писал в ту эпоху, когда капитализм вел сокрушительную борьбу с феодализмом, и все симпатии его лежали на стороне умирающего феодализма. Шпанн пишет в эпоху заката капитализма, когда последний по своей организационной структуре начинает приближаться к феодализму, и основная политическая цель Шпанна состоит в том, чтобы влить капиталистическое содержание в феодальную форму, закончить срастание капиталистических и феодальных моментов. Это тяготение к феодальному укладу, эта тенденция к ограничению стихийных законов и к усилению роли государственного регулирования создает известную общность взглядов Мюллера и Шпанна (частично также и Листа) и основу для критики примата теории ценности.

Мы видели выше, что Шпанн основным объектом теоретической экономики считает теорию услуг. Здесь встает вопрос, что внес нового наш автор в данную проблему? Шпанн преимущественно занимается вопросами классификации услуг и изучением их сочетаний, комплексов, группировок (Gebilde). Шпанн различает следующие виды услуг: непосредственные услуги потребительского характера (Gebrauchleistung); посредственные капитальные услуги, которые оказываются всякими орудиями производства и вспомогательными материалами (Kapitalleistung); негативные капитальные услуги (Negative Kapitalleistung), которые связаны не с производством непосредственно, а с охраной результатов последнего, со страхованием; капитальные услуги высшего порядка, которые состоят в создании общих предпосылок для производства и потребления; эти услуги оказываются всякими организаторами хозяйства, в первую очередь государством; услуги по подготовке услуг (Die Vorbereitung aller Leistung oder Vorleistung); сюда Шпанн включает услуги изобретателей, которые вводят новые методы, и учителей, которые передают накопленный запас знаний потомству, подготавливая новую рабочую силу; потенциальные услуги (Potentialleistung), которые сводятся к образованию резервов. Наиболее интересную категорию представляют собой капитальные услуги высшего порядка. Шпанн указывает, что государство и его органы нужно рассматривать не только как высшую, суверенную организацию, но и как основное средство хозяйственной деятельности. Для нормального функционирования предприятия нужно иметь в наличности не

только средства производства, рабочую силу, но и определенную государственную систему, определенную экономическую политику, которая гарантировала бы частную собственность, хорошие рынки сбыта (при помощи таможенной политики, выгодных договоров с другими странами), нормальное воспроизводство квалифицированной рабочей силы (при помощи закона о всеобщем обучении), нормальное распределение производительных сил в национальном хозяйстве. Все мероприятия государства с точки зрения Шпанна представляют собой коренные средства, основные средства (*Stammittel*), которыми пользуются все хозяйствующие субъекты; поэтому помощь государства Шпанн называет общей помощью (*Gemeinsamkeitshilfe oder genossenschaftliche Hilfe*). Для иллюстрации своей мысли Шпанн приводит следующий пример: если предприниматель перенес бы свое предприятие со всем техническим оборудованием, рабочими и т. д. из Германии в Россию, то экономический эффект получился бы различный в зависимости от неодинакового качества капитала высшего порядка, т. е. государственной организации в обеих странах.

Своеобразие учения Шпанна о разных видах услуг состоит в том, что оно значительно расширяет круг хозяйственной деятельности. Политическая деятельность, в особенности в области регулирования экономических вопросов, рассматривается как своеобразное производство капитала высшего порядка, носителем которого является государство, подчиненные ему органы, руководители картелей и монополий, руководители предприятий (необходимо отметить, что Шпанн вообще отделяет услугу, т. е. оказывание полезного эффекта, от носителя этой услуги, т. е. вещи, лица, организации, производящих этот полезный эффект). Отсюда понятно, что, по Шпанну, всякий труд является производительным и, в первую голову, труд государственных чиновников. Точно так же отсюда вытекает, что хозяйство не ограничивается сферой изготовления материальных продуктов. В народном хозяйстве Шпанн различает следующие сферы: сферу изготовления вещей (*Werkreife*), сферу обмена и обращения (*Marktreife*), сферу потребления (*Genussreife*), сферу создания общих предпосылок государственной властью для нормального функционирования хозяйства, т. е. сферу экономической политики (*Gemeinsamkeitsreife*) и, наконец, сферу подготовки новых методов производства и новых работников (*Vogreife*). Труд государственных чиновников является столь же производительным, как и труд рабочего, занятого в производстве. И в этом вопросе Шпанн идет по стопам своих учителей — Мюллера и Листа. Оба последних автора резко критиковали учение Смита о производительном и непроизводительном труде. „Те, кто воспитывает свиней или изготавливает пилулы, — пишет Лист, — конечно, производительны, но в несравненно большей степени производительны воспитатели юношества и учителя взрослых людей, виртуозы, врачи, судьи и администраторы. Первые производят меновые ценности, вторые создают производительные силы“¹. Шпанн в одном пункте идет дальше Листа. Венский профессор утверждает, что государство тоже участвует в образовании ценности и что налог есть не вычет из прибыли, а плата за услугу государства². Шпанн выдвигает затем

¹ „Национальная система политической экономии“, с. 193—194.

² „Der wahre Staat“, S. 148. Попытку построения универсалистской теории налогов сделал Andrae в книге „Bausteine zu einer universalistischen Steuerlehre“, 1927.

учение о иерархии отдельных сфер народного хозяйства, о приоритете, о преимуществе (Vorrang). Он выделяет три основные сферы: государственной деятельности (Gemeinsamkeitsreife), подготовки новых методов и рабочей силы (Vorreife) и производство, включая обмен (Hervorbringungsreife), которое распадается на обмен и производство. В своем произведении „Tote und lebendige Wissenschaft“ Шпанн развивает ряд положений о примате одних сфер по отношению к другим. В целях большей экономии места, мы изложим основные положения, по-немецки: а) *Gemeinsamkeitsreife ist vor Vorreife*, б) *Vorreife ist vor Hervorbringungsreife*, в) *Gemeinsamkeitsreife ist vor Hervorbringungsreife*, г) *innerhalb der Hervorbringungsreife ist Marktreife vor Werkreife*¹. Какой смысл вкладывает Шпанн в свою теорию о примате разных сфер? Сам Шпанн оговаривается, что понятие примата он понимает чисто в логическом смысле, т. е., как логическую предпосылку. С этой точки зрения, напр., категория государственной деятельности должна иметься налицо для того, чтобы можно было сконструировать категорию производства и обмена. Нужно, однако, заметить, что по существу Шпанн вкладывает другое содержание в понятие примата. Последний же понимается как соотношение ведущей и подчиненной сферы. Примат государственной деятельности означает, что последняя имеет руководящее значение, что она определяет движение и изменения в материальном производстве. Такое толкование шпанновского учения о примате, о Vorrang, вытекает из всей концепции нашего автора. Достаточно указать на то колоссальное значение, которое он приписывает капиталу высшего порядка, на всяческое возвеличение роли государства, на подчеркивание элементов регулирования, на критику исторического материализма как учение о ведущей роли производительных сил. Шпанновское учение о примате вполне гармонирует с его общей идеалистической концепцией, с подчеркиванием ведущей роли идей, духовных моментов. Весьма интересную иллюстрацию учения о примате дает один из учеников Шпанна Heinrich, пытавшийся построить на основе универсалистских принципов самостоятельную теорию кризисов. Heinrich указывает, что исходный пункт кризиса может лежать в разных сферах, в которых могут происходить те или иные нарушения установившегося равновесия; но чем выше по рангу данная сфера, чем более высокое место она занимает в шпанновской иерархии, тем значительнее будут потрясения, зародившиеся в данной сфере, и тем значительнее будет их охват. Так потрясения в *Gemeinsamkeitsreife* охватят все народное хозяйство в целом, потрясения в *Vorreife* могут охватить лишь данную сферу и подчиненную ей сферу *Hervorbringungsreife*².

Учение Шпанна о разных сферах народного хозяйства и о примате отдельных сфер логически вытекает из его общих взглядов на природу народного хозяйства. Недооценка роли меновых связей и стихийных закономерностей товарного производства приводит Шпанна к игнорированию специфических форм организации труда в капиталистических предприятиях. Шпанн констатирует известную взаимозависимость между экономической политикой и хозяйственной деятельностью отдельных предприятий. Эта взаимозависимость достаточна, по его мнению, для того, чтобы включить в сферу народного хозяйства

¹ „Tote und lebendige Wissenschaft“ S. 98.

² Heinrich, Grundlagen einer universalistischen Krisenlehre, 1928, S. 242—243.

и деятельность государственных органов. При этом вне поля его зрения остается тот факт, что труд государственного чиновника иначе организован, что этот труд не производит товаров и не связан непосредственно с рынком, что государственные учреждения даже в капиталистических государствах основаны на других началах, чем капиталистические предприятия, поскольку они не всегда ставят своей задачей получение прибыли. Учение Шпанна в данном вопросе отражает недооценку своеобразия организации труда на капиталистических предприятиях и переоценку роли регулирующих моментов со стороны государства.

Мы выяснили две особенности учения Шпанна об услугах: а) отрицание примата теории ценности и б) значительное расширение круга хозяйственной деятельности в связи с положением о примате отдельных видов ее. Третья особенность учения об услугах Шпанна состоит в том, что наш автор считает одной из важнейших задач теоретической экономики установление более конкретных и частных зависимостей между отдельными сферами народного хозяйства. И в этой области наш автор указывает на Мюллера и Листа, которые поставили во весь рост вопрос об отыскании этих закономерностей. В особенности на этом настаивал Лист, который основу национального развития производительных сил видел во всестороннем развитии разных отраслей хозяйства, главным образом, сельского хозяйства и промышленности. Но, по мнению Шпанна, единственная попытка такого рода установить конкретные закономерности была сделана лишь Тюненом, который в первом томе своего «*Der isolierte Staat*» установил закон территориального распределения разных земледельческих и сельскохозяйственных систем¹. Ссылка Шпанна на Тюнена весьма характерна. Она показывает, что наш автор считает необходимым значительно расширить круг теоретической экономики путем включения сюда целого ряда проблем экономики, промышленности, сельского хозяйства и других отделов описательной экономики. Эта тенденция нашего автора связана с его общим положением, что универсализм открывает широчайший простор для исторических и реалистических путей исследования, что универсализм ведет к исследованию всеобщей зависимости (*Allzusammenhang*) и в конечном счете к историчности². Отсюда получается признание Шпанном в ряде пунктов методологии исторической школы и известная солидарность с последней. Эта тенденция Шпанна, как и другие особенности его учения, вытекают из его основного представления о природе народного хозяйства. Игнорируя или недооценивая стихийность товарно-капиталистического производства, Шпанн тем самым недооценивает трудности основной проблемы — механизма этого производства, специфических закономерностей, присущих этому типу хозяйства, которые могут быть выведены лишь путем абстрактного анализа. Сблизив значительно товарно-капиталистическое производство и плановое, переоценив роль плановых моментов, Шпанн должен был значительно выпятить значение конкретных методов исследования, поскольку последние имеют преобладающее значение при изучении экономики организованного хозяйства.

¹ «Fundament», S. 280.

² Fundament. S. 328.

VI. НОВАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ ШПАННА

В своем основном труде „Fundament der Volkswirtschaftslehre“ Шпанн при объяснении ценности и цен выступает как сторонник теории предельной полезности. Ценность определяется предельной полезностью блага, а цена — предельной полезностью предельного покупателя¹. Правда, если сопоставить разные издания „Fundament“ (всего было 3 издания), то можно установить известную эволюцию нашего автора в сторону критики некоторых положений теории предельной полезности. Так, в 1-м издании Шпанн никаких замечаний не делает по адресу теоретиков предельной полезности, поскольку дело касается теории ценности. Начиная со 2-го издания, он пытается делать критические вылазки, которые не затрагивают, однако, основ австрийской теории ценности (такова, напр., попытка заменить формулу Бем-Баверка о регулирующей роли предельного покупателя формулой о регулирующей роли предельного предприятия). Но еще в 3-м издании Шпанн придерживается основного взгляда австрийской школы. Переворот во взглядах нашего автора по вопросу теории ценности знаменует собой его статья „Gleichgewicht gegen Grenznutzen“ в „Conrad's Jahrbücher“, 68 Band. В этой статье Шпанн отказался от теории предельной полезности и дал новую формулу ценности.

Что побудило Шпанна отказаться от теории предельной полезности? Здесь решающую роль сыграло отрицание т. наз. закона Госсена, или закона убывающей полезности, который безоговорочно признавался нашим автором в „Fundament“. Шпанн указывает, что увеличение запаса благ вовсе не должно приводить к снижению полезности последующих приращений этого запаса. Полезность последующих приращений может увеличиваться, оставаться неизменной или убывать, следовательно, здесь имеется ряд вариантов возможных изменений полезности. Обязательное убывание полезности должно было, по Шпанну, иметь место лишь в том случае, если бы рассматривали удовлетворение одной потребности, искусственно вырванной из всего хозяйственного плана, т. е. если бы имели дело с изолированной потребностью и изолированными средствами удовлетворения последней². В действительности, указывает Шпанн, хозяйствующий субъект имеет дело не с изолированными потребностями, а с определенным хозяйственным планом, в котором увязаны все потребности и соответственно распределены все средства. Увеличение запаса благ делает возможным более полное, разнообразное и всестороннее удовлетворение наших потребностей и тем самым повышение среднего уровня нашего существования, лучшее использование дополнительных благ, извлечение из них большего полезного эффекта путем осуществления более гармонического потребления. Поскольку отбрасывается закон убывающей полезности, постольку выпадает категория предельной полезности, которая означает последнюю единицу запаса, имеющую наименьшую полезность. В случае отсутствия этого закона, последнее приращение запаса или последняя единица запаса вовсе не должны иметь наименьшую полезность.

Основным понятием в новой теории ценности Шпанна является понятие равнозначности, равного значения всех элементов хозяйства

¹ «Fundament». S. 142.

² «Gleichgewicht gegen Grenznutzen». S. 302.

(Gleichwichtigkeit, Aequipollenz). Сущность этой категории состоит в следующем: в целом, все части которого находятся в совершенном соответствии друг по отношению к другу или, как Шпанн называет, в выравненном целом (in einem ausgeglichenen Ganzen), все части в одинаковой мере необходимы для достижения общего уровня услуг (Leistungsstandes), и поэтому все части одинаково важны, одинаково расцениваются¹. Но тут невольно напрашивается возражение: разве могут иметь все части в крупном хозяйстве одинаковое значение для хозяйствующего субъекта? Разве лошадь, скажем, имеет такое же значение для крестьянского хозяйства, как курица? На это Шпанн отвечает, что мы должны исходить из определенного уровня потребления и вообще хозяйства. Если считать, что для данного уровня хозяйства должна иметься курица, то она составит столь же необходимое условие для осуществления данного уровня, как и лошадь, ибо данный уровень хозяйства предполагает наличие целого ряда элементов в определенной пропорции. Равнозначность отражает лишь, по Шпанну, необходимость всех услуг в хозяйственной системе (Gebilde) для осуществления определенного уровня услуг². Конечно, добавляет наш автор, при изменении плана хозяйства, когда нашему субъекту приходится, напр., снижать уровень своего хозяйства, он может произвести разную оценку отдельных частей целого, чтобы построить новый план хозяйства, установить новый уровень равновесия. Точно так же, желая повысить уровень своего хозяйства, наш субъект может увеличить запасы тех или иных благ, которые будут иметь или более высокое или менее высокое значение (Mehrwertigkeit, Minderwertigkeit). Но как только будет установлен новый хозяйственный план, как только будет закончен переход от одного состояния равновесия к другому, как снова все элементы хозяйства будут одинаково расцениваться, будут одинаково необходимыми для достижения этого плана. Следует ли отсюда, продолжает Шпанн, что все элементы, все блага данного хозяйства в состоянии равновесия одинаково расцениваются? Предположим, что в хозяйстве крестьянина имеется 1 бык и 10 овец. Для достижения данного уровня равновесия в пределах этого хозяйства необходимы все эти животные. Будет ли наш крестьянин расценивать каждую овцу так же, как и быка? Шпанн дает отрицательный ответ на этот вопрос. Он указывает, что необходимо учитывать распадение, расчленение данного хозяйства на ряд подчиненных систем. Предположим, что мы имеем две отрасли в данном крестьянском хозяйстве: овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Тогда, по Шпанну, с точки зрения принципа равнозначности, получается следующий вывод: обе отрасли хозяйства имеют одинаковое значение, или, в нашем примере, 10 овец имеют такую же ценность, как 1 бык. Основное положение Шпанна состоит в том, что каждой член равноценен лишь внутри своей собственной системы, в которой он оказывает услуги³. Иными словами, нельзя говорить, напр., о равноценности каждой овцы и быка. Равноценны лишь отдельные отрасли хозяйства; внутри каждой отрасли равноценны все элементы, входящие в состав данной отрасли, напр., все овцы имеют одинаковое значение; если эта отрасль делится на подчиненные отрасли или подгруппы, то равноценны послед-

¹ «Gleichgewicht gegen Grenznutzen», «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, 68 Band, S. 301.

² Ibid., S. 303.

³ Ibid., S. 392.

ние и т. д. Для иллюстрации взглядов Шпанна можно построить следующую схему.

Предположим, что в данном хозяйстве имеются две основные отрасли — A и B . Отрасль A делится на две подгруппы — a и b ; отрасль B делится на три группы — a_1 , b_1 , c_1 . В подгруппе a имеются 3 элемента, в подгруппе b — 2 элемента, в подгруппе a_1 — 5 элементов, в подгруппе b_1 — 1 элемент, в подгруппе c_1 — 4 элемента. Спрашивается, каково будет отношение ценности этих элементов с точки зрения Шпанна? Отношение ценности элементов a и b будет равно обратному отношению количеств этих элементов, т. е. $2:3$; отношение ценности a и b будут равно $1:5$. Но как будут относиться ценности элементов, входящих в различные отрасли, напр., a и a_1 ? Шпанн не дает прямого ответа на этот вопрос, но нам представляется, что возможен такой ответ на основании общих принципов Шпанна. Ценность первой отрасли A равна ценности второй отрасли B . В A имеются 2 подгруппы, в B — 3 подгруппы; поэтому при прочих равных условиях, т. е. при равном количестве элементов в каждой подгруппе, ценность элементов подгрупп A относится к ценности элементов подгрупп B , как $3:2$; отсюда вытекает, что a так относится к a_1 , как $(5 \times 3):(3 \times 2) = 15:6 = 5:2$.

До сих пор Шпанн анализировал образование ценности в пределах изолированного хозяйства, т. е. он пытался установить уровень субъективной ценности, субъективных оценок. Встает очень существенный вопрос: как определяется по Шпанну уровень цены? Этот вопрос рассматривается нашим автором лишь мимоходом. Он полагает, что отношения цены должны совпасть с отношениями ценностей. Но как быть, если отношение отдельных элементов и на основании этого субъективная ценность последних различна в разных хозяйствах? Предположим, что в одном хозяйстве на 1 быка приходится 10 овец, а в другом 5 овец. Каково будет соотношение цен быка и овцы, будет ли оно равно $10:1$ или $5:1$? На этот вопрос Шпанн отвечает, что нужно рассматривать среднее, типическое хозяйство. Приводя пример с крестьянским двором, наш автор замечает: «Допустим, что на среднем дворе (durchschnittlichen Wirtschaftshofe) определенной страны и определенного времени необходимо для выполнения обычных целей с обычными средствами 10 овец при 1 быке»¹. Таким образом, наш автор подчеркивает необходимость исходить из рассмотрения среднего двора. Дальше он объясняет, каким требованиям должен удовлетворять этот средний двор. Шпанн указывает, что распределение разных элементов внутри данного хозяйства только тогда может определить уровень ценности и цен, если это распределение соответствует тому распределению, которое имеет место на всех ступенях хозяйства (т. е. в народном хозяйстве, провинциальном хозяйстве, монополиях, предприятии). В совершенно выравненном (in einer vollständig ausgeglichenen) хозяйстве расчленение хозяйства на отдельные отрасли (Stufenbau) должно соответствовать друг другу, начиная с мирового хозяйства и кончая предприятием и домашним хозяйством².

Эти мысли Шпанна станут понятными, если мы вспомним его идею о необходимости роста автаркии отдельных ступеней хозяйства,

¹ „Gleichgewicht gegen Grenznutzen“, S. 318.

² Ibid., S. 320.

о необходимости всестороннего развития производительных сил в рамках отдельных провинций, монополий, предприятий и т. д. С этой точки зрения становится возможным однотипное строение хозяйства на разных его ступенях. При наличии этой однотипности, утверждает наш автор, ценность совпадает с ценой и поэтому нет особой необходимости в построении самостоятельной теории цены. При отсутствии этой однотипности неизбежны отклонения цен от нормального уровня ценности, причем эти цены могут быть различными на разных ступенях хозяйства в разных его участках (Шпанн является противником закона безразличия цен, т. е. закона выравнивания цен на одном и том же рынке). Наш автор, к сожалению, не входит больше в рассмотрение этого вопроса, и в результате вся его теория цены остается крайне неясной и неразработанной.

Теория ценности Шпанна основана таким образом, на 4 предпосылках: а) отрицании закона убывающей полезности, б) признании равнозначности отдельных элементов хозяйственной системы для выполнения общего плана хозяйства, в) признании необходимости учета расчленения данной системы на ряд отраслей и подгрупп (Gliederbau) и г) отождествлении уровня цены и ценности на основе положения о выравненном хозяйстве, об однотипной вещественной структуре всех ступеней хозяйства.

Какая связь существует между старой и новой теорией ценности Шпанна? Обе теории имеют ряд общих пунктов: а) в основу теории кладется принцип полезности или значимости; равнозначность всех благ означает их равную полезность; б) величина ценности блага определяется его редкостью, зависит от количественных соотношений отдельных благ; в) субъективная ценность определяет цену. Но между обеими теориями существует ряд различий: а) ценность отдельного блага, согласно новой теории, зависит не от его собственной полезности, а от совокупной полезности всех благ, которая находит себе отражение в принципе равнозначности; б) ценность зависит не только от количества данного блага, но и от его места в общей системе хозяйства, от расчленения последнего на ряд подчиненных групп (Gliederbau) и в) цена рассматривается не как результат субъективных ценностей, а как повторение ценности на новой основе. Переход Шпанна от одной точки зрения к другой в вопросе теории ценности выражает, по нашему мнению, тенденцию усиления универсализма в экономической теории Шпанна, поскольку в новой теории ценности значительно усилены идеи единства хозяйственной системы, расчленения последней на ряд подчиненных систем и автаркии отдельных частей.

По адресу теории ценности нашего автора могут быть прежде всего направлены все те возражения, которые обычно выдвигаются против всякой теории полезности и редкости. Прежде всего Шпанн совершенно игнорирует в своем рассуждении влияние производственно-технического момента. Венский профессор исходит из того, что количество отдельных элементов хозяйства уже дано. Но очевидно, что это количество не фиксировано; оно в условиях свободного воспроизводства может измениться в любых пропорциях; это количество, в свою очередь, является производной от цен. Далее, Шпанн совершенно абстрагировался от влияния социально-экономических факторов, напр., дохода и цен на оценки индивидуального потребителя. Распределение разных предметов потребления в рамках ин-

двудвудального хозяйства уже предполагает наличие определенной системы цен и доходов, которая регулирует индивидуальные оценки¹. Основной дефект теории Шпанна состоит в том, что она построена на положении, что потребительная ценность товара, зависящая от его редкости, определяет ценность. Этот дефект подрывает основы всего построения нашего автора, лишает его теорию ценности всякой ценности. Мы, однако, считаем такую общую критику, которая очень часто встречается в литературе, недостаточной. Необходимо выяснить, какой смысл имеют все поправки Шпанна в общую субъективную теорию ценности.

Меньше всего возражений может вызвать первая предпосылка теории ценности нашего автора, т. е. отрицание закона убывающей полезности. Мы полагаем, что этот вопрос может быть вполне удовлетворительно разрешен лишь на основе специальных эмпирических исследований, и что этот вопрос не может быть разрешен лишь на основе абстрактных рассуждений. Но вероятнее всего, что мы не имеем общей тенденции к падению полезности для всех решительно благ и при всех возможных условиях. Отсюда отказ от предпосылки закона убывающей полезности представляется нам весьма полезным. Значительно более спорной является вторая предпосылка о равнозначности всех частей хозяйства. Шпанн исходит из того, что для полного и стопроцентного выполнения заранее намеченного плана хозяйства необходимы все имеющиеся элементы хозяйства в одинаковой степени, ибо, если хоть один из ничтожнейших элементов хозяйства выпадет, то осуществление данного плана, при прочих равных условиях, станет невозможным. Из этой, как будто очевидной, предпосылки Шпанн делает основной вывод, что хозяйствующий субъект будет одинаково расценивать все элементы хозяйства. Правомерен ли этот вывод нашего автора? Ни в коей мере. В основе вывода его лежит не только первая очевидная предпосылка, но и вторая молчаливая, ошибочная предпосылка, что хозяйствующий субъект при выполнении своего плана совершенно абстрагируется от всяких возможных изменений плана, от необходимости урезать некоторые части плана, от необходимости произвести перегруппировку некоторых частей плана. Очевидно, что даже при выполнении намеченного плана хозяйствующий субъект ориентируется на разные изменения плана, и поэтому он неодинаково расценивает разные элементы хозяйства, которые должны сыграть различную роль в случае изменения плана. Как ни мало элементов динамики в теории австрийцев, но последние все же более верно смотрят на вещи, чем Шпанн. Австрийцы утверждают, что если у хозяйствующего субъекта имеется даже неизменный запас благ, то этот субъект руководствуется принципом лишения, т. е. рассуждает, что будет в случае изменения запаса, в случае утраты одной, двух единиц запаса. Вполне понятно, что Шпанн на основании своей теории лишен возможности объяснить динамику ценности. Ведь в случае увеличения или уменьшения запаса происходит изменение плана, и тогда принцип равнозначности, по собственному утверждению Шпанна, перестает действовать. Дополнительные приращения запаса могут иметь большее или меньшее значение. Как же определить тогда ценность отдельных элементов? Ведь Шпанн утверждает,

¹ Игнорирование Шпанном социально-экономической природы ценности детально выяснил Штольцман в своей статье «Die Ganzheitslehre O. Spanns», Conrad's Jahrbücher, 3 Folge, 72 Band.

что полезности сами по себе несоизмеримы и что ценность получает свою количественную определенность на основе количественного соотношения отдельных элементов с точки зрения данного плана. Как же быть в том случае, если план изменяется и нарушается равнозначность? По существу Шпанн отождествляет хозяйствующего субъекта с чиновником, да еще бюрократическим, который заранее получил задание и который совершенно не входит в рассмотрение всяких возможных изменений плана. С известным правом можно усмотреть идеологию государственного чиновника в эпоху государственного капитализма в рассуждениях Шпанна о равнозначности.

Еще более спорной является третья предпосылка нашего автора — о необходимости учета расчленения хозяйственной системы. Эта предпосылка противоречит второй его предпосылке. Если все данные элементы необходимы для выполнения общего плана, то очевидно, что каждый элемент независимо от того, входит ли он в более общую или более частную систему, должен иметь равную ценность. Возьмем пример Шпанна с 10 овцами и быком. Почему одна овца расценивается ниже, чем один бык? Ведь для завершения данного плана каждая овца столь же нужна, как и бык. Если будет лишь 9 овец, то сто-процентное осуществление данного плана станет невозможным. Но если сделать этот вывод, который логически возникает из принципа равнозначности, то отсюда вытекает, что все элементы хозяйства имеют одинаковую ценность, следовательно, и одинаковую цену, т. е. получается явно абсурдный вывод. Шпанн спасается от этого абсурдного вывода тем, что он принимает другую абсурдную предпосылку о том, что равнозначность существует лишь для одного пункта деления: например, если хозяйство делится на две отрасли А и В, то каждая отрасль равнозначна; если отрасль А делится на две группы, то каждая группа равнозначна; если одна группа делится на три элемента, то каждый элемент равнозначен. Эта произвольная предпосылка вносит большой произвол в определение уровня ценности, ибо этот уровень ставится в зависимость от условий классификации отраслей каждого хозяйства. Эта предпосылка является внутренне противоречивой, она противоречит формальной логике, ибо, если с одной стороны, равноценны все группы, а с другой стороны, в каждой группе равноценны все элементы, то почему не могут быть равноценны все элементы независимо от групп, в которые они входят? Нам представляется, что это противоречие вытекает из общего противоречия в системе Шпанна, состоящего в том, что он, с одной стороны, пытается обеспечить наибольшее единство и взаимозависимость в пределах всей системы, а, с другой стороны, является защитником наиболее экономичной независимости отдельных частей этой системы. В этом смысл его идеи о расчлененной структуре (Gliederbau) хозяйства. Его подчиненные системы хозяйства имеют двойственную природу: с одной стороны, это передаточные звенья между целым и последними хозяйственными ячейками; с другой стороны, — это системы, имеющие почти полную самостоятельность, имеющие свой план. Это дуалистическое представление о взаимоотношении хозяйственной системы в целом и ее частей обусловило дуалистическое представление нашего автора о принципе равнозначности, который, с одной стороны, осуществляется в пределах всей хозяйственной системы, а с другой стороны, осуществляется самостоятельно в рамках каждой части этой системы.

Наиболее ошибочной является четвертая предпосылка нашего автора. Здесь последний значительно отстывает от той точки зрения, которую он развивает в своем «Fundament». В последнем произведении Шпанн рассматривает цену, как результату субъективных оценок. Цена определяется оценкой предельного предприятия на основе стихийной конкуренции. В основе этого представления лежит взгляд, что рыночные категории представляют собой результату индивидуальных действий. В своей позднейшей статье («Gleichgewicht gegen Grenznutzen») Шпанн мыслит отношение между ценой и ценностью по принципу аналогии: цена есть повторение ценности, рыночные явления представляют собой воспроизводство категорий индивидуального хозяйства. Правда, и в работах экономистов австрийской школы, как правильно заметил Штольцман¹, можно обнаружить смешение принципов аналогии и результаты. Но нигде переход от одного принципа к другому не выражен так ярко, как у Шпанна. По мнению последнего, выраженному в позднейшей статье, цена непосредственно регулируется тем соотношением отдельных благ, которое имеется налицо в индивидуальном хозяйстве. Этот взгляд нашего автора базируется на положении о выравненном хозяйстве, об однотипной вещественной структуре разных ступеней хозяйства. Предпосылка Шпанна является ошибочной, она противоречит тенденции товарного хозяйства к росту специализации и разделения труда. Наш автор является сторонником того взгляда, что внутри каждой ступени хозяйства должно устанавливаться возможно более полное разделение труда и всестороннее производство. Будучи сторонником автаркии даже маленьких хозяйственных ячеек, Шпанн тем самым значительно суживает возможности обмена. По существу он исходит из неразвитого обмена излишками. Предположим, что данный субъект должен купить на рынке какой-то товар, который не производится и вообще отсутствует в его хозяйстве. Как наш субъект сможет установить ценность этого элемента? Ведь для этого, по Шпанну, должно быть дано количественное соотношение отдельных элементов, а в нашем примере это соотношение не может быть установлено. Правда, можно сказать, что наш субъект будет учитывать количество товара, которое он намерен купить. Но это количество зависит от цены и, следовательно, предполагает последнюю. Теория Шпанна ничего не может объяснить в условиях развитого обмена, сильной специализации отдельных хозяйственных предприятий и группировок. То противоречие, которое мы констатировали выше, выступает в новой форме: с одной стороны, Шпанн пытается объяснить меновые отношения, т. е. он предполагает обмен; с другой стороны, он исходит из выравненного хозяйства, из аналогичной структуры отдельных ступеней хозяйства, т. е. из таких условий, которые исключают возможность обмена. Следовательно, те коррективы, которые вносит Шпанн в субъективную теорию ценности, должны быть признаны совершенно неудачными и внутренне противоречивыми.

¹ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», 1908, S. 719.

Александр Кон

Б. БОРИЛИН КАК КРИТИК...

Вы думаете, легко им наше белье
Ежедневно прополаскивать в газетной
странице?

В. Маяковский

«Гимн критику»

Настоящая статья формально является ответом на статью т. Б. Борилина «Механистическое течение в политической экономии», появившуюся в № 9/10 журнала «Революция и культура». Однако по существу я воспользовался статьей Б. Борилина лишь как предлогом для того, чтобы дать ответ не только ему, но и другим представителям идеалистического течения в политической экономии, известного у нас под названием рублинщины. Б. Борилин послужил для меня лишь типом, лишь моделью среднего рублинца, и поэтому читатель не должен удивляться тому, что я отвечаю Б. Борилину столь обстоятельно.

Ознакомившись с «информационной» статьей т. Б. Борилина, я принужден был, не без удивления, констатировать, что автор ее сам не понимает предмета дискуссии, не разбирается в существующих группировках, не знает точек зрения критикуемых им лиц. Я не хотел бы, конечно, предполагать, что т. Б. Борилин преднамеренно затушевывает сущность разногласий, скрывая от читателя действительный предмет спора и подменяя действительные разногласия мнениями, а основные — частными, что он сознательно объединяет в «группы» и «течения» лиц, не имеющих между собой подчас действительно ничего общего, что онумышленно искажает взгляды своих противников, приписывая им мнения, с которыми они всегда боролись. Этого, повторяю, я предполагать бы не хотел. Тем не менее факт остается фактом — т. Б. Борилин дал неверную информацию о разворачивающейся экономической дискуссии, т. Б. Борилин оказался негодным информатором.

Однако, статья уже появилась, и мне не остается ничего другого, как заняться исправлением «неточностей» передачи наших взглядов неудачливым информатором, а попутно — защитой этих взглядов и критикой «социально-идеалистической интерпретации Маркса, защищаемой (правда, со «страхующими» оговорками) т. Б. Борилиным в его статье.

1. ОБ ИДЕАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНИМАНИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тов. Б. Борилин обвиняет нас в том, что мы будто бы отвергаем традиционное марксистское определение политической экономии как теоретической науки о производственных отношениях капитализма

и настаиваем на расширении предмета политической экономии путем привлечения материально-технического процесса производства. Это обвинение уже выставлялось однажды т. Б. Борилиным против меня на диспуте по докладу т. К. Бутаева в Институте красной профессуры. В качестве ответа на это обвинение ему был вручен исчерпывающий перечень определений политической экономии, дававшихся мною в разные периоды моей литературной деятельности. В этот перечень вошли все, без исключения, мои работы, так или иначе затрагивавшие вопрос о предмете политической экономии. Тов. Борилину было предложено указать хоть одну из моих работ, вошедших в этот перечень, или найти хоть одну работу, не вошедшую в него, в которой отвергалось бы приведенное выше определение политической экономии или, даже больше того, где бы это определение не защищалось. Он этого сделать не смог. Так как, несмотря на это, «по забывчивости» или «по рассеянности» т. Б. Борилин вновь повторяет свое обвинение, я позволю себе воспроизвести указанный ряд цитат из моих работ в примечании к этой статье¹.

¹ 1922 г. «Тезисы и планы по полит. экономии». «Экономические науки ставят своей задачей изучение производственных отношений». «Политическая экономия изучает только производственные отношения менового общества».

1923 г. «Теория пром. капитализма», изд. 1-е. «Производственные отношения каждой данной ступени общественного развития в их совокупности и в их изменении и составляют объект исследования экономических наук». «Теоретическая наука, изучающая производственные отношения менового общества в их взаимозависимости, носит название теоретической экономии».

«Опыт программы по полит. экономии». «Производственные отношения менового общества как предмет политической экономии».

1924 г. «Программа по полит. экономии». «Производственные отношения менового общества как предмет политической экономии».

1924 г. «Дискуссия с т. Мотылевым о программе полит. экономии в Комвузе». «Предметом теоретической политической экономии может быть только такая общественная формация, где хозяйственная жизнь управляется стихийным путем, где существует анархия производства, где единственной связью между производителями является обмен».

1925 г. «Теория пром. капитализма», изд. 2-е. «Теоретическая наука, изучающая производственные отношения менового общества в их взаимозависимости, носит название теоретической политической экономии».

1927 г. «О «Новой экономике» Преображенского». «Я спрашиваю, с каких пор мы стали считать, что обмен веществ между человеком и природой, отношения между человеком и природой управляются экономическими закономерностями? Я утверждаю, что мы обычно понимали под экономикой не взаимоотношения между человеком и природой — так толкуют предмет экономической науки самые буржуазные из всех буржуазных экономистов, — мы обычно понимали под экономикой нечто иное — производственные отношения между людьми, а не закономерности, которые связывают человечество с природой».

«Лекции по методологии». «Политической экономией называется теоретическая наука, изучающая производственные отношения капиталистического общества».

1928 г. «Курс политической экономии», изд. 1-е. «Ее (политической экономии) предметом является не хозяйство вообще, а производственные отношения людей». «Политической экономией называется теоретическая наука, изучающая производственные отношения капиталистического общества». «Курс», изд. 2-е, «Теоретическая политическая экономия представляет собою науку, изучающую производство в его буржуазной форме или, что то же, — систему производственных отношений капиталистического общества».

1929 г. Выступление по докладу т. К. Бутаева в Институте красной профессуры. «Я должен категорически утверждать, что всюду я определял политическую экономию, как науку о производственных отношениях капиталистического общества».

Воспроизводя этот список, я еще раз обращаюсь к т. Б. Борилину с горячей просьбой указать среди перечисленных цитат хотя бы одну, где предметом политической экономии объявлялись бы не производственные отношения товарно-капиталистического общества, или указать какую-нибудь мою работу сверх перечисленных, где бы приведенным выше определениям противопоставлялось какое-нибудь другое определение. Читатель легко убедится, что т. Борилин этого не делает.

Дело в том, что по своей «неосведомленности» и «рассеянности» он приписал мне взгляды, с которыми я всегда энергично боролся (см., напр., приведенную выше цитату из брошюры «О новой экономике»). Тов. Б. Борилин несомненно попытается выйти из своего неудобного положения «окольным путем». Кон, «искренне» признается он, действительно никогда не оспаривал определения политической экономии как науки о производственных отношениях капитализма и не предлагал включать в предмет политической экономии материально-технический процесс производства, но зато это сделал «ближайший друг и союзник» Кона — Бессонов. Прежде всего заметим, что если бы даже т. Бессонов действительно отстаивал подобные взгляды, то все же нет никакого резона приписывать эти взгляды мне, ибо Бессонов и Кон, как в этом легко может убедиться каждый, это два человека, а отнюдь не один. Однако, предлагал ли действительно т. Бессонов включать в предмет политической экономии материально-технический процесс производства? Тов. Б. Борилин, к сожалению, имеет нехорошую манеру передавать мысли противника своими словами, забывая, очевидно, что «Москва словам не верит», — он не приводит ни одной цитаты из работ т. Бессонова, которая подтверждала бы его утверждения. Почему он это «забыл» сделать? Ответ ясен — потому, что т. Бессонов никогда ничего подобного не говорил. Тов. Бессоновым была выставлена однажды формула, что «отношения людей, т. е. отношения человеческого коллектива, к природе принадлежат к сфере производительных сил, составляя в то же время основу и «другую» сторону отношений людей между собою. Представляя, таким образом, единство противоположностей, обе стороны материального процесса производства равноправно входят в предмет политической экономии потому, что они равноправно входят в ее объект — материальное производство. Нельзя поэтому столь легкомысленно забывать момент взаимодействия п/о и п/с, как это позволяет себе Рубин, когда, упомянув для приличия о взаимодействии, немедленно превращает п/с в «предпосылку», к которой в последующем можно не возвращаться ни в одном из примеров того диалектического движения, о котором идет речь в тезисах¹». Однако 1) производительные силы это — категория социальная, а не только техническая, так что никакого внесения материально-техниче-

Выступление по докладу И. Рубина в Институте красной профессуры. «Я никогда не возражал против определения политической экономии, как науки, изучающей производственные отношения капиталистического общества в их возникновении, развитии и гибели. Я никогда не возражал против такого определения. Расхождения наши заключаются не в том, что будто бы Рубин определяет политическую экономию как науку о производственных отношениях, а Кон и Бессонов предлагают сюда привести «на равных правах» и технику. Не в этом, товарищи, расхождение. И тот, кто захочет так изобразить дело, тот подменяет предмет принципиального спора. Расхождение заключается в том, как понимать производственные отношения».

¹ Тезисы к диспуту в Институте красной профессуры.

с к о г о процесса производства в предмет политической экономии т. Бессонов этой формулой не предлагал; 2) эта формула была признана нами всеми — и самим т. Бессоновым в том числе — неверной. о чем он и объявил во всеуслышание в своем заключительном слове на последнем диспуте в Институте красной профессуры¹; 3) эта формула еще до т. Бессонова выставлялась т. А. Леонтьевым, который, как известно, является не моим союзником, а соратником Б. Борилина². Читатель видит, что у т. Б. Борилина не остается, таким образом, никаких оснований для того, чтобы обвинять т. Бессонова (а тем более его «друзей и союзников») в стремлении расширить предмет политической экономии привлечением т е х н и ч е с к о г о процесса производства.

Легенда «о технике» служит т. Б. Борилину лишь для того, чтобы скрыть от читателя сущность действительных разногласий по вопросу о предмете политической экономии, а попутно пугнуть читателя механистической буквой. Впрочем мы так же, как и читатель, конечно, нисколько не сомневаемся в том, что и в данном случае со стороны т. Б. Борилина не было «злого умысла».

Однако, если обе стороны согласны с определением политической экономии как науки о производственных отношениях капитализма, о чем же спор? Почему ломаются копья? Спор ведется о том, как п о н и м а т ь производственные отношения; понимать ли производственные отношения м е т а ф и з и ч е с к и и и д е а л и с т и ч е с к и — как пустые, бессодержательные формы, или же — д и а л е к т и ч е с к и и м а т е р и а л и с т и ч е с к и — как формы, исполненные реального и материального содержания.

Б. Борилин совершенно прав, утверждая, что рубинцам «следует дополнительно проработать, уточнить и исправить» (с. 7) их представления о соотношении содержания и формы. Казалось бы, однако, что из этого признания Б. Борилина вытекает только один вывод. Если ты

¹ В качестве аргумента в пользу своего обвинения и сам Б. Борилин и его «друзья» часто указывали на то, что т. Бессонов в своей книге «Развитие машины» упрекал послемарксову литературу в невнимании к потребительной стоимости. Они почему-то «забывают» однако указать, что этот упрек т. Бессонова был паправлен не по адресу марксистской политической экономии, а по адресу послемарксово-й литературы вообще.

² Анализ современного советского хозяйства, пишет А. Леонтьев, должен идти по двум основным линиям; следует анализировать: 1) производственный процесс в его исторической динамике, т. е. рост производительных сил, и 2) эволюцию производственных отношений элементов нашей переходной от капитализма к социализму структуры («Сов. эк.», 1926, с. 72). Для того, чтобы у читателя не осталось сомнения в том, что это относится ко всякой, а не только к советской экономике, А. Леонтьев несколькими страницами ниже прибавляет: «Как мы уже указывали, точка зрения одного лишь голого материально-технического процесса имеет лишь весьма узкое и чисто-условное значение, она явно недостаточна для объяснения динамики всего народного хозяйства в целом. Для успешного анализа этой динамики необходимо еще подвергнуть рассмотрению систему производственных отношений, экономическую структуру, которая служит формой материального производственного процесса в данный исторический период. Это условие необходимо, ибо производственный процесс един; его техническая и экономическая стороны в живой действительности слиты воедино» (там же, с. 83, разрядка моя А.К.). Итак, экономическим наукам нужно изучать «не только» рост производительных сил и «не только» материально-технический процесс производства, «но и» производственные отношения. Чем это лучше формулы о «равноправии», против которой справедливо восстает т. Б. Борилин? При этом, если т. Бессонов от своей ошибки отказался, т. Леонтьев этого не сделал. С кем же в союзе Б. Борилин? С Рубиным или с Леонтьевым? Ведь точки зрения этих двух авторов хотя одинаково неверны, тем не менее д и а м е т р а л ь н о противоположны. Вот тут-то уже действительно нужно выбирать цвета, как любит (подражая немцам) говорить тот же А. Леонтьев.

не проработал учения о содержании и форме, не имеешь точного представления о соотношении их, если взгляды твои по этому вопросу нуждаются в исправлении, то займись скорей заполнением пробелов своего мировоззрения. Трудно однако сделать из приведенного признания противоположный вывод: — так как я не понимаю вопроса о соотношении формы и содержания, я должен выступить по этому вопросу в печати и показать «всему миру», что я в этом деле не разбираюсь. Между тем т. Б. Борилин делает для себя именно этот вывод. Он отважно бросается в бурные волны дискуссии о предмете политической экономии, очевидно, не подозревая, что гвоздем этой дискуссии, осью ее, как раз и является вопрос о соотношении содержания и формы производственных отношений.

Рубин и его ученики (от них же первый т. Б. Борилин) отождествляют материальный процесс производства с процессом производства, как техническим процессом. Материальный процесс производства не фигурирует в работах Рубина иначе, как под названием «материально-технического». С другой стороны исключительно под этим же названием выступает у Рубина и производство, рассматриваемое в качестве технического процесса. Рубин употребляет свой «гибкий» термин «материально-технический процесс производства» и в тех случаях, когда идет речь о производстве, как техническом процессе, и в тех случаях, когда вообще имеется в виду материальное производство. Из бесконечной массы примеров возьмем только пару: «Политическая экономия — пишет Рубин — изучает производственные отношения людей, т. е. социальные формы процесса производства, в отличие от его материально-технической стороны» («Очерки», изд. 3-е, с. 51). Как ясно из всего текста, здесь под «материально-технической» стороной понимается техническая сторона процесса производства. Но вот другая цитата: «Маркс же ставил себе целью раскрыть законы возникновения и развития социальных форм, принимаемых материально-техническим процессом производства на данной ступени развития производительных сил» («Очерки», 3-е изд., с. 54). Здесь «материально-технический» процесс производства выступает уже в качестве содержания определенных общественных форм. Следовательно, речь должна была бы идти здесь уже не о производстве, рассматриваемом только в качестве технического процесса, а о материальном производстве, как процессе общественном. Тем не менее Рубин продолжает называть и в этом случае материальное производство «материально-техническим» и, следовательно, относит и такое материальное производство к числу тех явлений, которые не подлежат изучению экономических наук и которые передаются в ведение технологии и исключаются из предмета политической экономии. Рубин отождествляет материальный процесс производства с производством, рассматриваемым в качестве только технического процесса. Материальное производство для него — только технический процесс, а не процесс, являющийся одновременно и техническим и общественным. Вместе с тем противопоставление общественной формы «материально-техническому» процессу производства перестает быть только противопоставлением социального техническому, но превращается в противопоставление социального материальному. Согласно Рубину то, что материально, то не социально, а то, что социально, — не материально (см., напр., рассуждения Рубина о том, что если

абстрактный труд — категория социальная, то она не содержит ни одного атома материи. «Очерки», с. 149—150). Такое голое противопоставление социального материальному вообще неизбежно ведет к нематериалистическому пониманию производственных отношений, которые и Маркс и Ленин называли материальными производственными отношениями (см., напр., «Капитал», т. III, ч. 2, с. 359 и Ленин, Собр. соч., т. I, с. 61). Нет ничего ошибочнее отождествления материального производства с производством, рассматриваемым в качестве только технического процесса. «Производство — говорит Маркс — есть присвоение индивидом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством ее» («Введение»). Процесс материального производства является одновременно и техническим и общественным процессом. Техническим — поскольку он связывает человека с природной средой; общественным — поскольку борьба человека с природой всегда предполагает и требует в качестве своего условия связи между людьми, обмена труда между ними. Он мог бы быть только техническим процессом лишь при том условии, если бы была мыслима борьба с природой индивидуального, взятого, изолированно от общества человека. Производство такого «Робинзона» было бы только процессом воздействия человека на природную среду, т. е. только техническим процессом. «Однако производство обособленных личностей вне общества — такая же бессмыслица, как развитие языка, вне совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов» («Введение в критику»). «Если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной общественной ступени развития — о производстве индивидов, живущих в обществе» (там же). «Действующим лицом в более или менее обширной совокупности отраслей производства всегда является некоторый социальный организм, общественный субъект»¹ (там же). Поскольку же производство мыслимо лишь как производство, фактическим субъектом которого является не индивид, а общество, материальный процесс производства перестает быть только техническим процессом, только процессом воздействия человека на природу, но становится вместе с тем и процессом, реально связывающим (в определенной форме) людей друг с другом — общественным процессом.

Именно потому, что процесс материального производства является не только техническим, но и общественным процессом, он на всякой ступени развития предполагает и несет в себе определенную общественную форму, которая порождается им, в рамках которой он протекает и вне которой он не мыслим. Именно потому, что процесс материального производства является не только процессом воздействия человека на природу, но и процессом, реально связывающим людей, форма этой связи, качественная определенность ее предполагается самим процессом материального производства, включена в него, вырастает из него, ибо вне качественной определенности связи между людьми немыслима и сама эта связь. Если бы материальное производство

¹ Мы рекомендуем т. Е. Ланде, выступившему против нас в № 5 «Под знаменем марксизма» со статью «Механистический метод и обоснование теории стоимости», в которой он приходит в ужас, обнаруживая, что я считаю фактическим субъектом товарного производства общество, а не индивида, обратить внимание на эту цитату и вообще ознакомиться с «Введением в критику».

было, как думают Рубин и рубинцы, только техническим процессом, общественная форма производства не только бы не предполагалась им. не вырастала бы из него, но прямо и с к л ю ч а л а с ь бы им. Если бы материальный процесс производства не являлся сам реальной связью между людьми и не включал в себя реальных связей между ними, неоткуда было бы взяться особой форме этих связей, качественной определенности их.

Рубинцы полагают, что содержанием общественной формы является производство, как только технический («материально-технический») процесс. «Материально-технический процесс производства и облекающие его производственные отношения» («Очерки», 3-е изд., с. 23), «материально-технический процесс производства и его общественная форма» («Очерки», 3-е изд., с. 10) — таковы бесчисленные высказывания Рубина. Рубинцы не понимают, что сам по себе факт существования той или другой определенной общественной формы производства свидетельствует о том, что и сам процесс материального производства, рассматриваемый в качестве содержания этой формы, является общественным процессом; они не видят, что в качественной определенности данной общественной формы проявляется общественный характер самого производства. В рубинской метафизической схеме содержание отрезано от формы китайской стеной. Здесь нет перехода содержания в форму и перехода от содержания к форме. Здесь нет также взаимопроникновения формы и содержания. Рубинцы не понимают, что форма должна быть не «прикреплена» к содержанию (выражаясь сугубо «диалектически» термином Рубина, см. «Абстрактный труд и стоимость», с. 87), а выведена из содержания. Они не понимают также, что вывести общественную форму из производства, рассматриваемого только в качестве технического процесса, невозможно.

Двойственный характер производства (как технического и общественного процесса) находит себе в капиталистическом обществе и двойное объективное проявление. В самом факте создания определенных потребительных стоимостей находит себе объективное проявление то обстоятельство, что процесс производства является процессом воздействия человека на природу, находит себе объективное проявление технический характер производства — производство, как технический процесс¹. В наличии же определенной общественной формы объективно проявляется общественный характер материального производства: через посредство качественно определенной общественной формы материальное производство объективно проявляет себя как общественный процесс (это, конечно, ни в какой мере не значит, что значение общественной формы исчерпывается тем, что в ней и через нее проявляется общественный характер производства. Общественная форма придает процессу производства его качественную определенность, оформляет его и активно влияет на характер и темп развития производительных сил). Одно и то же материальное производство может поэтому рассматриваться с двух совершенно различных точек зрения. Рассматривая материальное производство с точки зрения эффективности воздействия

¹ Это не исключает, конечно, того несомненного факта, что во всей совокупности произведенных в обществе потребительных стоимостей проявляется система общественного разделения труда, а, следовательно, и факт работы одних членов общества для других.

человека на природу, мы рассматриваем его как технический процесс. И применяемые в процессе производства средства и способы производства, и сами люди, и, наконец, даже сотрудничество между людьми интересуют нас в этом случае лишь с точки зрения эффективности воздействия человека на природу. Рассматривая же производство с точки зрения определенной общественной формы, в рамках которой протекает процесс производства, которая порождается им и качественно определяет его, мы изучаем процесс материального производства как общественный процесс. И применяемые в процессе производства средства и способы производства, и продукты труда, и формы сотрудничества между людьми, и сами люди рассматриваются теперь с точки зрения определенных общественных связей как факторы этих связей и как носители их.

Первая точка зрения есть точка зрения технических наук. Вторая точка зрения — точка зрения наук экономических. Технология и экономические науки изучают одно и то же — материальное производство; однако, угол зрения, аспект этих двух наук на единый объект совершенно различны. Грань между политической экономией и технологией, стирать которую было бы преступлением, заключается в различии их точек зрения на материальное производство, в том, что первая из них изучает материальный процесс производства с точки зрения эффективности воздействия человека на природу, вторая же изучает материальное производство с точки зрения его определенной общественной формы¹.

Различия между материальным производством, как техническим процессом, и тем же материальным производством, как процессом общественным, Рубин и его ученики никогда не понимали. Поэтому они никогда не понимали и не поймут также, что означают слова Маркса, которыми он открывает изложение своего «Введения»: «Предмет исследования — это прежде всего ма-

¹ Некий А. Манукян в своей статье «Некоторые ошибки механистов в политической экономии» (см. сборник «Против механистических тенденций в политической экономии») поучает нас, что «всякое различие точек зрения, не детерминированное различиями внутри объекта, разными сторонами самого объекта, есть либо чистейший субъективизм, либо путь к эклектике» (с. 160 — 161). Этот «удар» пришелся не но коно, а по оглобле. Из всего сказанного выше ясно, что только потому, что материальное производство в действительности двойственно и противоречиво, только потому, что оно в действительности находит себе двойственное проявление, оно и может рассматриваться с двух точек зрения. Не можем попутно не указать, что сей «литератор» позволяет себе цитировать не только неопубликованную стенограмму моего выступления по докладу Рубина, но и невыправленную стенограмму моего выступления по докладу т. К. Бутаева. Таковы нравы!

А. Леонтьев пробует использовать мое мнение о том, что нельзя попросту разрывать единый объект на две «стороны», как то делают Амони, Рубин et tutti quanti для того, чтобы обвинить меня в нежелании отличать предмет политической экономии от предмета технологии. В то время как я говорю о необходимости за различиями не терять представления о единстве, Леонтьев приписывает мне отрицание самых различий. Впрочем, что требовать от Леонтьева, который с похвальной откровенностью заявляет, что целиком приемлет солнцевское разграничение объекта исследования и объекта познания. «По раскрытии этой тайны (двойного характера труда. — А. К.) — пишет А. Леонтьев, — объект исследования Маркса — капиталистическое общество — предстало как объект познания и в сноске к этой септенции прибавляет: «употребляем здесь терминологию Солнцева («Введение в полит. экономии»), принимая вкладываемый им смысл» («Пробл. маркс. теории кап.», с. 20). Сей «зпаторк иностранной литературы», очевидно, не подозревает, что и сама «терминология» и «вкладываемый в нее смысл» позаимствованы Солцевым от Амона — идеалиста-неокантиаца.

териальное производство. Индивиды, производящие в обществе, а следовательно, общественно-обусловленное производство индивидов,— вот, очевидно, отправной пункт». В этом вопросе хваленые «диалектики» орудуют методом простого отождествления (отождествления материального производства с производством как техническим процессом). Зато, когда Рубин и рубинцы подходят к вопросу о взаимоотношении материального производства и его определенной общественной формы, они компенсируют себя методом голого различения.

«Капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного (а не «материально-технического».— *А. К.* процесса производства»,— говорил Маркс («Капитал», т. III, ч. 2, с. 347, разрядка, моя *А. К.*). Он считал содержанием качественно-определенной общественной формы производство как общественной, а не как технический процесс. Рубин же и его выгученики считают, как мы уже видели, содержанием общественной формы «материально-технический» процесс производства. Эта их ошибка ставит их перед большим затруднением при определении границ предмета политической экономии. Диалектика, как известно, рассматривает всякую форму, как содержательную форму, а всякое содержание, как оформленное содержание. «Форма существенна. Сущность сформирована так или иначе в зависимости и от сущности»... «Материя должна быть оформлена, а форма должна материализоваться» («Ленинский сборник, IX, с. 135). Однако, Рубин и рубинцы, считая содержанием общественной формы материальное производство, не как общественный процесс, а как «материально-технический» процесс, не могут включать в предмет политической экономии содержание производственных отношений, ибо это означало бы протаскивание в политическую экономию процесса производства, как технического процесса, и стирание граней между политической экономией и технологией. В результате они вынуждены брать в качестве предмета политической экономии формы, лишённые какого бы то ни было материального содержания. Говоря о производственных отношениях, Рубин фактически понимает под этим термином бессодержательные формы, и в этом гвоздь вопроса, в этом гвоздь спора¹.

¹ В своем недавнем ответе т. Бессонову Рубин, наконец, «спохватился» и решил исправить свою ошибку: «... Материально-технический процесс производства», пишет он, «признается нами за явление социальное и историческое». «Все утверждения Бессонова, что я рассматриваю материально-технический процесс производства (и производительные силы) как явление «натуралистическое» и «внеисторическое» ни на чем не основаны» («Проблемы экономики» № 3). Итак, мы узнаем, что термином «материально-технический» Рубин обозначает социальное явление. Не останавливаясь на вопросе о том, почему нашему теоретику понадобилось именовать черное белым («социальное» — «материально-техническим») и ограничиваясь напоминанием, что «от счастливой жизни не полетишь», обратимся к более важному вопросу. Рубин утверждает, что «политическая экономия изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму» («Очерки», 3-е изд., с. 11). «Политическая экономия изучает производственные отношения людей, т. е. социальные формы процесса производства, в отличие от его материально-технической стороны» (там же, с. 51). До тех пор, пока Рубин понимал «материально-технический» процесс производства, «материально-техническую сторону» процесса производства «натуралистически» и «внеисторически»,— все подобные его высказывания можно было еще толковать как вполне законное противопоставление социального техническому. Но как понимать все подобные «места», если мы узнаем теперь, что Рубин понимает «материально-технический» процесс производства как

Мы никогда не обвиняли Рубина, а тем более всей постмарксовской политической экономии «в игнорировании материально-технического процесса производства», как то утверждает т. Б. Борилин. Политическая экономия не занимается и не должна заниматься производством как техническим процессом. Это предмет технологии. Мы обвиняли и обвиняем Рубина и рубинцев в выхолащивании материального содержания производственных отношений, в нематериалистическом понимании их. «Производственные отношения — пишет Б. Борилин — представляют собой величайшую реальность, хотя не содержат ни атома вещественной материи, и в этом смысле материальны» (с. 17). Однако, заметим мы Б. Борилину, право, религия, искусство тоже представляют собой «величайшую реальность», значит и они материальны? Поистине чрезвычайно интересно было бы увидеть, как с подобными представлениями о материальности производственных отношений Б. Борилин отмежует производственные отношения от других (надстроечных или, по выражению Ленина, «идеологических») социальных отношений. Или может быть, Б. Борилин считает, что в таком отмежевании нет надобности? Может быть, он согласен с одним из афоризмов А. Леонтьева, что «нет социальных отношений, есть социально-экономические»¹. Конечно, если т. Борилин понимает под производственным отношением только качественную определенность общественного производства на каждой ступени его развития, взятую самое по себе, то с ним нужно согласиться — эта качественная определенность сама по себе не содержит, конечно, ни атома материи, ни «вещественной», ни какой бы то ни было другой. Однако, с каких это пор мы, марксисты, стали рассматривать качественные определенности форм вне того содержания, которое они оформляют? Или таковы новейшие достижения рубинской «диалектики»? Мы не поздравляем т. Б. Борилина с такими «достижениями» — настоящая диалектика не знает бессодержательных форм. Бессодержательные формы — не от Маркса и не от Гегеля, а от Канта². Если же рассматривать производственные отно-

общественный процесс материального производства? Их нельзя понять иначе, как голое противопоставление социального — материальному вообще, как выкидыш за борт политической экономии не только техники, рассматриваемой «натуралистически» (что совершенно необходимо), но и всего, что есть материального в производственных отношениях — их материального содержания. Вот это действительно называется «поправиться из кулика в рогожку».

Если до сих пор (пока мы считали, что под «материально-техническим» процессом производства Рубин понимает производство, рассматриваемое как технический процесс) мы никак не могли согласиться с мнением т. Бессонова, что «нигде и ни при каких обстоятельствах Маркс не противопоставлял и не мог противопоставлять материально-технического процесса производства его общественной форме», то теперь, когда нам Рубиным компетентно разъяснено, что «материально-технический процесс производства признается за явление социальное», следует признать, что т. Бессонов прав: Маркс действительно никогда не пользовался методом голого противопоставления социального — материальному.

¹ «Проблемы маркс. теории капитализма», с. 18.

² Иного мнения придерживается А. Леонтьев. «Материальное производство, трудовой процесс — это содержание, — пишет он, — а общественные отношения, трудовые отношения между людьми в обществе — это форма процесса. Отношение формы к содержанию в марксовской системе — это отношение временного переходящего типа явлений к явлениям относительно постоянного, относительно неизменного порядка в смысле качества. И действительно — трудовой процесс между обществом и природой есть процесс, с качественной стороны относительно неизменный, в то время как экономическая структура, общественная оболочка этого процесса есть величина переменная, испытывающая качественно перерож-

шения как содержательные формы, то нужно признать, что содержанием их является общественный процесс материального производства, производственные силы в действии и движении. И в качестве форм, имеющих материальное содержание, они и рассматриваются нами как материальные. Игнорируя материальное содержание производственных отношений, нельзя понять, в каком смысле и почему производственные отношения являются материальными¹.

«Материя должна быть оформлена. Форма должна материализоваться», говорил Ленин. Но где же у рубинцев «оформленная материя», если они рассматривают материальное производство даже в качестве содержания определенной общественной формы как технический процесс? Где у рубинцев «материализованная форма», если они рассматривают общественную форму вне оформляемой ею материи — материального производства? Здесь обнаруживается со всей очевидностью, неумение увязать форму общественных явлений с их содержанием, неумение пользоваться методом диалектики приводит Рубина к нематериалистической интерпретации Маркса. Непоследовательный диалектик не может быть и последовательным материалистом².

Тов. Борилину необходимо осознать ту нелепую роль, которую он, против своей воли, играет. Искренне стремясь «огнем энергичной марксистской критики» защищать баррикады марксизма, но не разобравшись толком, где противник, т. Б. Борилин оказался прикрытием для доподлинного ревизионизма, протаскивающего в марксизм метафизический и идеалистический метод неокантианцев.

Наше понимание вопроса и прямо и косвенно подтверждается следующими соображениями. Известно, что Ленин считал предметом политической экономии производственные отношения. «Ее (политической экономии — А. К.) предмет — это вовсе не производство материальных ценностей (т. е. не производство потребительных ценностей, не

дение по мере количественной эволюции материально-производственного процесса» («Сов. Эк.» 1926, с. 12, то же «Очерки переходной экономики», с. 19). (Курсив мой — А. К.). Итак, качественно меняющаяся форма при неизменном качественном содержании! Здесь форма не вырастает из содержания, а механически одевается на него (кем?). Содержание не определяется формой и не зависит от нее. И вот этот-то «философ» упрекает меня в том, что я по-кантовски, а не по-гегелевски понимаю соотношение формы и содержания (см. статью А. Леонтьева в «Большевике» № 9/10).

¹ Если Рубин и Борилин выхолащивают материальное содержание производственных отношений и идеалистически трактуют их как бессодержательные формы, то А. Леонтьев, наоборот, понимает производственные отношения в духе механистического материализма. «Система производственных отношений людей», пишет этот автор, «это прежде всего система функциональных связей элементов материального производственного процесса». («Сов. Эк.» 1926 г., с. 83). Еще раз спрашивается, что объединяет этих людей, кроме чувства вполне понятной симпатии к автору этих строк?

² Из всего сказанного читатель поймет детскую наивность рассуждений т. Б. Борилина о том, будто наше положение о недопустимости голого противопоставления социального — материальному исключает необходимость противопоставления производительных сил — производственным отношениям. Все эти рассуждения построены: 1) на представлении, что производительные силы не социальные, а производственные отношения не материальные; 2) на непонимании существенного различия между методом противопоставления двух сторон единства (внутри единства) и методом голого противопоставления (вне единства). Своими lamentациями о том, будто наша концепция исключает социалистическую революцию, кризисы и т. д., т. Б. Борилин лишний раз выдает свое нематериалистическое понимание производственных отношений и свою полную неспособность справиться с законом единства противоположностей, на котором спотыкается не только он, но и все метафизики.

производство как технический процесс — А. К.), как часто говорят (это предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» (т. II, с. 64). Маркс же считал предметом своего исследования материальное производство в его определенной общественной форме. «Предмет исследования это прежде всего материальное производство». «Буржуазное производство является фактически нашей темой» («Введение»). Если стать на точку зрения Рубина, отождествляющего материальное производство с «производством материальных ценностей», т. е. с производством как техническим процессом, между Лениным и Марксом существует непримиримое противоречие, причем прав Ленин вопреки Марксу¹. Если же стать на нашу точку зрения, никакого противоречия между Лениным и Марксом нет, ибо Ленин понимает производственные отношения как содержательные формы («будем смотреть на производство как на общественные отношения по производству» — говорит он; т. II, с. 64), а Маркс понимает материальное производство как общественно-оформленное производство.

II. О МЕНОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

«Ее (политической экономии) предмет вовсе не „производство материальных ценностей“, как часто говорят (это предмет технологии), а общественные отношения людей по производству» — писал Ленин. «Только понимая „производство“ в первом смысле, можно выделять от него особо „распределение“ и тогда в „отделе“ производства вместо категорий и исторически определенных форм общественного хозяйства фигурируют категории, относящиеся к процессу труда вообще: обыкновенно такие банальности служат лишь путем к затушевыванию исторических и социальных условий. Если же мы будем смотреть на производство, как на общественные отношения по производству, то и „распределение“ и „потребление“ потеряют всякое самостоятельное значение» (Ленин, т. II, с. 64).

Ту же мысль Маркс формулирует следующим образом: «Взгляд, согласно которому лишь отношения распределения рассматриваются как исторические данные... покоится на смешении и отождествлении общественного процесса производства с простым процессом труда, который должен был бы совершать и ненормально изолированный человек, очутившийся вне всякого содействия со стороны общества (т. е. техническим процессом труда.— А. К.).» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 413; курсив мой А. К.)

Мы уже видели, «в каком смысле» понимает производство Рубин. Он отождествляет производство с материально-техническим процессом. Неудивительно поэтому, что общественные производственные отношения нашли себе «жилплощадь» в его концепции вне материального производства, сосредоточились в некоей отдельной от производства сфере². Этой сферой является сфера обмена, сфера обращения.

¹ Не даром до сих пор мы не получили от Рубина ответа на неоднократные просьбы объяснить эти высказывания Маркса.

² Уже упоминавшийся нами А. Манукян между прочим пишет: «Не даром Кон в своих лекциях говорит: «Политическая экономия изучает производство, обмен и распределение». Здесь мы имеем дело с прямой клеветой и именно поэтому Манукяном не указано, где Кон говорит что-либо подобное. В действительности Кон в своих лекциях защищает прямо противоположную точку зрения. «Некоторые экономии-

«Никто из критиков», иронически замечает т. Б. Борилин, «по крайней мере не предложил иного пути «общения» между производителями (вероятно имеются в виду товаро-производители? — А. К.) как через обмен» (с. 12). В этой иронии откровенно сквозит, что Б. Борилин целиком и безоговорочно воспринял антимакистские положения своего учителя — Рубина. «Чем же создается эта связь (между товаро-производителями — А. К.)?» — вопрошает Рубин и тут же отвечает: «обменом, рынком, на котором товары каждого отдельного товаро-производителя выступают в обезличенном виде, как отдельные экземпляры данного рода товаров, независимо от того, кто, где и при каких условиях их произвел» («Очерки», 3-е изд., т. 15. Курсив мой. — А. К.) «Движение вещей... не только выражает производственное отношение людей, но и создает его» («Очерки», с. 19. Курсив мой. — А. К.). «Через обмен, через стоимость продуктов труда создается производственная связь между отдельными товаропроизводителями» (там же, с. 92). В то время как Маркс (как бы предвидя возможность вульгарных толкований в стиле Рубина) подчеркивал, что «1) не существует обмена без разделения труда, будь последнее результатом естественных или исторических условий; 2) частный обмен предполагает частное производство; 3) интенсивность обмена, его распространение так же, как и его форма, определяются развитием и расчленением производства» («Введение»), Рубин, а за ним и Борилин полагают, что связь между производителями создается обменом. В то время как Маркс подчеркивал значение разделения труда, которое само по себе связывает людей в единое целое, причем связь эта должна лишь реализоваться в той или другой форме, Рубин и Борилин считают, что связь между людьми создается «движением вещей» и что, следовательно, до момента выноса товара на рынок, до начала процесса обращения, связи между людьми не существует. В предшествующих изданиях своих «Очерков» Рубин с хохвальной откровенностью формулировал эту мысль. «Труд товаропроизводителей», писал он, «приобретает общественный характер не с самого начала, в самом процессе производства, но лишь *post factum* после его завершения, в акте рыночного обмена» («Очерки», 2-е изд., с. 96. Курсив мой. — А. К.) «Труд товаропроизводителя, который в непосредственном процессе производства является трудом

сты-исследователи, — говорится там, — начиная от Джона Стюарта Милля, делают всю систему политической экономии на три основные части: производство, распределение, обмен. Такое деление указывает на полное непонимание этими авторами задач политической экономии». «Политическая экономия занимается вовсе не «производством», а общественными отношениями людей по производству, общественным строем производства» — говорит Ленин. Этих же производственных отношений совершенно невозможно понять, разрезая их на подобные части. Производство есть основа общественных отношений, однако специфический объект политической экономии представляют собой производственные отношения, взятые в их совокупности. Производство, взятое вне производственных отношений, есть «производство вообще». В нем мы не найдем ни грамма социального, и поэтому оно совсем не может изучаться политической экономией. Если мы возьмем изолированно отношения производства, в узком смысле слова, то они могут изучаться наукой об организации труда и производства, но никак не могут самостоятельно служить объектом экономической науки. Точно так же бессмысленно изучать отношения распределения и обмена, изолированно друг от друга и от отношений производства, ибо основные причины этих отношений лежат в производстве и выявить их можно лишь в том случае, если изучать их в связи с производством и друг с другом («Лекции по методологии», с. 59).

частным, конкретным, сложным... и индивидуальным, благодаря акту рыночного обмена приобретает социальные свойства, характеризующие его как труд общественный, абстрактный, простой и общественно-необходимый» (с. 95. Курсив мой.— А. К.) Лишь после весьма энергичных боев (в которых, между прочим, Б. Борилин не принимал никакого участия, так что напрасно он теперь, задним числом, хочет изобразить дело так, что когда надо было, он, мол, сочувствовал критике Рубина) нам удалось заставить Рубина снять эти формулировки. Однако, почувствовав поддержку, Рубин за последнее время так «приободрился», что берет ныне все свои уступки обратно. «В моих выступлениях», пишет он теперь, «не было ни одного слова, под которым я не подписался бы и сейчас» («Проблемы экономики» № 3). Отсюда еще раз видно, какую нелепую роль выполняют во всей нашей дискуссии гг. Борилин, Леонтьев и иже с ними: благодаря их вмешательству начавший было отступать ревизионизм вновь подымает голову, благодаря их вмешательству «смелеют» представители меновой концепции, стремящиеся навязать нашей партии идеологию Реннера.

Однако и в третьем издании «Очерков», как видно из приведенных выше цитат, сфера обмена является той сферой, где создаются связи между товаропроизводителями. Само производство объявляется общественным лишь постольку, поскольку товаропроизводители апперцепируют будущий обмен, психологически предвосхищают его. «Наш товаропроизводитель производит продукты для продажи на рынок, и потому уже в процессе производства вынужден считаться с предполагаемыми условиями рынка, т. е. вынужден принимать во внимание трудовую деятельность других членов общества, поскольку она оказывает влияние на движение товаров». («Очерки», 2-е изд., с. 17. Курсив мой.— А. К.). Правда, Рубин для отвода глаз упоминает вскользь в 3-м издании, что товаропроизводители «материально связаны друг с другом вследствие общественного разделения труда», однако из этого упоминания он не делает никаких выводов в сторону пересмотра своих взглядов о том, что процесс производства является только техническим процессом и что общественные связи создаются в обмене. Отношения обмена объявляются Рубиным основными отношениями товарно-капиталистического общества. «Основное отношение товарного общества — пишет он — отношение товаро-владельцев» (с. 25). Более того: предметом теории стоимости объявляется процесс обмена и его связи с производством. «Исследование процесса обмена, его общественной формы и его связи с производством товарного общества составляет по существу предмет марксовой теории стоимости» («Очерки», 3-е изд., с. 95)¹.

¹ Любопытно сравнить это мнение Рубина с мнением известного австро-марксиста Реннера, который также полагал, что «Маркс в своем «Капитале» начинает свое исследование не с производства (как физиократы) и не с потребления (как школа Менгера), но с обращения товаров» и который не понимал, что товар есть одновременно выражение отношений и производства, и распределения, и обмена.

Здесь вполне уместно напомнить следующие слова А. Леонтьева: «Буржуазная наука для целей ниспровержения марксовой теории ценности предварительно ссылает ее в область чистого обмена, в царство случайных решений индивида». («Оч. перех. эк.», с. 266).

«Буржуазная экономическая наука обычно сводит задачу теории ценности к объяснению и истолкованию явлений, имеющих место в сфере обмена» (там же, с. 124). «На первый поверхностный взгляд закон ценности выступает как основной закон имен-

Отношения обмена оказываются вместе с тем основой, на которой вырастают классовые отношения. «Из числа производственных отношений людей», пишет Рубин, «Маркс выделяет особую группу, характеризующую современное товарно-капиталистическое хозяйство, а именно производственные отношения обмена между товаровладельцами (и вырастающие на этой почве «классовые» производственные отношения между капиталистами и рабочими, капиталистами и землевладельцами)» («Современные экономисты на Западе», с. 188-189, курсив мой.— А. К.). В этой цитате все «очень хорошо»: 1) в качестве отношений, характеризующих товарно-капиталистическое общество, на первом плане — отношения обмена; 2) классовые отношения, о которых Рубин между прочим счел возможным говорить лишь в скобках, вырастают на почве отношений обмена; 3) слово «классовые» заключено в снисходительные кавычки². Любопытно сравнить эту цитату с высказыванием Маркса на аналогичную тему: «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей, определяет отношения господства и подчинения, каковым оно вырастает непосредственно из самого производства и в свою очередь оказывает на последнее определяющее обратное действие. А на этом базируется вся структура экономического общества, вырастающая из самих отношений производства, и вместе с тем его специфическая экономическая структура. Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям — отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего — вот в чем мы всегда открываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»... («Капитал», т. III, с. 319—320. Курсив мой.— А. К.). В то время как у Рубина товарно-капиталистическое общество характеризуется в первую очередь (вне скобок) отношение обмена, Маркс открывает «сокровенную основу всего общественного строя» в классовых отношениях. В то время как у Рубина классовые отношения вырастают «на почве» отношений обмена, у Маркса они вырастают «непосредственно из самого производства». В то время как у Рубина вся экономическая структура «базируется» на отношениях обмена (которые объявляются основными), у Маркса «структура экономического общества, вырастающая непосредственно из отношений производства», базируется на экономической форме, «в которой неоплаченный прибавочный труд высасывается из непосредственных производителей». Что ни говорите, а в этих двух цитатах, «как солнце в ма-

но этой области обмена, в наиболее узком смысле слова, где посредником (между производством и потреблением) выступает случайное решение индивида. Дальше такого максимально-поверхностного представления о феномене ценности не идет вульгарная экономическая теория, начиная от первых своих представителей и копчая ваясовременнейшими направлениями — школой предельной полезности, психологическим направлением и т. д.» (там же, с. 127). Вот на сей раз мы с Леонтьевым вполне согласны.

¹ Положительно остается только позавидовать юношеской доверчивости Г. Деборина, который, приводя эту цитату из Рубина (см. статью «Предмет политической экономии в наших спорах» «Под знаменем марксизма» № 4), эпически замечает: «Все это совершенно правильно».

лой капле вод», отражаются две различные и противоположные концепции. Сопоставление рубинских писаний с подлинным текстом Маркса со всей резкостью подчеркивает, что концепция Рубина есть меновая концепция¹. Прежде чем бросаться в бой, т. Бориллину надо было ознакомиться с тем, что он защищает.

III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ МЕНОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Тов. Б. Борилин совершенно прав, что наши разногласия не являются «расхождением только в узкой сфере чисто-теоретических и сугубо-академических проблем политической экономии», что «в сферу предмета спора уже втянут ряд актуальнейших проблем современности и советского хозяйства». В самом деле нетрудно убедиться, какое громадное значение имеет меновая интерпретация Маркса как

¹ Справедливости ради следует отметить, что один из «апостолов рубизма» А. Леонтьев не разделяет мнения Рубина, что основными отношениями товарно-капиталистического общества являются отношения обмена, хотя в одном месте он и заявляет, что «для товаропроизводящего общества основной тип отношений—это отношения между хозяйственными ячейками» («Оч. политической экономии», с. 19). Однако, повидному, он представляет себе дело иначе: «Капиталистическая система хозяйственных отношений характеризуется двумя основными признаками,—пишет он,—это, во-первых, товарная форма производства или, что означает то же самое, меновая форма общественно-производственной связи, обуславливающая господство в обществе стихийных законов рынка. Этот признак является для капитализма общим с предшествующим капитализмом строем общественных отношений, с так называемым простым товарным хозяйством. Второй признак, напротив, отличает капитализм от предшествовавшей ему экономической формации. Этот признак заключается в наличии классовой эксплуатации. Притом речь идет здесь не о классовой эксплуатации вообще; как известно, в определенных формах классовая эксплуатация может существовать и в натурально-хозяйственных организациях. Характерная для капитализма форма классовой эксплуатации, это ценностная, валеристическая форма, находящая свое выражение в акте купли-продажи товара «рабочая сила». Леонтьев отмежевывается от Рубина и хорошо сделал Нельза, однако, признать собственное его предствление вполне удовлетворительным. Леонтьев не понимает, что классовая эксплуатация в капиталистическом обществе, носящая по собственному признанию Леонтьева, в алтернативную форму, включает в себя отношения обмена и что поэтому не нужно искать двух признаков капиталистического строя, а достаточно указать один—эксплоатацию наемного труда. Оторвав отношения обмена от отношений эксплуатации, Леонтьев далее пытается отгородить один от других Китайской стеной. «Не трудно заметить, продолжает он, что эти два основных признака лежат в двух важнейших плоскостях организации современного капиталистического хозяйства. Фигурально выражаясь—в горизонтальной и вертикальной плоскостях. В самом деле, рыночное регулирование хозяйства, рыночная связь существует в горизонтальном разрезе общества: это связь между отдельными хозяйствами, расположенными рядышком в обществе. Совершенно иной характер имеют отношения классовой эксплуатации; здесь дело идет о вертикальном разрезе общественного хозяйства здесь мы имеем дело с различными этажами, из которых высшие расположены над низшими, командуют ими, эксплуатируют их, высасывают из них питательные соки». («Сов. Экон.» 1926 г., с. 52. «Оч. перех. эк.», с. 44. Курсив мой—А. К.). Мы привели этот отрывок целиком для того, чтобы показать, что т. Леонтьев действительно призван бороться с механистическими тенденциями в марксизме. Что же касается «геометрического» понимания общества, то ему не следует придавать значения. В противном случае, что бы нам пришлось сказать о «диалектике» т. Леонтьева, прочитав в его книге, напр., такую фразу: «Развиваясь из центра марксова анализа (а этим центром, по мнению т. Леонтьева, является «центральный пункт теоретической экономии—определение ценности труда (!?) рабочим временем») (см. «Пробл. маркс. теор. кап.», с. 20) к периферии окружающей, на которой расположены эмпирические данные явления капитализма, это противоречие идет по радиусам, каждый из которых можно скорее представить в виде двух перекрещивающихся спиралей (III) к участку распределения, участку накопления и т. п. («Пробл. маркс. теор. кап.», с. 37. Курсив мой.—А. К.). Вот у кого надо учиться диалектике, вот кто посрамит злокозненных «механистов»!

для общей оценки нашей советской экономики, так и для решения основных вопросов социалистического строительства.

1) Выпячивание Рубиным отношений обмена в качестве основных отношений, характеризующих товарно-капиталистическое общество, заставляет усматривать отличия нашей экономики от капиталистической лишь в том, что в нашей экономике отношения обмена начинают оттесняться плановыми отношениями и полностью игнорировать иные (по сравнению с капиталистическим обществом) классовые отношения в нашей экономике. Между тем игнорирование классовых отношений не позволяет полностью отмежевать нашу экономику как переходную от капитализма к социализму от экономики монополистического капитализма¹. Вот почему мы говорили и будем говорить, что теория Рубина подводит базу под социал-демократическую оценку нашей экономики. С другой стороны, поскольку с критикуемой точки зрения и социализм характеризуется лишь отсутствием меновых отношений, та же переоценка роли обмена ведет к тому, чтобы процесс оттеснения отношений обмена плановым началом в нашей экономике непосредственно отождествлять с процессом отмирания капитализма, игнорируя классовые противоречия нашей экономики и усматривая таким образом «кругом социализм». Хрен редьки не слаще!² 2) Признание отношений обмена основными и подводит базу

¹ Мы должны разъяснить т. Б. Борилину, что «современные социал-демократы, воспевающие наступление эпохи организованного капитализма, без обмена, конкуренции, кризисов, не признают за советским хозяйством отличия от капитализма» в значительной мере потому, что они так же, как и Рубин, ищут отличительных признаков экономической формации, в самих по себе отношениях обмена, а не в классовых отношениях.

² Для иллюстрации той путаницы, которая существует в некоторых головах по вопросу о социализме, достаточно указать, что тот же т. Б. Борилин определяет «социализм с экономической точки зрения», как «общественную собственность в руках рабочего класса» (Сборник «Против механ. тенденций в политической экономии», с. 95, статья «К вопросу о теоретич. изучении советской экономики»). Позволятельно однако спросить, каким образом продолжает свое существование рабочий класс, если все средства производства обобществлены? Интересно было бы узнать также, какие еще классы существуют при социализме, по мнению Б. Борилина.

Авторы «Коммунистического Манифеста» придерживались по этому вопросу отличных от Б. Борилина мнений. «Если пролетариат в борьбе с буржуазией неизбежно объединяется в класс, при посредстве революции становится классом господствующим и как господствующий класс насильственно уничтожает старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он уничтожает условия существования классовой противоположности, уничтожает классы вообще и вместе с тем свое собственное господство как класса». («Маниф. ком. партии», 1919, с. 35).

Кстати, все правильные положения этой статьи Б. Борилина целиком позаимствованы автором из моей статьи в № 5 «Ком. революции» за 1928 г. Тем досаднее, что он испортил эту статью ошибками, подобными приведенной.

Почему это (правда, неудачное и искаженное) изложение моей статьи нашло себе место в сборнике, направленном против меня же, догадаться не трудно: целью было привести две цитаты из моей работы, доказывающие «отождествление» мною советской экономики с капиталистической. Полюбопытствуем же, как переданы эти цитаты: 1) «В нашем плановом хозяйстве», цитирует меня Борилин, «тоже существует цена. Эта цена так же, как и в обществе меновом, по существу является формой проявления регулирования общественных отношений. (У меня сказано — общественного производства. А. К.). Так же, как и там, она остается орудием этого процесса». Здесь Борилин обрывает цитату и ставит точку. Между тем далее говорится: «однако содержание цены радикально меняется. Теперь она является проявлением не стихийного, а полустихийного, полупланового регулятора. Она является орудием не только стихийного процесса регулирования, но, в значительной мере, и организованной воли государства. (О «Новой Экономике» — Преображенского, с. 29)

под социал-демократические и право-уклонистские иллюзии, что путем «социализации» товарооборота самой по себе можно построить социализм¹, что обобществление товарооборота делает возможным вращение в социализм и кулацких (и вообще капиталистических) элементов нашего хозяйства. 3) Признание отношений обмена основными отношениями ведет к игнорированию качественных различий между простым товарным и капиталистическим хозяйством. Оно не позволяет понять различий между капиталистическим и мелкотоварным сектором нашего хозяйства, а следовательно, закрывает двери к пониманию различной политики нашей по отношению к кулаку и середняку. Никогда нельзя упускать из виду, что простое товарное хозяйство, будучи предоставлено имманентным ему законам развития, неизбежно перерастает в капитализм, однако только отъявленный метафизик может на этом основании отрицать качественные различия между первым и вторым. Нужно сказать, что даже самая необходимость понять законы перерастания простого товарного хозяйства в капиталистическое требует качественного отлпчения одного от другого. 4) Непонимание Рубиным, что капиталистические «отношения господства и подчинения» «вырастают непосредственно из производства» (конечно, общественно-оформленного), и утверждение его, что классовые отношения вырастают на почве самих по себе отношений обмена, ведут к отрицанию необходимости индустриализации нашего хозяйства, к отрицанию необходимости производственной кооперации (коллективизации).

Из всего сказанного читатель может судить о последовательности т. Б. Борилина и некоторых других, которые, разделяя и защищая правильные политические установки партии, защищают вместе с тем теоретические позиции, ведущие к отрицанию этих правильных установок. Здесь мы имеем разительный пример того, как важно уметь не только отвлеченно бороться с правым уклоном «вообще», но и на деле, в жизни и замечать конкретных носителей правой идеологии. Тов. Б. Борилин и иже с ним этого делать не умеют. Вот почему они

2) «Обмен и у нас (а не только в капитализме.—*Б. Б.*) цитирует меня Б. Борилин,— является единственной формой связи... и ... поэтому овеществление общественных отношений не устраняется» (там же, с. 32.) Откроем 32-ю страницу указанной книги и мы узнаем, о чем здесь речь: «Обмен является единственной формой связи между отдельными частями нашей экономики»—говорится здесь. Положительно лавры Манукяна не дают спать Б. Борилину! В упоминавшейся уже моей статье «Заметки по методологии советской экономики» в «Ком. Рев.» № 5 за 1925 г., которая, как уже сказано, очень хорошо известна т. Борилину, говорится: «Наша экономика принципиально, существенно и глубоко отличается от экономики капиталистической и вообще меновой по характеру производственных отношений, образующих ее систему. Однако по своей форме наше хозяйство уподобляется меновой в том отношении, что здесь, как и там, основным методом связи между людьми является обмен. Правда, здесь в стихию обмена все в большей мере вклиниваются плановые начала. Плановые связи частично проявляются здесь не только через посредство обмена, но также и параллельно с меновыми связями (внутри государственного сектора), однако преобладающей формой проявления общественных отношений является и здесь вещественная форма их, и здесь имеет преобладающее место овеществление производственных отношений» (с. 21). Можно ли сделать отсюда вывод об отождествлении мною хотя бы только «внешней формы производственных отношений при капитализме и у нас», представляю судить читателю.

¹ Сравним все это с писаниями Реннера, который тоже отправляется от представления о «капиталистическом хозяйстве как процессе обращения товаров и капиталов» и который последовательно приходит к выводу, что единственной «точкой приложения социализирования является сфера обращения».

против собственной воли и сознания объективно оказались защитниками густо-правой идеологии. Б. Борилину не помогут крики о недопустимости «сведения» различий социально-экономических структур к различиям средств и способов производства¹. «Сводитъ» различия в производственных отношениях к различию в степени развития производительных сил, конечно, нельзя и проповедывать подобное «сведение» вряд ли кто-нибудь станет². Однако вместе с тем необходимо понимать,

¹ Курьезно, что в то время как Б. Борилин утверждает, что наша концепция не позволяет провести различий между нашей экономикой и капиталистической, ближайший «друг и соратник» т. Б. Борилина—т. А. Леонтьев в одновременно появившейся статье (см. «Большевик» № 9/10) пытается доказать, что нам свойственно отождествление нашей экономики с социализмом. Это тем более курьезно, что в остальном обе статьи написаны по одним и тем же тезисам. Впрочем последовательность А. Леонтьева простирается так далеко, что он одновременно обвиняет меня и в отождествлении нашей экономики с социализмом и в отождествлении ее с товарно-капиталистическим хозяйством. Последнее обвинение базируется на небольшом «сокращении» цитаты из моей рецензии. В то время как у меня сказано: «Вещная, т. е. товарная, форма проявления производственных отношений объемлет собою, как известно, целых три эпохи—простое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство, советское хозяйство». А. Леонтьев, приводя вначале эту цитату полностью, начинает ею манипулировать. В результате уже на следующей странице моя мысль передается следующими словами (в кавычках!): «...Товарная форма... объемлет собою, как известно, целых три эпохи—простое товарное хозяйство, капиталистическое хозяйство, советское хозяйство». Еще несколькими строками ниже приводится та же фраза тоже в кавычках, но уже без многоточия. Таким образом вместо мысли, что наши производственные отношения, глубоко отличные от капиталистических и вообще товарных, находят себе вещное проявление, с их дел мастер приписывает мне мысль, что наши производственные отношения являются товарными по существу. Сколь же больше успел бы А. Леонтьев, если бы он употребил столько же изобретательности и талантов не на перекладывание чужих цитат, а на теоретическую работу. Быть может в этом случае в его работах оказалось бы не только «кое-что из области теории», но и подлинная теория.

Для довершения курьеза следует привести следующие цитаты из работ самого А. Леонтьева:

1) «В современном советском хозяйстве народнохозяйственный интерес является принципом, который должен прокладывать себе дорогу через полную противоречий стихию товарно-рыночной формы хозяйства». («Сов. Эк.», 1926, с. 77).

2) «Постоянное подчеркивание того, что решительно никем не оспаривается (!), а именно, что современное советское хозяйство СССР является товарным хозяйством, напротив имеет весьма скромную познавательную ценность». («Оч. переходной экономики» с. 265).

3) «Специфической особенностью переходного хозяйства является ценностная форма прибавочного продукта, вытекающая из рыночного типа связей в хозяйстве». («Сов. Эк.» 1928 г., с. 45. Курсив всюду мой).

Количество подобных цитат, при желании, можно значительно умножить. Итак, если у меня (совершенно правильно) говорится о сохранении в нашем хозяйстве «вошной, т. е. товарной формы проявления производственных отношений», то Леонтьев (совершенно неправильно) утверждает, что наше хозяйство является товарным, говорит о сохранении в наших условиях «товарно-рыночной формы хозяйства», о «рыночном типе связей» в нашем хозяйстве и т. д.

Все это—с одной стороны, а с другой—утверждение, что формой нашего хозяйственного развития является социализм: «Социализм из абстрактного лозунга превратился в форму хозяйственного развития огромной страны» («Соц. строит. и его критики», с. 6).

Это отнюдь не уклон, это просто теоретическая путаница, или, переводя на леонтьевский язык, «кое-что из области теории».

² Конечно кроме А. Леонтьева. Этот сводит. «Принцип ценности—пишет сей теоретик—не может заключаться ни в чем ином кроме того момента, к изменению которого в конечном счете могут быть сведены все изменения общественного строя, т. е. в труде». (Проблемы маркс. теории кап., в. 17. Курсив мой.—А. К.).

что различия в производственных отношениях сложившихся экономических структур в конечном счете базируются на различии ступеней развития производительных сил. Это не значит, конечно, что производственные отношения всегда развиваются параллельно развитию производительных сил, что производственные отношения не могут отставать в своем развитии от производительных сил (без этого немислима революция) или забегать вперед по сравнению с производительными силами (что всегда бывает на заре социально-экономического строя) — никто из нас не станет, конечно, отрицать самостоятельного (в известных пределах) движения производственных отношений. Это значит только, что различия производственных отношений сложившихся экономических структур («экономических эпох») основывается на различиях средств и способов производства¹. Тот, кто этого не понимает, тот никогда не поймет, почему, «пока мы живем в мелко-крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма». Он не поймет также, почему, «чтобы подорвать его (капитализм — А. К.), есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства» (Ленин, собр. соч., т. XVII, с. 247-8), почему строительство социализма в нашей стране немислимо без индустриализации, без перенесения к нам новейшей западно-европейской и американской техники. Но как может понять это тот, кто рассматривает производственные отношения, как бессодержательные формы, кто считает основными отношениями капиталистического общества отношения обмена и полагает, что классовые отношения вырастают на почве обмена, а не на почве общественно-оформленного производства?

Если вы хотите, т. Б. Боролин, последовательно защищать концепцию Рубина, то вопросов советской экономики вы лучше не трогайте, ибо здесь вы всегда будете биты.

IV. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ²

Вспомним, однако, что дискуссия с Рубиным имеет не только политическое значение, и вернемся к теоретическим вопросам. Займемся вопросами теории стоимости.

«В вопросе об абстрактном труде, — пишет Б. Боролин, — современные физиологисты стоят на позиции самого вульгарного представления об абстрактном труде как простой затрате физиологической энергии (Дашковский, Кон и др.). Так А. Кон пишет буквально, что

¹ Рубицы отрицают даже это. Некий С. Дойч в своей статье «Как не следует защищать Маркса» (в сборнике «Против механистических тенденций в полит. экономике») отрицает это положение. Для того, чтобы доказать, что даже сложившиеся развернутые экономические структуры не отличаются друг от друга по своему производственному базису, он истолковывает выражение: «экономическая эпоха», как «эпоха материального производства» (с. 181—182).

² Кстати о термине «стоимость». А. Леонтьев, со свойственной этому автору манерой разделяться с большими вопросами, пишет: Русский термин «стоимость», чрезвычайно распространенный в нашей экономической литературе благодаря тому, что Богданов и Степанов им пользуются как в своих работах, так и особенности в своем переводе марксова «Капитала», представляет известное удобство замены марксова понимания этой категории богдановским ее истолкованием. В самом деле, в каждом, мол, обществе продукт стоит труда, отсюда — над исторический характер категории стоимости. Это обстоятельство может послужить лишь им аргументом в пользу перевода немецкого «Wert» русским словом «ценность». (Оч. перех. эк.).

абстрактный труд предстает перед нами «в качестве процесса целесообразной затраты физиологической энергии человека, и только», и далее следуют упреки в стремлении «свести» ту категорию абстрактного труда, с которой мы имеем дело в политической экономии, т. е. труда, создающего стоимости, «к элементарному факту физиологических трудовых затрат», упреки в неисторической трактовке абстрактного труда, в отрицании за абстрактным общественным трудом нового качества в отличие от физиологических трудовых затрат и т. д. и т. п. Что касается Дашковского, которого усиленно сватает мне т. Борилин, то я категорически отказываюсь от брака с ним. За его писания я так же не могу отвечать, как и он не может отвечать за меня, ибо взгляды наши принципиально и глубоко расходятся, и только одна услужливая «рассеянность» т. Борилина могла явиться причиной того, что мы с Дашковским попали в одни и те же скобки. За себя же я отвечаю. Я прошу читателя обратить внимание на то обстоятельство, что весь приведенный «обвинительный акт» т. Б. Борилина построен на одной выхваченной из контекста фразе. Насколько добросовестно выхвачена эта фраза, читатель убедится, если я приведу полностью цитированное место: «Всякий процесс труда может, однако, рассматриваться и с совершенно другой точки зрения — с точки зрения тех общих свойств, которые присущи всем видам труда. В этом случае отпадут специфические особенности всякого конкретного вида труда. Во всяком труде останется совокупность его общих с другими видами труда свойств. С этой точки зрения всякий труд предстанет перед нами в качестве процесса целесообразной затраты физиологической энергии человека, и только» («Курс», с. 19). Как видит читатель, здесь нет еще речи о труде, создающем стоимость, а говорится лишь о «труде вообще», который превращается в труд, создающий стоимость, лишь принимая определенную общественную форму. Тут же я привожу следующую цитату из Маркса: «Если отвлечься¹ от определенного характера производительной деятельности человека и, следовательно, от полез-

с. 135 — 136. Курсив мой. А. К.). Этот автор, очевидно, не подозревает, что термином «стоимость» пользовались не только Богданов и Степанов, но и... Ленин. Он, очевидно, не догадывается, что Ленин специально высказался по этому вопросу и притом отнюдь не в желательном для Леонтьева смысле. «Г. Струве, — писал Ленин, — упорно употребляет неправильную терминологию, говоря «ценность» вместо «стоимость», хотя неправильность эта давно была ему доказана». «Г. Струве сразу выдает неправильность своего субъективного настаивания на слове «ценность» в противоположность «объективной» «стоимости» (т. XII, ч. 2-я «Еще одно ниспровержение социализма». Курсив мой. — А. К.). Что же касается неисторического понимания категории стоимости, то оно проистекает, конечно, не из употребления того или другого термина, а из недооценки качественной стороны категории стоимости, в чем, как мы увидим ниже, повинен сам же Леонтьев.

¹ Кстати, может быть немногочисленные, но крикливые Ланде и Манукяны, обрушивающиеся на меня с обвинениями в субъективизме за слова «стоит лишь отвлечься», обратят хоть часть своего гнева против Маркса, употребляющего выражение «если отвлечься»? Рекомендуем этим товарищам ознакомиться с первой главой первого тома «Капитала», ибо время, когда можно было писать марксистские статьи, не прочитавши основных марксовских работ, безвозвратно прошло.

Что же касается субъективизма, то его следует искать не у меня, а все у того же Леонтьева. Впрочем у него и искать не нужно. «Так как тот же капиталист ждет равной прибыли на равный капитал, происходит по всем законам капиталистического коммунизма процесс раздела массы произведенной в обществе прибавочной ценности между индивидуальными капиталистами». (Пробл. маркс. теор. кап., с. 21). Бедный закон уравнивания прибыли! Что случилось бы с ним, ели бы «тот же капиталист», будучи исполнен жадности и наглости, стал бы ожидать не равной прибыли на равный капитал, а большей прибыли?

ного характера труда, то в нем останется лишь одно, что он является затратой человеческой рабочей силы. Как портняжество, так и ткачество, несмотря на качественное различие этих видов производительной деятельности, представляют производительную затрату человеческого мозга, мускулов, нервов и т. д. и в этом смысле являются одним и тем же человеческим трудом» («Капитал», т. I, с. 11. Курсив мой.— *К. А.*) Нетрудно видеть, что приведенные места из моего «Курса» и из «Капитала» совершенно тождественны по своему смыслу. Нетрудно видеть также, что при «умении» приведенную цитату Маркса можно передать так, что окажется, что Маркс тоже «сводит» труд, создающий стоимости к голой физиологической затрате, что он тоже игнорирует особое качество абстрактного труда как труда общественного, что он тоже считает труд, создающий стоимости, не исторической категорией. Что для этого требуется? Требуется только борилинские методы цитировать.

Например, можно было бы «построить» цитату так: «К. Маркс пишет буквально, что в абстрактном труде, т. е. труде, создающем стоимости, «остается лишь одно, что он является затратой человеческой рабочей силы». «Факт» «сведения» Марксом труда, создающего стоимости, к простой затрате физиологической энергии оказался бы «доказанным» по борилинскому методу на все 100%. Однако, что мы бы сказали о подобном «цитаторе»? Вряд ли мы ограничились бы констатированием у него «рассеянности», переходящей всякие пределы. Еще с большим успехом Б. Борилин мог бы «подогнать» Маркса под богдановца и механиста, взяв, например, такую цитату из Маркса: «Всякий труд есть, с одной стороны, затрата человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова (*im physiologischen Sinn*),— и в качестве такового одинакового или абстрактно человеческого труда образует стоимость товаров» («Капитал», т. I, с. 14). Ну право же эта цитата из Маркса дает больше поводов к обвинению в физиологизме, в игнорировании общественного качества труда, образующего стоимости, чем приведенное выше место из моего «Курса»! Не будем же поэтому слишком доверчивыми и не станем забывать о «рассеянности», столь свойственной т. Б. Борилину. Проверим, действительно ли я «отрицаю» общественную форму и историчность труда, создающего стоимость. Прежде всего укажем, что в моей книге имеется параграф, носящий заголовок «Общественный труд менового общества» и посвященный специально отнюдь не отрицанию, а характеристике специфической общественной формы абстрактного труда менового общества или, что то же — труда, создающего стоимость. В этом параграфе (с. 22-26) я более или менее детально останавливаюсь на разъяснении того, что в организованных обществах труд проявляет свою общественную природу непосредственно в форме полезного конкретного труда, что в меновых обществах, благодаря наличию частной собственности и раздробленности труда, труд, общественный по существу, в своей конкретной форме полезного труда выступает непосредственно в качестве частного труда и лишь скрыто (латентно) является общественным трудом, что он может проявить свой общественный характер, приобрести непосредственно общественную форму лишь в стоимости создаваемых им продуктов — товаров. «Наличие особой, свойственной только меновому обществу общественной формы труда приводит к тому, что труд, затраченный на производство продукта, запечатлевается в нем самом (т. е. продукте.— *А. К.*). Продукт превращается в товар, потребительная стоимость становится

носителем стоимости» («Курс», с. 25). «Эта специфическая общественная форма труда является причиной, которая порождает самый факт овеществления абстрактного труда в стоимости» (с. 26). «В стоимости одновременно отображается и тот факт, что на производство товара затрачен материальный труд, и тот факт, что этот труд совершался в определенной общественной форме. Вот почему стоимость, являясь овеществлением труда, тем самым становится и овеществлением производственных отношений меновой обществу» (с. 26). Я заканчиваю указанный параграф следующими словами: «Абстрактный труд в его специфической меновой общественной форме или, говоря иначе, труд, создающий стоимость, есть историческая категория, свойственная только меновому обществу» (с. 26).

Читатель разводит руками: Борилин утверждал, что Кон «сводит» труд, создающий стоимость, к простой затрате физиологической энергии,—оказывается Кон густо подчеркивает общественный характер труда, создающего стоимости, и даже посвящает этому вопросу специальный параграф. Борилин утверждал, что Кон отрицает качественные отличия труда, создающего стоимость, от простой физиологической затраты,—оказывается Кон подробно останавливается на выяснении той общественной формы, которая присуща труду, создающему стоимость, и которая превращает его в таковой. Борилин утверждал, что Кон не признает за трудом, создающим стоимость, исторической специфичности,—оказывается Кон всячески подчеркивает, что труд, создающий стоимость, есть историческая категория. Не будем, однако, слишком винить г. Б. Борилина: «погрешности» его информации объясняются, быть может, не злым умыслом, а просто тем, что рубинское «Цитат-бюро» дало ему лишь те выписки, которые нужны были для «проработки» Кона, и не дало тех, которые этой «проработке» мешали.

После приведенных цитат из моей книги читатель убедится в том, что Б. Борилин не имел никаких решительно оснований в какой бы то ни было мере сблизать меня с Н. Кажановым, не признающим исторической специфичности не только труда, создающего стоимости, но и самой стоимости, превращающим марксовы категории в вечные категории. Сблизение меня с Кажановым и объединение нас в одно «течение», одну «плеяду» порождено не тем, что сблизить можно, а тем, что сблизить Борилину и ужно. В самом деле, об'явив меня и Кажанова принадлежащими к одной и той же «группе», Б. Борилин получает «счастливую» возможность цитировать богдановца и механиста Кажанова, выступающего не только против меновой концепции, но против марксизма, а делать ответственным за эти взгляды меня и ряд других товарищей¹.

¹ Попутно не могу не обратить внимания на такой изящный прием Б. Борилина: цитируя Н. Кажанова, Б. Борилин дважды ссылается на журнал Экономической секции Комм. Академии «Проблемы Экономики», в то время как этот журнал никакого отношения к Н. Кажанову не имеет и статей Кажанова никогда не помещал на своих страницах. Копчово, мы не сомневаемся, что это не более как опечатка, однако «опечатка» эта сослужила Б. Борилину хорошую службу. Она, во-первых, создает видимость некоторой «близости» Н. Кажанова к Кону и Бессонову, так как Кон и Бессонов оба входят в редакцию «Проблем Экономики» и, во-вторых, она позволяет Б. Борилину сделать выпад против журнала, за который мы оба в некоторой мере ответственны.

Однако, как примирить приведенные выше цитаты из моего «Курса», подчеркивающие историческую специфичность труда, создающего стоимость,— абстрактного труда менового общества, с другими цитатами, вроде, например, следующих: «Не следует думать, что понятие абстрактного труда применено только к меновому обществу. Всюду, где возникает необходимость соизмерения различных видов труда, приходится прибегать к помощи понятия абстрактного труда» (с. 20).

«Абстрактный труд вообще есть категория, свойственная не только меновому обществу, но и всякому обществу с расчлененной системой разделения труда» (с. 26). Не вытекает ли из этих слов, что я считаю абстрактный труд менового общества, т. е. труд, создающий стоимости, неисторической категорией? Ни в коей мере. Из всего контекста книги ясно (и т. Б. Борилин не мог бы этого не заметить, если бы он пользовался самой книгой, а не выписками, «услужливо» доставленными ему), что я различаю две различные вещи — «абстрактный труд вообще» и «абстрактный труд менового общества», т. е. труд, создающий стоимости.

Я позволю себе привести здесь в полном виде цитату из Маркса, которой в исковерканном виде воспользовался и Б. Борилин. При этом я выделяю те места, которые Б. Борилин счел нужным пропустить, т. к., очевидно, не мог примирить их со своей узенькой концепцией. «Безразличье по отношению к какому-либо определенному виду труда предполагает весьма развитую совокупность действительных видов труда, из которых ни один не является более господствующим. Так, наиболее всеобъемлющие абстракции вообще возникают только в условиях богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многого или всего. Тогда они перестают представляться мышлению только в своей собственной форме. С другой стороны, эта абстракция труда вообще является впервые как результат конкретной совокупности трудовых процессов. Безразличное отношение к какому-нибудь определенному виду труда соответствует общественной форме, при которой индивиды с легкостью переходят от одного вида труда к другому и при которой какой-либо определенный труд является для них случайным, а потому безразличным. Здесь труд вообще не только в категории, но и в действительности стал средством создания богатства вообще и утратил свою связь с определенным индивидом. Такое состояние¹ достигло наибольшего развития в современной из форм бытия буржуазного общества,— в Соединенных Штатах. Здесь, таким образом, абстрактная категория «труда», «труда вообще», труда *salts phase*, этот исходный пункт современной экономической науки, становится впервые практической истиной. Следовательно простейшая абстракция, которую современная экономия ставит во главу угла и которая выражает древнейшее для всех обществен-

¹ В немецком тексте сказано: «Ein solcher Zustand», в русском переводе Е. Пашуканиса — «такое состояние»; почему т. Борилин «предпочитает» передавать это место по неправильному переводу словами такал «общественная форма» — не знаю. Вероятно, для «большой убедительности».

ных форм значимое отношение, становится в этой абстракции практически истинным только как категория современного общества» (Маркс «Введение»). Не трудно видеть, что в этом отрывке Маркс говорит об абстрактном труде в несколько разных, но отнюдь не противоречащих друг другу смыслах. Прежде всего абстрактный труд выступает, как общее в частном и единичном. Потому-то Маркс и ставит возникновение и развитие абстрактного труда в зависимость от возникновения и развития разделения труда, множественности различных конкретных видов труда, «развитой совокупности» действительных видов труда (это та самая мысль, обнаружив которую у меня, столь испугала т. Борилина). Однако в доменовых обществах такой «абстрактный труд» существует только как общее в частном и единичном, только в различных конкретных видах труда и не может быть обнаружен иначе, как путем мысленной абстракции. Это только «простейшая абстракция... которая выражает древнейшее для всех общественных форм значимое отношение», но не самостоятельная экономическая категория. Эта «простейшая абстракция» «становится практически истинным только как категория современного общества». В развитых меновых обществах, благодаря валицию частной собственности и раздробленности общественного труда, абстрактный труд хотя и продолжает существовать лишь как общее в частном и единичном, т. е. в конкретных видах труда, однако получает себе (в стоимости) самостоятельное проявление. Это самостоятельное (наряду с конкретным трудом) проявление абстрактного труда делает его «практической истиной». Будучи же обусловлено определенной исторически-специфической формой труда, оно превращает его в общественно-историческую категорию. Абстрактный труд выступает теперь уже не только в голове исследователя (в качестве мысленного идеального отражения того, что реально обще во всех конкретных видах труда), но и в реальной жизни в качестве исторически-специфической экономической категории. «Этот пример труда убедительно показывает, что даже самые простейшие категории, несмотря на то, что именно благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их» («Введение»). Однако и при превращении абстрактного труда в экономическую категорию материальным субстратом его остается то, что всегда есть общего во всех конкретных видах труда — материальная (физиологическая) затрата человеческой рабочей силы. Понятие «абстрактного труда вообще» как раз и нужно для того, чтобы подчеркнуть этот «материальный субстрат» абстрактного труда менового общества¹.

Б. Борилин откровенно признался в начале статьи, что для рубинцев не ясен вопрос о соотношении логического и исторического в системе Маркса. По тем «купурам», которые произвел Б. Борилин

¹ Между прочим нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что в качестве «современнейшей из форм бытия буржуазного общества» Маркс берет не Англию, которая была во времена Маркса основным центром, куда сходились все нити мирового рынка, а Соединенные Штаты. Несомненно, что этим Маркс хотел подчеркнуть тот процесс фактической инвентаризации различных конкретных видов труда, который особенно далеко продвинулся в технически передовой стране — Соединенных Штатах.

в приведенной выше цитате из Маркса, мы видим, что примирить одно с другим он действительно не умеет. Его мучит вопрос: если абстрактный труд — историческая категория, почему Маркс говорит, что «эта абстракция выражает древнейшее для всех общественных форм значимое отношение»? Разрешить этот вопрос Б. Борилин не способен, а потому он «предпочитает» совсем опустить соответствующие высказывания Маркса¹.

¹ Эта манера выбрасывать из приводимых цитат Маркса все, что «не подходит», свойственна не только Б. Борлину. Уже цитированный нами А. Манукян поступает точно так же: «Маркс говорил когда-то, пишст—ои, что труд.. в этой абстракции становится практически истинным только как категория современного общества». Мы видим, что и Манукян, как и Борилин, не поправились слова Маркса: «простейшая абстракция, которая выражает древнейшее, для всех общественных форм значимое отношение», ибо именно эти слова у Манукяна, как и у Борилина, заменены много-точием.

Точно так же не умеет «примирить» логическое с историческим т. А. Леонтьев. В своем «Начальном курсе полит. экон.» он дает классический образчик теоретического творчества, несомненно заслуживающий того, чтобы быть приведенным здесь целиком: «Труд, который создает товары, можно рассматривать с двух различных сторон. С одной стороны мы имеем перед собой определенный (или как говорят, конкретный) труд, создающий ту или иную потребительную стоимость. В этом смысле труд бесконечно разнообразен. Труд сапожника отличается от работы портного, труд булочника не похож на труд художника. При всяком устройстве человеческого хозяйства сохраняется труд в этом смысле, — труд, создающий вполне определенные вещи, служащий для удовлетворения наших разнообразных потребностей. Когда мы говорим о людях, мы можем иметь в виду прежде всего определенных людей: Иванова, Петрова, Сидорова и т. д. Один человек умен, другой ограничен (вот это верно, т. Леонтьев! — А. К.). один высокого, другой маленького роста. Здесь мы говорим об определенном, о конкретном человеке. Но можно говорить о человеке, не имея в виду какое-либо определенное лицо. Можно говорить об отвлеченном (об абстрактном) человеке, о котором нельзя уже будет сообщить, какого он роста и каков цвет его волос или глаз. Точно так же, когда мы говорим об абстрактном труде, мы отвлекаемся от всех его определенных особенностей, мы говорим вообще о труде человека в товарном хозяйстве. Верзила и карлик в одном отношении одинаковы: в том, что они оба люди. Точно так же труд часовщика и пирожника в товарном хозяйстве одинаков в том смысле, что и тот и другой являются трудом, создающим товар, создающим меновую ценность. Мы можем сравнивать карлика с великаном, поскольку оба они — люди. Точно так же мы можем сравнивать труд самых различных людей, поскольку мы имеем в виду именно эту отвлеченную, всеобщую сторону труда». (Изд. 4-е, с. 35). Мы видим, что т. Леонтьев «добывает» свое понятие абстрактного труда чисто логическим путем. Однако он знает, что абстрактный труд должен быть исторической категорией. И вот для того, чтобы придать ему «исторический характер», он берет не просто труд людей, но труд товаропроизводителей. Он не понимает, что все его рассуждения целиком применимы к труду во всяком хозяйстве, ибо он не включает в свое понятие абстрактного труда ничего специфического, свойственного только меновому обществу. Он не понимает, что абстрактный труд как историческую категорию можно познать, рассматривая его не как продукт мысленного отвлечения, а как явление реальной действительности менового общества. Насколько чуждо Леонтьеву именно такое представление об абстрактном труде, видно из следующих его слов: «С точки зрения теоретической системы марксизма, единственным регулятором общественного хозяйства на всех его ступенях при всех его экономических структурах является одна и та же субстанция, а именно человеческий общественный труд». («Оч. пол. эк.», с. 187). Однако, если Леонтьев полагает, что «человеческий общественный труд» в меновом и в организованном обществе есть одна и та же субстанция, и игнорирует качественные отличия общественного труда менового общества от общественного труда общества организованного, то чем его точка зрения качественно отличается от точки зрения Дашковского? Зачем он разводит разговоры об историчности абстрактного труда? Теперь мы понимаем, почему в своем «Нач. курсе» Леонтьев, излагая теорию стоимости, обходится совсем без помощи абстрактного труда, а «теорию» абстрактного труда (в изложенном выше виде) дает после

Надеюсь, читатель убедился, что если я говорю, что понятие «абстрактного труда вообще» приложимо ко всем общественным формациям, то здесь я только повторяю мысль Маркса и что это никак не ведет к отрицанию историчности труда, создающего стоимостности,— абстрактного труда менового общества, а тем более не ведет к признанию стоимости неисторической категорией².

Займемся же теперь той «теорией» абстрактного общественного труда, которую развивает В. Борилин в своей статье. В этой теории мы находим две ошибки и притом формально противоположные друг другу.

Первой ошибкой мы считаем утверждение В. Борилина, что «труд в его физиологической форме должен быть представлен как труд общественный, как часть совокупного общественного труда, должен приобрести в отличие от своей естественной природы, чисто общественную природу — природу абстрактного человеческого труда» (с. 10, курсив мой.— А. К.). В. Борилин не понимает, что физиологический характер труда никак не может и не должен рассматриваться нами, экономистами, в качестве формы труда. Труд «в физиологической форме» есть сугубо индивидуальный процесс. Под этим углом зрения могут рассматривать труд физиологи (без кавычек), а не экономисты. В. Борилин не понимает, что взять труд «в его физиологической форме» это значит исключить возможность перехода к какой бы то ни было общественной форме, ибо взять труд «в физиологической форме» значит рассматривать материальный труд не как общественный, а как естественный процесс. В том-то и заключается «секрет», уважаемый т. Борилин, чтобы рассматривать материальный (физиологический) труд не «в физиологической форме», а как процесс, субъектом которого является не индивид, а общество, как общественный процесс, протекающий в определенной общественной форме, эту форму предполагающий и порождающий. Из труда «в физиологической форме» вы никакой общественной формы не выведете, а ведь не кто иной, как вы сами, правильно проповедуете мысль, что отправные абстракции не должны быть категориями, «в которых не заключено ничего такого, из чего можно было бы вывести более сложную и кон-

изложения теории стоимости, в качестве «маленького добавления». Мы понимаем также, почему Леонтьев в этом произведении совершенно игнорирует вопрос о форме стоимости и вместо теории денег дает механическое описание их функций. Без понимания качественной стороны стоимости нельзя понять важности всех перечисленных проблем. Однако мы не понимаем, на каком основании Леонтьев поучает нас на страницах «Большевика» (№ 9—10), что под трудом, создающим стоимость, надо понимать историческую категорию. Кому, кому, а Леонтьеву поистине следовало бы об этом говорить поспокойнее.

¹ Мнение, что стоимость представляет собой неисторическую категорию, так же как и представление, что закон стоимости сохраняет свою силу в советском хозяйстве, напрасно приписывается нам В. Борилиным. Первую часть этого обвинения мы уже опровергли, что же касается второй его части, то по этому поводу я весьма подробно высказался еще в 1924 г. в диспуте с Мотылевым («Записки Свердловского Коммунистического университета», т. II), в 1926 г. в выступлении по докладу Преображенского («Вести. Ком. ак.» № 15), в 1927 г. в брошюре о «Новой экономике» Преображенского. Точно так же зря т. Борилин пытается «пришить» нам понимание закона трудовых затрат как «железного», «вечного» закона, диктующего «ненарушимые пропорции между разными отраслями производства в одинаковой степени для всех времен и народов». Дело в том, что именно я, а отнюдь не т. Борилин, подверг решительной критике такое понимание закона (см. «Проблемы экономики», № 1, А. Кон «О содержании понятия «равновесие производства»).

кретную „катеґорию”». Следуя методу Борилина, мы могли бы приписывать все, что говорится лицами, выступающими против нас,—Рубину. Однако мы не последуем этому методу, ибо для нас ясно, что отмеченная ошибка Б. Борилина проистекает отнюдь не из рубинизма, а просто из его (скажем мягко)... недостаточной осведомленности в методологических вопросах. Подобная неосведомленность, впрочем, никогда не считалась ни достоинством, ни заслугой и мы не понимаем поэтому, почему подобная поистине энергетическая и физиологическая ошибка дает Б. Борилину право становиться в позу ментора и поучать нас в области философских и методологических вопросов. В приведенной ошибке есть лишь одна общая с рубинизмом черта — неумение увязать социальное с материальным, неумение вывести социальную форму из материального содержания и рассматривать материальное содержание, как социально оформленную материю.

Вторая ошибка Б. Борилина носит уже сугубо рубинистский характер, но зиждется на том же неумении увязать социальное с материальным. «Никаким преступлением перед марксовым учением не будет»,—пишет Б. Борилин,—«если мы скажем, что труд становится абстрактным и общественным через уравнивание продуктов труда отдельных производителей на рынке. И это только в воображении «критиков» противоречит пониманию Маркса о примате производства над обменом и распределением. Ибо у Маркса речь идет о примате совокупного общественного производства над обменом и распределением, а не о примате индивидуального производства отдельного частного производителя¹ (с. 13). Здесь товарищ Борилин дает формулировки, положительно трогательные по своей наивности. Оказывается, что труд товаропроизводителей в производстве является индивидуальным и конкретным трудом, что труд этот становится абстрактным и общественным лишь на рынке. Однако позволительно задать т. Б. Борилину вопрос, который мы уже неоднократно задавали его учителю и ответа на который мы до сих пор не получили: стоимость, как известно, создается в производстве, предназначенном для обмена. В производстве труд товаропроизводителей, по утверждению Б. Борилина, является только индивидуальным и конкретным. Не сделает ли отсюда т. Б. Борилин вывод, что стоимость создается индивидуальным и конкретным трудом и лишь реализуется в обмене? Можно задать этот вопрос и по-иному: т. Борилин утверждает, что общественным труд становится в обмене, т. е. когда процесс живого труда уже закончен, когда мы имеем дело уже не с живым, а с овеществленным трудом. Известно, что стоимость создается общественным трудом товаропроизводителей. Не сделает ли т. Б. Борилин вывод, что стоимость создается 1) не живым трудом, а трудом овеществленным (т. е. стоимостью же), 2) что стоимости создаются в обмене?

В чем же дело? Дело в том, что т. Б. Борилин заблудился в трех соснах. В товарном хозяйстве действительно не существует непосредственно-общественного труда, ибо здесь нет организованного

¹ Ту же отброшенную уже самим Рубиным формулировку выдвигает и А. Леонтьев: «Товар—пишет он—это прежде всего продукт частного труда, который превращается в овеществление труда общественного лишь в момент своей реализации. («Очерки перех. ак.», с. 347). «Для каждого отдельного товаропроизводителя момент превращения его товара в деньги является моментом превращения его индивидуального частного труда в общественный труд» («Сов. ак.», 1928, с. 32.).

распределения труда. Поэтому мы не можем при исследовании менового общества исходить от непосредственно-общественного труда. Это значило бы игнорировать специфическую форму общественного труда в меновом обществе. Мы отправляемся от труда отдельных товаропроизводителей, отдельных индивидов — от частного труда. Однако, с другой стороны, было бы грубой ошибкой рассматривать частный труд товаропроизводителей, как только индивидуальный труд, «сводить» частный труд к индивидуальному. Было бы грубой ошибкой игнорировать, что такой «индивидуальный» труд обусловлен наличием отношений частной собственности, разделением и раздробленностью труда, определенными отношениями распределения и обмена. В этом случае мы взяли бы труд индивида не как процесс, протекающий в определенной общественной среде, но как индивидуальный (в подлинном смысле) процесс, как процесс естественный, мы взяли бы труд, выражаясь термином Борилина, в его «физиологической форме». Частный труд товаропроизводителя, будучи трудом частным, вместе с тем является трудом скрыто общественным. Самим своим существованием в качестве частного труда он предполагает существование частного труда других производителей. Самой своей односторонностью как труд не только частный, но и частичный, он предполагает существование других видов труда, которые его дополняют и завершают. Существование частного труда не только не исключает того, что частные производители работают друг на друга, но прямо наоборот предполагает это. Если бы люди не работали друг на друга, их труд не мог бы вообще иметь места, а тем более в качестве частного труда. Однако «раз люди так или иначе работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму» («Капитал», т. I, с. 40). Труд товаропроизводителя является одновременно и частным и скрыто-общественным трудом. Это — противоречивое единство, и грубую ошибку сделал бы каждый, кто захотел бы рассматривать труд индивидуального производителя либо в качестве только индивидуального труда, либо в качестве только труда общественного. Существование частного труда предполагает существование меновых связей между производителями, обмен труда при посредстве обмена продуктов. В продукте (товаре) запечатлевается (в виде стоимости) труд, затраченный на его производство. Потребительная стоимость становится носителем стоимости, продукт превращается в товар. Труд товаропроизводителя в качестве живого процесса является лишь скрыто-общественным. Однако его общественная сущность находит себе проявление и утверждение в стоимости товара. В процессе реализации созданных стоимостей обнаруживается, проявляется, но отнюдь не возникает, не создается общественный характер труда. В свете сказанного становится совершенно ясным, что цитата, приведенная Б. Борилиным из Маркса, целиком подтверждает нашу точку зрения и нещадно бьет рубинистскую меновую концепцию самого Б. Борилина.

«Общественное рабочее время—говорит Маркс — заключается в этих товарах, так сказать, в скрытой форме и обнаруживается (а не создается.— А. К.) только в процессе обмена». Мы узнаем таким образом, что «труд индивидов» был скрыто-общественным трудом уже до акта обмена и что в обмене он лишь обнаруживает свой общественный характер. «Мы не исходим из труда индивидуумов, как общественного труда (это значило бы игнорировать то

обстоятельство, что частный труд является лишь скрыто-общественным.— *А. К.*) но, наоборот, отправляемся от особенного индивидуального труда (в подлиннике — «от особенных трудов частных индивидов» — *von besondern Arbeiten von Privatindividuen*), который только в меновом процессе через уничтожение его первоначального характера (частного, но в то же время скрыто-общественного труда — *А. К.*) обнаруживается (а не становится — *А. К.*) как всеобщий общественный труд. Следовательно, всеобщий общественный труд есть не заранее данное условие, но результат, который только получается) (т. е. выражение труда товаропроизводителя как труда общественного не дано непосредственно, но лишь получается)¹.

У Б. Борилина в сфере обмена индивидуальный труд таинственным образом превращается в общественный труд, с которым сам он не имеет решительно ничего общего. У Маркса же в обмене происходит лишь преодоление общественным трудом его собственной формы частного труда. В первом случае — механическая замена одного явления другим, во втором — диалектическое разрешение противоречья между частной формой труда товаропроизводителя и его общественной сущностью.

Тов. Б. Борилин тоном разоблачителя вопрошает: «Пусть критики, выступающие за «производственную» концепцию против «менового» и «распределительской» концепции скажут открыто — берут ли они производство, господствующее над распределением и обменом, как производство, в котором включены в качестве моментов распределение и обмен... или они берут производство, как «пустую абстракцию», которую не устал бичевать Маркс» (с. 12). Вряд ли нам, после всего сказанного выше, потребуется много труда, чтобы ответить на этот «каверзный» вопрос. Взять производство как «пустую абстракцию» это значит рассматривать производство как технический, и только технический, процесс. Это значит стать как раз на ту точку зрения, против которой мы боремся. Мы рассматриваем материальное производство как общественный, а следовательно, и общественно-оформленный процесс и именно с этой точки зрения критикуем Рубина и Борилина. Мы не можем говорить о «примате индивидуального производства», хотя бы потому, что отрицаем существование «индивидуального производства» (в строгом смысле) и вообще, и в товарном обществе в частности. Мы не склонны, как «некоторые другие», смешивать частное производство с индивидуальным и считаем частное производство частью общественного, притом частью, определяемую целым и зависящей от целого. Насколько последовательно придерживается сам Б. Борилин этой точки зрения, мы только что уже видели¹.

¹ Между прочим эта цитата взята Б. Борилиным не из «Введения в критику», как это указывает Б. Борилин, а из «К критике политической экономии», не со с. 49, а со с. 27. Эта «рассеянность» т. Борилина, однако, не помешала мне найти соответствующее место, ибо место это общеизвестно. Рубинцам следует обратить самое серьезное внимание на постановку дела в их «цитат-бюро».

¹ Здесь будет уместно ознакомить читателя с теми представлениями об «оформленности» производства, которых придерживается «друг и соратник» т. Борилина, его так сказать, теоретический Сянчо-Палса. «Определенная форма производства обуславливает определенные формы потребления, распределения, обмена», пишет А. Леонтьев. «В частности, капиталистическая форма производства обуславливает соответствующие формы всех остальных моментов. Более того, капиталистическая форма производства обуславливает также определенные отношения этих моментов друг к другу. Эти определенные отношения между отдельными моментами заключаются в том, что капиталистические формы распределения и обмена выступают в качестве средних звеньев

Переходим к следующему по счету обвинению. «Вследствие отрицания обмена, как формы капиталистического производства (!), многие из «критиков» вынуждены стать на самую грубую механистически-арифметическую точку зрения в вопросе об общественно-необходимом труде. Сложнейшая проблема рыночной стоимости разрешается почти чисто арифметическим способом. Так, т. Кон дает волшебный рецепт для определения рыночной стоимости товара. Для определения рыночной стоимости штуки товара нужно взять, по Кону, общую сумму индивидуальных стоимостей товаров данной отрасли и разделить ее на общее число штук товаров. Трудовая стоимость, падающая на единицу продукта, и будет его «рыночной стоимостью» (Цитата не приводится и в виде «компенсации» указывается «Курс» с. 78 и др.!).

Прочтя это обвинение, я стал усиленно протирать глаза, настолько трудно было мне поверить, что то, что я читаю, действительно написано. Дело в том, что я в своей первой части «Курса» (а до сих пор имеется только первая часть) не только не предложил решения «сложнейшей проблемы рыночной стоимости», но и не ставил еще этой проблемы. Проблема рыночной стоимости по плану должна войти лишь в IV часть «Курса». Поэтому ни на 78 странице «Курса», ни на какой-либо другой читатель, к своему разочарованию, не найдет «волшебного рецепта для определения рыночной стоимости товара»: мы имеем, очевидно, дело с очередным проявлением «рассеянности» т. Б. Борилина. На с. 78 и др. (!) рассматривается не проблема рыночной стоимости, а вопрос о том, какой техникой определяется общественно-необходимый труд. Но может быть проблема общественно-необходимого труда аналогична проблеме рыночной стоимости и совпадает с ней? Вряд ли даже сам Б. Борилин решится утверждать что-либо подобное. Таким образом мы устанавливаем, что речь идет не об упрощенном разрешении мной проблемы рыночной стоимости, а об упрощенном, по мнению Б. Борилина, разрешении проблемы общественно-необходимого труда. Однако и тут любопытный «казус»: дело в том, что на указанных Б. Борилиным страницах я произвожу сопоставление различных «версий» теории общественно-необходимого труда с подлинными взглядами Маркса, причем взгляды Маркса передаются исключительно его собственными словами. Никаких собственных «рецептов» для нахождения общественно-необходимого времени, даже

между двумя полюсами — товарно-капиталистическим производством и свойственной этому производству формой потребления. Совершенно ясно, что с изменением общественной формы производства, как исходного пункта цепи, неизбежно меняется не только форма этих моментов, но и их взаимоотношение друг к другу». («Оч. перех. эк.», с. 126. Курсив мой.— А. К.) Уже на приведенных строках читатель убедится, что у Леонтьева форма производства существует отдельно от распределения и обмена, рядышком с ними, в качестве соседнего, исходного звена, но не в них самих. Дальше еще яснее: «Антагонистический характер товарно-капиталистической системы... вызывает необходимость существования особого простенка между производством и потреблением. Этим простенком служит рынок, в котором протекают процессы распределения и обмена» (там же, с. 128. Курсив мой; впрочем слово «простенок» подчеркнул и т. Леонтьев, придавая ему, видимо, особое значение). «Середина между производством и потреблением выступает в форме менового процесса» (там же, с. 127. Курсив Леонтьева). «Вторая половина моста между производством и потреблением в товарно-капиталистическом хозяйстве — его распределительная половина» (там же, с. 128. Курсив мой.— А. К.) Не правда ли, т. Борилин, первосортная диалектика?

никаких формулировок сам я не даю. Поэтому мне может инкриминироваться не какая-либо моя формулировка, но только формулировка, данная Марксом. Единственной причиной «грома и молнии» могла послужить только следующая формулировка, действительно приводимая в моей книге: в условиях равновесия общественного производства «рыночная стоимость каждого отдельного товара или каждой соответственной части всей массы товаров определяется здесь (предполагается случай, когда основная масса товаров произведена в отсталых предприятиях — А. К) всей стоимостью, получаемой в результате сложения отдельных стоимостей товаров, произведенных при самых разнообразных условиях, и той частью этой суммы, которая приходится на отдельные товары». Быть может, эта формулировка упрощена, быть может, здесь «проблема рыночной стоимости разрешается почти чисто арифметическим способом»... все допускаю¹. Однако Б. Борилин должен иметь в виду, что эта цитата принадлежит не мне, а Марксу (см. «Капитал», т. III, с. 162—163) и ответственность за нее должен также нести не я, а он. Читатель, таким образом, убеждается, кто в действительности выступает против Маркса.

У. НЕСКОЛЬКО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Мне остается остановиться еще на двух обвинениях Б. Борилина, тесно связанных между собою: 1) на «отрицании» мною «принципа имманентного движения» и 2) на «отрицании» мною законности «выведения одних категорий политической экономии из других». «Критики,— пишет Б. Борилин,— выступают против „самодвижения понятий“, но

¹ По вопросу о теории общественно-необходимого труда рубинцы, надо сказать, придерживаются чрезвычайно «своеобразной» тактики: и в своем «Ответе А. Кону», приложенному к 3-му изданию «Очерков», и в своих позднейших статьях Рубин кричит об «арифметической» теории Кона и как бы защищает свою прежнюю механистическую теорию «преобладающих» предприятий. В этом ему вторят его наивные последователи типа Б. Борилина. Между тем, под шум трескучих выкриков о «механистах» Рубин уже в 3-м издании «Очерков» переработал текст 16-й главы, трактующей об общественно-необходимом труде, в направлении полного отказа от своей точки зрения и перехода на мою. Прежде всего он делает здесь заявление, которого не было и не могло быть во втором издании, что «если мы сделаем упрощающее предположение, что для всей совокупности товаров данной отрасли производства рыночная стоимость совпадает с индивидуальной (хотя и расходится с индивидуальной стоимостью отдельных экземпляров), то рыночная стоимость товара будет равна сумме всех индивидуальных стоимостей товаров данной отрасли, деленной на число этих товаров (с. 195). Какой арифметический подход! Не правда ли, т. Борилин.

Применительно же к случаям, рассматриваемым вне «упрощающего предположения» Рубин делает следующие «исправления формулировок».

Текст 2-го издания (с. 127)

«По мнению Маркса, в нормальных условиях рыночная стоимость определяется индивидуальной стоимостью наибольшего количества товаров из числа всех, фигурирующих на рынке. Если большая часть всех товаров произведена в предприятиях с средней производительностью труда и лишь незначительная часть произведена в наилучших и наихудших условиях, то

Текст 3-го издания (с. 195)

«По мнению Маркса, в нормальных условиях рыночная стоимость приближается к индивидуальной стоимости преобладающей массы продуктов данной отрасли производства. Если большая часть товаров произведена в предприятиях с средней производительностью труда и лишь незначительная часть произведена в наилучших и наихудших условиях, то рыночная стоимость регули-

под флагом борьбы с „самодвижением понятий” они в большинстве случаев спорят против признания принципа имманентного движения, свойственного всем явлениям общественного порядка так же, как и природным». В подтверждение приводится указание на мою статью против Сарабьянова и Гоникмана (в № 5—6 «Под знаменем марксизма» за 1922 г.). Действительно, в этой моей статье мы находим подобное утверждение так же, как и ряд других неверных вещей. Однако я должен заметить к радости т. Б. Борилина, что в 1912 г. я писал еще более наивные вещи, а в 1902 г. совсем ничего не писал. Нужно же понять, что за истекший с 1922 г. период не только усложнилось и развилось понимание марксизма мною, но поднялся и общий уровень наших марксистских знаний. К тому же пока еще никто из рубинцев не предложил способа... рожать детей, прочитавших уже «Науку логики». Да и следует ли именно т. Борилину вспоминать, что было в 1922 году? Тов. Борилин не писал еще в этот период статей. Однако если Б. Борилин станет отрицать, что в том же 1922 году он стоял целиком и полностью на позиции Богданова в теории стоимости и защищал богдановские взгляды как единственно марксистские, то мы сумеем доказать это во всех инстанциях, куда ему угодно будет перенести этот вопрос.

Но т. Б. Борилин утверждает, будто мы не понимаем, «что все отношения капиталистического общества связаны между собой, переходят

рыночная стоимость регулируется предприятиями средней производительности. Это наиболее часто встречающийся случай. Если «часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину, как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью», т. е. произведенными в наилучших условиях, «то рыночная стоимость или общественная стоимость регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях» («Капитал», т. III, ч. 1, с. 158). Наконец, если на рынке преобладают товары, произведенные в наилучших условиях, то они будут определять рыночную стоимость. Иначе говоря, общественно-необходимым трудом может являться как труд средней производительности (это имеет место в большинстве случаев), так и труд высшей или низшей производительности».

регулируется предприятиями средней производительности, т. е. приближается в той или иной мере к индивидуальной стоимости произведенных ими продуктов. Это наиболее часто встречающийся случай. Если «часть общего количества, произведенная при худших условиях, составляет относительно крупную величину как по сравнению со средней массой товаров, так и по сравнению с другой крайностью», т. е. произведенными в наилучших условиях, «то рыночная стоимость или общественная стоимость регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях» («Капитал», т. III, ч. 1, с. 158), т. е. приближается к индивидуальной стоимости этих товаров (полностью совпадая с нею только в некоторых условиях, напр. в земледелии). Наконец, если на рынке преобладают товары, произведенные в наилучших условиях, то они будут оказывать решающее влияние на рыночную стоимость. Иначе говоря, общественно-необходимый труд может приближаться как к труду средней производительности (это имеет место в большинстве случаев), так и к труду высшей или низшей производительности».

Итак в результате спора оказалось, что общественно-необходимый труд не определяется затратами преобладающих предприятий, а приближается к ним, «в той или другой мере», полностью совпадая с ними лишь в некоторых условиях, что определяется он не затратами какой-либо одной группы предприятий, но затратами всех производителей. Но ведь это и есть моя точка зрения, противопоставляемая мною Рубину и называемая им грубо-арифметической. Рубин шло шумок капитулировал, а Борилин все еще воюет!

друг в друга, выводятся друг из друга, постоянно превращаются в свою противоположность»¹.

Читатель требует доказательств, читатель обращает внимание на то, что хотя бы в том же моем «Курсе» именно на основе связанности производственных отношений капитализма и перерастания категорий в свою противоположность построено все изложение.

Но зачем же быть столь педантичным и щепетильным, товарищ читатель? — Не люблю, не слушай!²...

«Исходные абстракции марксовой политической экономии», пишет т. Б. Борилин, «т. Кон представляет себе в виде таких „простейших категорий“, в которых не заключено ничего такого, из чего можно было бы вывести более сложную и конкретную категорию. Но такое представление о „простейших категориях“ не имеет ничего общего с марксовой диалектикой. Простейшая экономическая категория не может существовать иначе, как абстрактное одностороннее отношение уже данного конкретного и живого целого» (с. 17). Очень хорошо. Но вот откуда следующая цитата: аналитическим путем «мы получим абстракцию, являющуюся упрощенным односторонним отображением конкретного явления. Познав интересующее нас явление в этом упрощенном, „зародышевом“ виде, мы отправляемся в обратный путь — путь „мысленного воспроизведения конкретного“. В упрощенную одностороннюю схему интересующего нас явления мы последовательно включаем одно за другим все дополнительные определения, вытекающие из нашей абстракции и осложняющие ее в реальной жизни». Это выписка из моего «Курса» (с. 70). Но все же что-нибудь я, повидимому, «отрицал», ведь нет дыму без огня? Действительно, я отрицал правомерность таких «простейших» отправных абстракций, которые содержат в себе подлежащее «мысленному воспроизведению» конкретное явление не в «зародыше», а в развернутом виде. Я отрицал правомерность таких «простейших абстракций», которые не перерастают в более сложную категорию, а наоборот, вырастают из нее. Пользование такими простейшими абстракциями в качестве отправных неизбежно приводит к метанию в логическом кругу. Пример — метод Рубина, который «выводит» абстрактный труд из стоимости и денег, а стоимость и деньги... из абстрактного труда.

VI. ЗАЧЕМ ПОНАДОБИЛАСЬ БОГДАНОВЩИНА

Все доказательства Б. Борилина одно за другим рушатся при малейшей попытке их проверить. А между тем только эти «доказательства» служат Б. Борилину основанием для обвинения нас в богданов-

¹ Вот с тем, что отношения капиталистического общества «выводятся» (ксм?) друг из друга, а не вырастают одно из другого, мы действительно не согласны. «Выводятся» одна из другой не отношения, объективно существующие, а теоретические категории, отражающие процесс реальной действительности. Здесь мы вновь имеем пример проявления со стороны представителя рубинизма неприкрытого кантианства.

² Попутно не можем не обратить внимания на метод построения рубинских «Очерков», где категория цены производства «выводится» непосредственно из стоимости, минуя прибавочную стоимость, капитал и обращение капитала. О методе леопольдовского «Начального курса», автор которого «выводит» стоимость из собственной головы, минуя теорию труда, создающего стоимость, категории советской экономики (каждую в отдельности) — из «соответствующих» категорий капитализма, минуя теорию капитализма в целом и особенности нашей экономики в целом, мы уже и не говорим.

щине. «Рубинец» Б. Борилин, выступающий в защиту марксизма от... богдановщины, это действительно — зрелище для богов. Кто в советский период первым выступил против Богданова? Ваш покорный слуга¹. Почему и сам Рубин и его сторонники не участвовали в дискуссии с Богдановым и Степановым в Комм. академии?² Почему всю борьбу с богдановщиной на этой дискуссии пришлось вести нам, «антирубинцам»? Почему отповедь на выступление Богданова по докладу Преображенского дал «антирубинец» Вайсберг? Почему на вылазку Богданова и Ранионе отвечали «антирубинцы» Дукор и Абезгауз, а сам докладчик — Рубин — на эту вылазку по существу не ответил? Когда нужно было защищать марксизм от богдановщины, тогда рубинцы молчали. Когда же нужно защищать рубинщину от марксизма, рубинцы вспомнили про богдановщину и упрекают в богдановщине тех, кто вел борьбу с богдановщиной. Отсюда ясно, что не интересы борьбы с богдановщиной движут ими, не для того выступают они, чтобы ликвидировать богдановщину, а лишь для того, чтобы под флагом борьбы с богдановщиной проташить в марксизм рубинщину. Б. Борилин утверждает, что Богданов «одним из первых» выступил против Рубина. Это утверждение в корне неверно. Достаточно сказать, что я выступил против Рубина в 1923 г. (см. «Печать и революция» № 6), а Богданов в 1927 г. (см. И. Рубин «Абстр. труд и стоимость»), что я уже в 1923 г. выдвинул против Рубина основное обвинение — в выхолащивании марксизма, в идеалистической интерпретации Маркса. «Изображая „абстрактный труд“ в виде некоей нематериальной субстанции», писал я тогда, «проф. Рубин вырывает из-под теории стоимости ее основу, превращает революционную и революционизирующую теорию Маркса в невинное идеалистическое варево» (с. 141). В этой оценке концепции Рубина я и сейчас не могу ничего изменить.

Известно, что правые уклонисты обвиняют партию в троцкизме, а троцкисты — в правом уклоне. Точно так же Богданов обвинял нас в том, что теперь получило название «рубинщины», а рубинцы обвиняют нас в богдановщине. Рубинцы имеют ровно столько же оснований обвинять нас в том, что мы говорим «точь в точь» то же самое, что Богданов, сколько оснований правые имеют утверждать, что партия «точь в точь» повторяет Троцкого. Партия борется и против троцкизма и против правого оппортунизма. Однако главной опасностью в настоящее время является правая опасность. Мы боремся и против богдановщины и против рубинщины. Однако главной опасностью в настоящий момент считаем насквозь идеалистическую меновую концепцию Рубина, подгоняющую теоретическую базу под социал-демократическую оценку нашей экономики и подрывающую «с теоретического конца» политику индустриализации и борьбу с кулаком.

За сим прощайте, Б. Борилин!

¹ См. «Опыт программы политэкономии» М. 1923. Предисловие.

² См. «Вестник Комм. академии» № 11.

К КРИТИКЕ ОСНОВНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ РУБИНА

1. О ЧЕМ ИДЕТ СПОР?

Дискуссия, которая в последние два года велась вокруг рубинской теоретической позиции, отчетливо обнаружила в ней целый ряд таких серьезнейших ошибок, как ошибки по вопросам методологии теории стоимости, трактовки обмена и т. д. Рубин уже вынужден был после боя отступить от некоторых позиций, признать ряд ошибок и в 3-м издании «Очерков» внести кое-какие исправления. На основной концепции он, к сожалению, не исправил.

По какой «генеральной линии» развивается спор с Рубиным? Большинство экономистов-марксистов, занимающихся вопросами теоретической экономики, обвиняет Рубина в отходе от Маркса по основному методологическому вопросу — о соотношении между социальной формой капиталистического производства и его материальным содержанием, в выхолащивании марксизма, в устранении из марксизма его революционного ядра, в близости Рубина — поскольку речь идет об основных методологических вопросах, — к П. Струве, в скатывании к современному буржуазному «социально-органическому неокантианскому направлению в политической экономике (Штольцман, Амонн, Петри). Доказывается далее, что эти исходные методологические ошибки приводят Рубина к искажению марксовой теории стоимости и притом в центральном ее пункте — в учении об абстрактном труде. В ответ на это Рубин и его последователи в свою очередь обвиняют критиков Рубина в «смешении» формы и содержания экономических категорий, в сползании к кантианству, в «вульгаризации» и «ревизии» Маркса, в механическом понимании общественных явлений и т. д. и т. п. (см. «Большевик» № 3).

Взаимные обвинения, — что и говорить! — весьма серьезны. Чтобы основательнее разобраться в этой сильно затянувшейся «тяжбе», необходимо обратиться к «проверке документов».

Рубин и его сторонники хотят представить дело так, будто спорным является вопрос о предмете политической экономики. На все лады повторяют они давным-давно установленную в марксистской литературе истину о том, что этим предметом являются производственные отношения товарно-капиталистического общества. Всячески защищая и выпячивая это положение, они хотят произвести такое впечатление, будто их критики это положение отрицают.

Эта «дымовая завеса» нужна Рубину для того, чтобы скрыть за общепринятыми формулировками свою особую, отличную от марксовой позицию в одном из центральных вопросов, в вопросе о типе связи

между производственными отношениями, с одной стороны, и производительными силами — с другой. Производственные отношения выступают в трактовке Рубина как социальная форма, существующая отдельно от материального содержания. Защищаясь от упреков критики в подобном отрыве социального от материального, Рубин вынужден был в 3-м издании своих «Очерков» точно формулировать свое понимание взаимозависимости этих двух моментов, всячески выдвигая на этот раз наличие связи между ними. Но тут-то он полностью и оголил недиалектичность своей концепции, рассказав, как он эту связь понимает. Тем самым он помог делу своего собственного разоблачения.

**

В знаменитом «Предисловии» к «Критике политической экономии» Маркс, как известно, дал блестящую и исчерпывающую по своей ясности формулировку этой связи, указав в то же время, что обнаружение ее составляло «общий результат» его изучения политической экономии, «который,— писал Маркс — раз он был найден, служил мне руководящей нитью в дальнейших занятиях» (с. 38, разрядка наша — Э. Г.).

«В общественном отправлениях своей жизни,— писал Маркс,— люди вступают в определенные... производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил... На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции» («К критике», предисловие, с. 38; разрядка везде наша — Э. Г.).

Итак, отметим: 1) что Маркс считал важнейшим результатом своего изучения политической экономии и руководством в своей дальнейшей работе выясненное им соотношение между производственными отношениями и производительными силами и движение этого соотношения («противоречие»); 2) что Маркс рассматривал производственные отношения как форму развития производительных сил; и 3) что *last but not least* — перед ним маячила эпоха социальной революции.

Теперь посмотрим, что дает рубинское «углубление» Маркса.

«Политическая экономия — пишет Рубин — изучает не материально-техническую сторону капиталистического процесса производства, а его социальную форму» (разрядка автора), т. е. совокупность производственных отношений, образующую «экономическую структуру» капитализма. Техника производства или производительные силы входят в область исследования экономической теории Маркса только как предпосылка, как исходный пункт, который привлекается постольку, поскольку он необходим для объяснения подлинного предмета нашего изучения, а именно производственных отношений людей. Последовательно проведенное Марксом различие между материально-техническим процессом производства и его общественной формой дает нам в руки ключ для понимания всей его экономической системы» («Очерки», 3-е изд., с. 11; разрядка наша.— Э. Г.).

Авторы статьи в «Большевике», признавая это положение Рубина «основным» и «строго марксистским», со своей стороны заявляют,

что «политической экономии, выступающей в качестве специальной общественной науки, необходимо ограничить себя изучением лишь одной стороны капиталистического хозяйства, а именно, его социальной формы, совокупности производственных отношений людей, образующей «экономическую структуру» капитализма». («Большевик», 1929, № 3, Греблис, Коровай и Степанов. К спорным вопросам теории стоимости, с. 64; разрядка наша, — Э. Г.).

Совершенно ту же мысль повторяет и другой последователь Рубина — некий Гр. Деборин в «Под знаменем марксизма». «Исторический материализм — пишет этот «марксист» — интересуется только соотношениями между производственными отношениями и производительными силами. Связь между последними и является объектом его исследования. В противоположность этому политическая экономия изучает только производственные отношения» («П.З.М.» 1929, № 5, Гр. Деборин, Предмет политической экономии в современных спорах; разрядка наша — Э. Г.).

Итак отметим, что: 1) интересовавшую Маркса проблему соотношения между производственными отношениями, с одной стороны, и производительными силами (соответственно общественным процессам материального производства) Рубин попросту искажает, отождествляя социальную и материальную категорию производительных сил с техникой и объявляя процесс производства только техническим процессом; это именно обстоятельство и позволяет Рубину так легко разделаться с производительными силами, выкидывая их за борт политической экономии. 2) Там, где для Маркса стоит вопрос о соотношении между производственными отношениями и материальными производительными силами, Рубин требует изучения не материальной стороны процесса, а его социальной формы. 3) У Рубина исчезает процесс труда, т. е. процесс производства и воспроизводства в его материальном содержании, т. е. тот самый «обмен веществ между обществом и природой», который составляет основу всего общественного развития в целом¹. 4) Маркс рассматривает производственные отношения как формулу развития производительных сил; для Рубина же производительные силы суть предпосылка производственных отношений. 5) Маркс прослеживает противоречие в развитии обоих моментов с точки зрения их необходимого столкновения; к этому, т. е. к революции, и приводят «законы движения капиталистического общества». — А Рубин свою «предпосылку» привлекает лишь постольку, поскольку она необходима для объяснения самой формы, ибо, как на то согласились и ученики Рубина, политической экономии необходимо ограничить себя и изучением одной стороны капиталистического хозяйства. Поэтому для Маркса «ключом» является момент противоречия между производительными силами и производственными отношениями; для Рубина же — «последовательно проведенное» различие между ними в целях изучения формы.

Последнее Рубиным много раз подчеркивается. В «Ответе критикам», он отчетливо формулирует это положение: «Предметом нашего исследования признаются именно определенные производственные отношения людей как необходимая, исторически обусловленная

¹ Болез откровенный Гр. Деборин прямо заявляет, что «мы вынуждены абстра-

и закономерно развивающаяся форма производственного процесса» (см. «Очерки», с. 312).

Тем не менее как автор «Очерков», так и его последователи не только не устают утверждать, что приведенные положения Рубина являются «бесспорными» и «традиционно-марксистскими», но объявляют их «ценным вкладом в марксистскую литературу». Людей же, усматривающих в этих положениях методологические ошибки (идущие главным образом по линии отрыва формы и содержания), они объявляют «вульгаризаторами», «механистами», «кантианцами», «незнайками» и пр. и пр. (см. «Ответ критикам» и статью в «Большевике» № 3). Для выявления теоретической истины необходимо предварительное выяснение основных положений диалектического метода.

2. О ДИАЛЕКТИКЕ, ВЗАИМОДЕЙСТВИИ И ПРИЧИННОСТИ

Возражая против обвинения в отрыве формы от содержания, Рубин выставляет два доказательства: во-первых, признание им — поскольку речь идет о связи между этими категориями — причинной обусловленности; во-вторых, — признание «взаимодействия»: «Конечная цель нашей науки заключается в том, чтобы открыть тесную «причинную связь» между материальным процессом и его общественной формой» («Ответ критикам», см. «Очерки», с. 382). И в другом месте: «Политическая экономия имеет предметом своего изучения свойственные капиталистическому хозяйству производственные отношения людей в их взаимодействии с производительными силами» («Очерки», с. 10; разрядка наша. — Э. Г.).

Момент причинности и для последователей Рубина (выступают ли они устно или в печати) играет главнейшую роль в решении вопроса о соотношении между формой и содержанием; ими он выставляется, как основной козырь в их руках.

«Что означает отрыв социальной формы от материального процесса производства? Отказ рассматривать производительные силы как движущую причину развития производственных отношений. Производительные силы не то же самое, что производственные отношения людей, но первые причинно обуславливают последние» («Большевик» с. 66, разрядка наша — Э. Г.). Те же авторы, защищая Рубина от обвинения в «отрыве» пишут: «Быть может, он (Рубин — Э. Г.), проводя это различие, отрывает социальную форму от материального содержания, отказывается ставить их в причинно обусловленную связь?» (там же, с. 67).

И, наконец, что особенно интересно, — апологеты «рубинизма» отмежевываются от буржуазного «социального» направления только по этой линии: «Основной порок этих экономистов (Штольцмана, Петри и др. — Э. Г.) состоит в том, что они отказываются поставить в причинную связь социальные или, более непосредственно определяемые, экономические явления с материальным производством» (там же, с. 66; разрядка наша. — Э. Г.).

В своей наивности «маститые» марксисты даже не подозревают, что Петри, которого и Рубин и его сторонники признают неокантианцем, так же, как и сам Рубин, формально признает причинную зависимость производственных отношений от техники, что, конечно, несколько не мешает ему оставаться идеалистом. «Техника — пишет Петри, — остается последним определяющим фактором, с развитием которого связано раз-

витие общества и развитие общественных отношений производства, поскольку при этом речь идет о «необходимых, от воли людей независимых» производственных отношениях» (Петри, «Социальное содержание теории ценности Маркса», с. 34). Читатель видит, что по линии признания причинной связи между производственными отношениями и «техникой» от идеализма отмежеваться невозможно. Между тем, как мы видим по Рубину, сущность связи между формой и содержанием определяется и исчерпывается причинной обусловленностью формы ее содержанием.

Рубин, а за ним и его ученики часто оперируют именем Гегеля, критиков же они «без всяких» относят к Канту. Разберемся. Как, действительно, стоит вопрос о форме и содержании у Гегеля? Определяет ли Гегель связь между ними только как причинную зависимость формы от содержания?

Нет, Гегель как раз отвергает голую причинность как категорию, определяющую взаимоотношение между формой и содержанием: «...форма и материя определены, та и другая, не как положенные одна другою, не как основания одна другой» («Наука логики»¹, кн. 2, с. 51).

Гегель различает тройное отношение для анализа сущности и его определений: а) субстанциональное отношение, б) причинное отношение и в) взаимодействие. Наиболее богатым по своему содержанию, наиболее существенным он считает субстанциональное отношение. Субстанция определяется им. «как абсолютная мощь и вместе с тем как богатство всякого содержания» («Энциклопедия», ч. I, с. 252). В субстанциональности находит свое наиболее полное и наиболее существенное выражение соотношение формы и содержания как переход друг в друга: «Субстанциональность есть абсолютная деятельность формы и могущество необходимости, и всякое содержание есть лишь момент, который принадлежит только этому процессу, есть абсолютное превращение друг в друга формы и содержания» (там же, с. 253). Далее Гегель указывает, что «отношение субстанциональное переходит в отношение казуальности» (см. IX Ленинский сборник, с. 16, разрядка наша — Э. Г.). Поэтому понятно, что в своем определении соотношения между формой и содержанием Гегель выясняет именно основное субстанциональное отношение.

По Гегелю «материя есть собственная основа или субстрат формы» («Наука логики», кн. 2, с. 51), внутренне присущая (inwohnende) своей сущности: «...Нельзя... спрашивать, каким образом форма приводит к сущности, ибо первая есть лишь видимость последней в себе самой, присущая (inwohnende) ей собственная рефлексия» (там же, с. 50).

Ленин в своем опубликованном недавно конспекте книги Гегеля «Наука логики», выписывая последнюю цитату Гегеля, подчеркивает слово «присущая» латинским sic! и сопровождает ее следующим комментарием: «Форма существенна. Сущность формирована так или иначе в зависимости от сущности» (IX Ленинский Сборник, с. 135).

Следовательно, по Гегелю и Ленину, сама форма определяет, как таковая, сущностью. Нет формы вне сущности. Форма мыслима лишь как «существенная» форма.

¹ «Наука логики» цитируется нами по изданию профкома слушателей ИКП. М. 1929 г.

Совершенно очевидно, что по Гегелю соотношение содержания и его формы ни в каком случае не может быть исчерпывающе определено только как отношение причины к следствию. Это соотношение более сложного порядка, неизмеримо более тесное и подвижное. Гегель рассматривает форму как одно из определений содержания и, наоборот, содержание — как одно из определений формы: «Форма содержит внутри себя устойчивое существование, или материю как одно из своих определений» («Энциклопедия», с. 223) «...благодаря форме, содержание превращается в данность...» (там же, с. 55).

Диалектическая постановка вопроса требует понимания внутренней связанности обоих моментов, невозможности их самостоятельного существования, понимания их реального единства. «С одной стороны, материя, как таковая, не обладает самостоятельным существованием и, с другой — форма не привходит в материю извне, а, как целостность, носит принцип материи внутри самой себя... Обе они суть в себе одно и то же. Это их единство, будучи положено, есть вообще соотношение между формой и материей, которые, тем не менее, также и различны» (там же, с. 219).

Однако это есть единство не только в статике, но и в развитии: «То, что является деятельностью формы, есть далее в той же мере собственное движение материи... и то, и другое, действие формы и движение материи, есть одно и то же...» («Наука логики», кн. 2, с. 53; см. IX Ленинский сборник, с. 135).

Но быть может, такое «смешение формы и содержания» следует относить за счет идеализма Гегеля, который как раз-то и был отброшен Марксом?

Обратимся к самому Марксу. «Всякое производство, — читаем мы, — есть присвоение индивидуумом благ природы внутри определенной общественной формы и посредством ее («К критике», с. 13). Следовательно, материальное производство — содержание — мыслимо лишь внутри и определенной общественной формы, т. е. ею определяется и неразрывно с ней связано¹. То же и о единстве движения обоих моментов: «Еще большая несообразность предполагать... что капиталистический способ производства мог бы идти без капиталистического производства» («Теории», т. I, с. 363).

Итак, совершенно очевидно, что приведенное гегелевское толкование соотношения формы и содержания принято Марксом и Лениным и составляет неотъемлемую основу марксистской методологии.

Но, как мы видели, во всех определениях взаимоотношения формы и содержания не выпячивается ни вопрос о причинности, ни о взаимодействии, составляющих наоборот единственное определение их связи согласно рубинской методологии. Случайно ли это? Не вина ли здесь автора этих строк, «пристрастно» подобранный цитаты?

Мы, к счастью, избавлены от возможности подобных подозрений, ибо Гегель и согласившийся с ним по данному вопросу Ленин исчерпывающе осветили вопрос о причинности и взаимодействии и об их методологическом значении. Благодаря этому мы имеем возможность

¹ Отсюда между прочим видно, насколько не мирится с диалектикой рубинское понимание производства, рассматриваемого в качестве содержания определенной общественной формы, как технического, и только технического, процесса.

установить, что причинность и взаимодействие не только не случайно не выпячиваются у Гегеля, Маркса и Ленина при определении соотношения формы и содержания, но что они столь же неслучайно у Рубина составляют излюбленный и единственный мотив.

Гегель считает причинную связь недостаточной, неудовлетворительной, бессодержательной: «Так, например,— пишет он,— движущийся камень есть причина; его движение есть некоторое обладаемое им определение, вне которого он содержит в себе еще многие другие определения цвета, внешнего вида и т. д., которые не входят в состав его причинности». Ленин, комментируя этот пример, пишет: «Казуальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи» (IX Ленинский сборник, с. 163, разрядка наша — Э. Г.).

Гегель приписывает увлечение причинностью ограниченности обычного рассудка: «Насколько рассудок упорно не приемлет субстанциональности, настолько же ему, напротив, привычна причинность, т. е. отношение причины и действия. Когда дело идет о том, чтобы понять некоторое содержание как необходимое, то рассудочная рефлексия видит свою задачу в сведении этого содержания, главным образом, к причинному отношению» («Энциклопедия», с. 256).

А ведь с какой гордостью возвещают сторонники Рубина о причинности, как о громадном «завоевании» 3-го издания «Очерков»! Причинность-то, как мы видели, ведь и должна была служить якорем спасения рубинской концепции.

Не лучше обстоит дело и с взаимодействием. Гегель определяет его, как «причинное отношение, положенное в его полном развитии», и пишет далее, что «к этому-то отношению обыкновенно и прибегает рефлексия, когда она убеждается в неудовлетворительности рассмотрения вещей с точки зрения причинности вследствие вышеуказанного бесконечного прогресса» («Энциклопедия», с. 259). Но рассмотрение какого-либо содержания только с точки зрения взаимодействия Гегель считает бессодержательным, ибо «мы тогда имеем дело с сухим фактом, и требование опосредствования, которое является главным мотивом применения отношения причинности, снова остается неудовлетворенным» (там же).

В пояснение изложенных суждений о взаимодействии и причинности Гегель приводит следующий пример: «...Если мы, например, рассматриваем нравы спартанского народа как действие государственного устройства и, наоборот, их государственное устройство как действие нравов, то этот способ рассмотрения может быть и правилен, однако, ...мы не поняли ни государственного устройства, ни нравов этого народа» (там же, с. 260). Здесь Гегель, с необыкновенной ясностью подчеркивая неудовлетворительность ограниченно-причинного объяснения, противопоставляет ему основное требование диалектического метода — всестороннее рассмотрение, связь, опосредствование, протестуя против сухого, разорванного изучения отдельных сторон явления, — пусть и причинно обусловленных, — которое делает невозможным понимание ни одной из них.

Рубин, как известно, убедил своих сторонников в своей «верности» диалектическому методу, выдвигая в качестве «углубленно» марксистского именно тот метод, который здесь отвергает Гегель: «Конечная цель науки, — пишет Рубин, — заключается в том, чтобы

понять капиталистическое хозяйство как единство или известную систему производительных сил и производственных отношений людей. Но чтобы прийти к этой конечной цели, наука должна предварительно при помощи абстракции выделить в едином капиталистическом хозяйстве две различные его стороны: техническую и социально-экономическую, материально-технический процесс производства и его общественную форму, материальные производительные силы и общественные производственные отношения людей. Каждая из этих двух сторон единого процесса хозяйства делается предметом особой науки». («Очерки», с. 10; последняя разрядка наша — Э. Г.).

Гр. Деборин по обыкновению вторит Рубину: «Мы категорически утверждаем,— пишет он,— что всестороннее исследование и понимание связи между производительными силами и производственными отношениями может быть достигнуто только на основе их раздельного изучения и именно посредством такого изучения... Диалектическое исследование и производств. отношений равно как и противоположных сторон всякого противоречивого единства, подвергает их изолированному исследованию» (см. упомянутую статью в «Под знаменем марксизма»; разрядка наша — Э. Г.).

Читатель, вероятно, с удивлением констатирует, что Рубин идет гораздо дальше предположенного Гегелем случая: он не ограничивается раздельным изучением двух сторон предмета, он предлагает, окончательно разбив его, предать каждую из сторон в ведение особой науки. Правда, Рубин освещает это разделение именем подчеркнутой им «конечной цели». Не останавливаясь на вопросе о «конечной цели», чтобы не отклониться от основной нашей темы, отметим только, что вопреки Гегелю, утверждающему невозможность понимания ни причины, ни следствия при самостоятельном, разорванном анализе их, Рубин «от имени Гегеля» предлагает навеки разлучить следствие (социальную форму) с ее причиной (материальным производством), поместив каждое из них в особую отрасль науки; и 2) что — согласно Гегелю — ограничение изучения явлений в их причинной обусловленности и взаимодействии недостаточно для понимания их, и такое ограничение не удовлетворяет требованиям диалектического метода.

Но не является ли это положение идеалистической «отрыжкой» Гегеля?

Нет. И об этом свидетельствует Ленин, который в своем «Конспекте», выписывая целый ряд гегелевских положений, аналогичных приведенным, подчеркивает именно их диалектичность и выражает свою полную с ними солидарность. Так, в одном месте он отмечает: «Гегель подчеркивает недостаточность и пустоту голого понятия «взаимодействия» (IX Ленинский сборник, с. 167). В другом месте Ленин дает оценку гегелевскому пониманию причинности: «Гегель... в 1 000 раз глубже и богаче понимает казуальность, чем тьма «ученых» ныне» (там же, с. 163). И, наконец, ставит перед собою вопрос о том, почему собственно Гегель уделял столь мало внимания причинности? (Над ответом мы предлагаем серьезно подумать всем рубинцам). «Когда читаешь Гегеля о казуальности, то кажется на первый взгляд странным, почему он так сравнительно мало остановился на этой излюбленной кантианцами теме. Почему? Да поэтому, что для него казуальность есть лишь одно из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всестороннее охватил уже раньше во

всем своем изложении, всегда и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы, etc., etc.» (там же, с. 167).

Поистине — *be te fabula narrati!*

Оказывается, что решающий боевой козырь рубинцев, призванный бить «кантианцев» и «ревизионистов» — критиков «Очерков», — является не более и не менее как «излюбленной кантианцами темой», и, следовательно, козырем давным-давно битым.

Итак, трактовка связи между формой и содержанием как причинной обусловленности первого вторым или как отношения взаимодействия не только не является доказательством верности диалектическому методу, но, наоборот, вскрывая кантианские прорехи «Очерков», обнаруживает их разрыв с этим методом.

3. ОБ ЕДИНСТВЕ, ТОЖДЕСТВЕ И РАЗЛИЧИИ

Мы должны вернуться к вопросу о соотношении формы и содержания с точки зрения «отрыва» и «смешения» их.

Мы уже приводили выше основные положения Рубина, требующего «последовательно проведенного различия» между формой и содержанием и размещения их в особые, самостоятельные науки. Это требование проходит красной нитью по всей концепции Рубина, ибо оно составляет методологическую альфу и омегу этой концепции, тот методологический start, за которым Рубин, скинув материально-технический балласт, может уже «на законном основании» демонстрировать самые сногсшибательные рекордные движения «освободившейся» формы.

Именно для того, чтобы добраться до этого старта, Рубин так упорно убеждает нас в том, что «марксова экономическая теория изучает именно «различия форм» (социально-экономических форм, производственных отношений), которые, правда, вырастают на основе известных материально-технических условий, но не должны быть смешиваемы с ними», и что «в этом именно и заключается та совершенно новая методологическая постановка экономических проблем, которая составляет великую заслугу Маркса» («Очерки», с. 53).

Авторы статьи в «Большевике» горячо помогают Рубину, яро нападая на критиков, ставших на пути к означенному старту: «Не различать — провозглашают они — этих взаимодействующих, но противоположных сторон общественного производства, не подвергать их особому самостоятельному и отличному анализу — означало бы возврат назад от Маркса, вульгаризацию марксовой экономической теории» (см. указанную статью, с. 66; разрядка наша. — Э. Г.). Они далее ведут яростное наступление, «констатируя» «у критиков» смешение этих двух сторон общественного процесса производства, их расхождение с установившимися марксистскими взглядами» (там же, с. 66).

Всякому известно, что душу марксизма составляет его диалектический метод. Но этот метод требует прежде всего изучения предмета в единстве его различных сторон, в его всесторонней связи, в его внутренней противоречивости, которая является исходным пунктом его движения.

Ленин не переставал твердить о необходимости понимания явления как некоего единства в его универсальной, многообразной связи.

«В чем состоит диалектика? — резюмирует Ленин свои изыскания точных определений ее сути:

— Взаимозависимость понятий, в с е х без исключения.

— Переходы понятий из одного в другое, в с е х без исключения.

— Относительность противоположности между понятиями.

— Тождество противоположностей между понятиями» (IX Ленинский сборник, с. 229). Все четыре пункта содержат, по существу, одно и то же требование: не рубить «живого целого» на его отдельные части, не брать этих частей, как абсолютные противоположности, вне их общей связи.

Отыскивая самое важное в диалектике, давая множество определений ее и перечисляя ее основные элементы, Ленин обобщает: «Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики» (там же, с. 277).

Итак: единство противоположностей — вот краеугольный камень теории познания марксизма; последовательно проведенное различие формы и содержания — вот мудрость Рубина.

Конечно, единство вовсе не понимается ни Лениным, ни Гегелем метафизически, как абсолютное, наоборот, оно включает момент отличия: «В том и состоит абсолютное взаимоотношение формы и сущности, что последняя есть простое единство основания и обоснованного, и тем самым сама становится определенным или отрицательным и отличается, как основа, от формы, но таким образом сама вместе с тем становится основанием и моментом формы» («Наука логики», кн. 2, с. 49; разрядка наша — Э. Г.).

Для Гегеля определенность и есть в то же время отрицательность, то есть содержит в себе момент различия. И именно момент различия и создает определенность данного единства. Но если разобщить противоречащие моменты, если провести то «последовательное» различие формы от содержания, о котором говорит Рубин, то форма не будет иметь определенности, она предстанет как абсолютное тождество, не имеющее отрицания, то есть как нечто бессодержательное, как пустое слово. Поэтому диалектика требует понимания внутреннего различия, составляющего одно из определений и моментов связи, но вовсе не полного отделения, не разобщения противоположностей.

В понимании внутреннего противоречия явления и охвате его как единства Ленин видел залог понимания его: «Отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (особо для себя существующими). Лишь в их совокупности и в их отношении реализуется истина» (IX Ленинский сборник, с. 227). И, наоборот, «суть антидиалектики» он видел, согласно Гегелю, в том, что «(предмет) выступает перед сознанием без взаимного соприкосновения» (там же, с. 286).

На ту же мысль о внутренней связанности и неразрывности явлений в их противоречивости обращает Энгельс внимание Конрада Шмидта в своем письме к нему от 1/XI 1891 г.: «Главная часть («Малой логики» Гегеля. — Э. Г.). — это учение о сущности (die Lehre vom Wesen). Раскрытие отвлеченных противоречий во всей их несостоятельности, причем как только собираешься ухватиться крепко за одну

сторону (противоречия), так она незаметно превращается в другую... Я припоминаю, как меня вначале мучила как раз эта неотделимость тождества и разницы, хотя мы не можем и шагу ступить, чтобы не натолкнуться на это» (Письма», с. 294).

Неотделимость тождества и различия, которая «мучила» Энгельса, ни в какой степени не беспокоит Рубина, ибо он попросту выбросил это беспокойное начало, имя которому — противоречие. В самом деле, противоречие есть отношение, связь между двумя сторонами полярности, в данном случае между формой и содержанием. Но так как Рубина интересует лишь одна «сторона», так как только ее он оставляет в поле своего анализа, то и противоречие само по себе из этого поля исключается. Точно так же исключается и момент перехода, которому такие марксисты, как Ленин и Энгельс, придавали столь решающее значение. Ибо передача каждого из полюсов противоположности в особую самостоятельную область науки раз навсегда закрывает пути к изучению этого перехода.

Здесь обнаруживается механическое понимание Рубиным характера связи между формой и содержанием, о котором мы говорили выше. В то время как для Рубина содержание есть лишь «предпосылка» формы, которая привлекается «лишь постольку, поскольку» необходимо объяснить форму, диалектический метод считает момент перехода одного в другое одним из существеннейших определений взаимоотношения между формой и содержанием: «Содержание есть не что иное, как переход формы в содержание, и форма есть не что иное, как переход содержания в форму. Этот переход представляет собою одно из важнейших определений. Но он полагается впервые в абсолютном отношении» (Гегель, «Энциклопедия», с. 224).

По свидетельству автора статьи в «Большевике», выпячивание относительности различия, требование изучения предмета в единстве его противоположных сторон, подчеркивание момента перехода одной в другую, как важнейшего определения — представляется самым отчаянным расхождением с рубинской методологией. Но в таком случае им придется, — если они будут настаивать на ортодоксальности этой методологии, — констатировать наиболее разительное «расхождение с установившимися марксистскими взглядами» у самого Маркса:

«Капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства, процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а следовательно, и носителей этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, т. е. определенной общественно-экономической формы последних. Поэтому что совокупность этих отношений, в которых носители этого производства находятся к природе и друг к другу, — отношений, при которых они производят, эта совокупность как раз и есть общество, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры» («Капитал», т. III, ч. 2, с. 355—56, разрядка наша. — Э. Г.).

Да, сомнения нет: требуется «быстро и легко поправить» Маркса. Помилуйте! «Процесс производства есть «форма»; это ли не «смешение двух сторон общественного производства»? («Большевик», с. 66). Этот же материальный процесс «есть процесс воспроизводства... общественно-экономической формы», это ли не «выделение специального из материально-технического»? (Рубин). «Совокупность... отношений... производства... есть общество»; это ли не «вульгаризация марксовой экономической теории», не «механизм»? («Большевик», с. 66).

— В чем же дело? — спросит читатель. — Дело в некотором *qui pro quo*, ну, недоразумении, что ли. Суть его в том, что согласно диалектическому методу ядро диалектики состоит в единстве противоположностей, в единстве формы и содержания, в переходе одного в другое.

Рубин же убедил своих учеников в том, что «тот новый, социологический метод, который Маркс внес в политическую экономию, заключается в последовательно проведенном различии между производительными силами и производственными отношениями, материальным процессом производства и его общественной формой, процессом труда и процессом образования стоимости» («Очерки», с. 41; разрядка наша.—*Э. Г.*). Поэтому нет ничего удивительного в том, что при подходе к диалектическому методу Маркса с точки зрения рубинского «социологического метода» создается необходимость «поправлять» Маркса. Но вольно же было автору признавать это «углублением» Маркса!

Ленин, комментируя Гегеля, пишет:

«В старой логике перехода нет развития (понятий и мышления), нет «внутренней необходимой связи» всех частей и перехода одних в другие. И Гегель ставит два основных требования: 1) необходимость связи и 2) имманентное возникновение различий. (Очень важно!.. — подчеркивает Ленин. — Это вот что значит по-моему:

1. Необходима связь, объективная связь всех сторон, сил, тенденций етс. данной области явлений.

2. «Имманентное происхождение различий» — внутренне объективная логика эволюции и борьбы различий полярности)» (IX Ленинский сборник, с. 49).

Это подчеркнутое Лениным место снова и снова твердит о необходимости связи всех сторон, тенденций и т. д. и т. д. и выдвигает интереснейшее положение о понимании различия: Ленин подчеркивает имманентное происхождение различий внутри явления, эволюцию и борьбу различий полярности в нем самом, движение этих полярностей, как единое движение. В этом суть всей проблемы универсального движения и изменения, общая идея которого «угадана» Гегелем (1813), «провозглашена» Марксом в отношении к обществу (1847 г.) и «доказана» Дарвином в применении к человеку (1859 г.) (IX Ленинский сборник, с. 129).

Для Рубина же, требующего изолированного изучения производственных отношений, не остается места для «имманентного происхождения» различий, ибо различие проведено раз навсегда предварительно, второй полюс полярности заранее выведен за китайскую стену анализа. Как может в подобном случае быть прослежено внутреннее движение противоречия? Ведь противоречие есть отношение между двумя элементами; если же один из них выбросить, то можно изучать лишь собственное движение оставшегося эле-

мента, лишеного своей противоположности. Но здесь неизбежно разочарование, ибо «противоречие есть корень всякого движения и жизненности: лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью» (Гегель, см. IX Ленинский сборник, с. 124—125, разрядка Ленина),— а так как наше нечто, т. е. производственные отношения, изучается Рубиным изолированно от производительных сил, и следовательно противоречие между ними выпало из поля анализа, то и оказывается, что предмет анализа не движется, не обладает деятельностью. Оставалась лишь мертвая форма.

Гегель на протяжении целого ряда страниц «Науки логики» говорит о безжизненности явления, взятого вне связанной с ним неотделимо противоположности, о невозможности вывести его движение, ибо диалектика требует понимания движения как «самодвижения»: «Отвлеченное тождество с собою еще не есть жизненность, но так как положительное в себе самом есть отрицательность, то тем самым оно выходит из себя и приводит себя в движение. Таким образом нечто жизненно, лишь поскольку оно содержит в себе противоречие...» Ленин выделяет, подчеркивая и комментируя эти положения и пишет: «Движение и «самодвижение» (это NB! самопроизвольное, самостоятельное, спонтанное, внутренне-необходимое движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к «движению» и к «деятельности»— противоположность «мертвому бытию» — кто поверит, что это суть «гегелевщины», абстрактной и abstrusen (тяжелой, нелепой) гегелевщины?.. Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» (IX Ленинский сборник, с. 127—129).

Итак, та суть, которую открыли и спасли Маркс и Энгельс, именно и заключается в «самодвижении» (много раз и крупно подчеркнуто Лениным), в «импульсе к движению»— противоположность «мертвому бытию» (тоже сильно подчеркнуто Лениным).

Все это осталось за семью печатями для Рубина, увлекшегося фантастическим самодержавием формы.

Основная ошибка Рубина заключается не в том, что он видит различие форм и содержания (это различие необходимо не упускать из вида), но в том, что он не видит относительности этого различия. А между тем именно понимание последнего составило целую эпоху, и Энгельс недаром определил его как центральный пункт диалектического понимания, в отличие от метафизического: «Именно полярные противоположности, представившиеся непримиримыми,— резко определенные пограничные линии и отличительные признаки классов,— придавали современному теоретическому естествознанию его ограниченный метафизический характер. Признание того, что эти противоположности и различия, хотя и существуют в природе, но имеют только относительное значение, и что, напротив, это их воображаемая резкость и абсолютное значение только привнесены в природу нашей рефлексией,— признание этого составляет центральный пункт диалектического понимания природы» («Анти-Дюринг», предисловие, XIX).

Как известно, метод резкого разграничения не составлял особенности естествознания, но являлся общей характерной чертой кантианства. Критикуя это мировоззрение, Гегель писал: «Господствовавшее

до сих пор понятие о логике основывалось на... разделении содержания познания и его формы... Так как различие материи и формы... должно быть установлено определенное, то каждой из них отводится своя отдельная область» («Наука логики», введение, с. 2; разрядка наша — Г. Э.).

Разве не то же самое повторяет Рубин, который во имя «конечной цели» предлагает отвести свою отдельную область для социальной формы и для производственного процесса?

И разве это положение, которое и у Рубина и у его учеников — авторов статьи в «Большевике» — приводится как основное, программное, не обнаруживает себя снова в качестве зияющей кантианской прорехи?

Таким образом, мы, извиняясь перед читателем за значительное количество цитат¹, устанавливаем с полной несомненностью, что основная методологическая установка Рубина не согласуется и даже прямо противоречит требованиям диалектического материализма. Автор «Очерков» чрезвычайно ярко подчеркнул одну сторону дела, «форму» общественно-трудового процесса, ее специфичность, ее отличие от материального «содержания» этого процесса. Но он не учел относительности этого различия. Он проглядел и не понял связи между формой и содержанием. Разорвав эту связь, он превратил «форму» в особую «бессубстантную» форму, движение этой формы сделал самостоятельным, непонятно откуда возникающим. Изучение же этой формы в ее изолированности и ограниченности он сделал предметом политической экономии, куда «запрещен вход» вопросам движения материального процесса общественного производства. Такая односторонность анализа говорит несомненно о его недialeктичности.

Конечно, Марксу, этому гениальному критику классической политической экономии буржуазии, приходилось заострять вопрос подчеркиванием специфической общественно-исторической формы производственного процесса. Задача именно и заключалась в разоблачении «естественных» категорий буржуазной науки, в подчеркивании проблемы специфичности и исторической ограниченности буржуазной формы производства. Но даже и перед лицом этой критической задачи Маркс никогда не упрощал вопроса. У него речь идет не просто об анализе изолированной «формы», а об анализе процесса воспроизводства в его исторической форме, т. е. об анализе этого целого, где форма неотделима от содержания, ибо содержание составляет ее существеннейшее определение.

Но можно ли согласиться сводить «прегрешения» Рубина к «некоторой» односторонности, упрощению «ради заострения» вопроса, к отдельным ошибочным формулировкам и частностям, — легко к тому же исправимым? Именно так хотя и представить дело сторонники Рубина².

Ближайшее ознакомление с «Очерками» с несомненной ясностью вскрывает, что вера в исправимость ошибок Рубина может являться

¹ Мы считали целесообразным в своем изложении ссылаться каждый раз на великих учителей, неоспоримый авторитет которых, быть может, удержит авторов критической статьи в «Большевике» и им подобных в их порыве «легко и быстро поправлять...».

² Кстати говоря, в среди них можно найти очень мало людей, полностью с ним согласных. Так, даже и авторы статьи в «Большевике» признают, что в 3-м издании «Очерков» Рубин «коренным образом исправил точку зрения на «содержание» стоимости... исправил ряд неудачных формулировок «о соотношении между производством и обменом» и т. д. (с. 74).

плодом лишь большой и некритической доверчивости товарищей. Рубиновским «Очеркам» — особенно первым их изданиям — нельзя отказать в признании их внутренней связанности, согласованности и целостности концепций. Внесение отдельных поправок, штришков в единое здание рубиновской концепции не может исправить основного ее греха — недиалектической односторонности. В будущем мы еще постараемся показать, как этот методологический «первородный грех» наложил свою несмыслаемую печать на трактовку Рубиным основных категорий политической экономии.

В заключение мы должны целиком и полностью присоединиться к очень серьезной мысли трех авторов статьи в «Большевике» о том, что «ревизия Маркса может идти, вообще говоря, самым причудливым образом» (с. 75). В развитие этой мысли мы хотели бы привести замечательнейшее по глубине и богатству содержания рассуждение Ленина об идеализме:

«О точки зрения диалектического материализма, философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное *überschwengliches* (Dietzgen) развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека» («К вопросу о диалектике», собр. соч., т. XIII, 2-е изд., с. 304).

Здесь Ленин с поразительной тонкостью вскрывает едва уловимые тропиночки на сложном пути человеческого познания, где одностороннее раздувание одной из сторон познания может привести в болото идеализма.

Задачей настоящей статьи как раз и является — показать, что рубиновский «оттенок мысли» грозит превратиться в тропиночку, ведущую к идеализму.

И. Г. МАРКОВ.—Ж. Б. СЭЙ.

(ЕГО ЖИЗНЬ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УЧЕНИЕ). С предисловием В. Познякава. Серия «Жизнь замечательных людей». Изд. «Московский рабочий». 1929 г., с. 189, ц. 75 коп.

По страшной проиши судьбы Ж. Б. Сэй, которого Маркс агтестовал — «поверхностный Сэй» и «плоский Сэй» и т. п. эпитетами, которому дал шутовское прозвище «принца науки», попал в число замечательных людей. Действительно Сэй был в своем роде замечателен, но не тем, что он сумел дать глубоко проникающий во внутренний механизм данной общественной системы анализ, не тем, что он показал физиологию этого способа производства, а тем, что он систематизировал обыденные поверхностные представления агентов этого способа производства и изобразил их в виде последних достижений науки, тем, что он воспел предпринимателя и затушеввал противоречия его интересов интересам рабочего, а потому в среде молодого господствующего класса приобрел славу перовклассного мыслителя.

Если представители классической политической экономии Смит и Рикардо пытались «свести путем анализа различные, чуждые друг другу формы богатства к их внутреннему единству и снять с них форму, в которой они равнодушно стоят друг возле друга» ¹, то вульгарная экономия и Ж. Б. Сэй не различают явления от сущности, считают их тождественными друг другу. Отсюда их пренебрежение к «абстрактным» теоретическим рассуждениям. Вульгарная экономия выросла из классической экономии на определенной ступени ее развития, именно тогда, когда она «своим анализом расшатала, разрушила свои собственные предпосылки». «Лишь тогда, когда политическая экономия достигает значительного развития — следовательно, после А. Смита — и когда она выработала себе определенные формы, от нее отделяется тот элемент, который представляет только воспроизводство явления как представление о нем, — ее вульгарный элемент как особый вид экономии. Так. у Сэя выделение вульгарных представлений продолжается как особая кристаллизация их» ², пишет Маркс в «Теориях прибавочной ценности».

Сэй стоит на первом этапе развития вульгарной экономии, он живет и действует в то время, когда внутренние противоречия капиталистического способа производства еще не обнажились с той остротой, как это имело место в дальнейшем. Он еще более или менее участвует в разработке некоторых вопросов политической экономии, продолжает и доводит до абсурда ту сторону, которая имелась уже в учении Смита, — простое описание явлений в том виде, в каком они выступают как формы сущности. Но у Смита была и другая сторона. Не ставя теоретически вопроса о соотношении сущности и явления, он практически отличал одно от другого, стремясь видимое многообразие явлений свести к их внутреннему единству. Эта сторона продолжалась у Рикардо и отсутствовала у Сэя. Произошло как бы раздвоение единого, обе части которого получили самостоятельное движение.

¹ Маркс, «Теории», т. III, с. 338.

² Там же, с. 359.

Несмотря на большую известность Сэя и у нас и за границей, по справедливому замечанию автора предисловия к рецензируемой книге т. В. Познякава, «действительный Сэй, т. е. его действительные теории, остаются в общем очень и очень мало известными». И это обстоятельство наряду с вышеуказанными хоть до некоторой степени оправдывает появление особой книги о «великолепном Сэе». Совершенно правильно, в соответствии с общими принципами диалектического материализма, т. Марков начинает свою книгу с выяснения тех социально-экономических и идеологических условий, на почве которых выросло учение Сэя. Он указывает на то, что «экономические теории Сэя всеми своими корнями уходят в экономическую и классовую борьбу Франции конца XVIII века и первой четверти XIX века», что «его теория о трех факторах производства и о равновесии между производством и потреблением, его утверждение о невозможности кризисов, его теория стоимости и другие его теории самым тесным образом связаны с общим экономическим состоянием тогдашней Франции». Если классическая экономия родилась в высокоразвитой капиталистической стране Англии, — то «классической страной зарождения и развития вульгарной политической экономии могла явиться лишь мелкобуржуазная и экономически отсталая Франция». «Сэй со всеми его премудростями является родным детищем начала капиталистического развития Франции». Он одновременно был и экономистом-теоретиком и практиком в качестве фабриканта из Оши, и по мнению автора, «без увязки экономики Франции и данных из его биографии с его теоретическими выводами многое в экономической системе Сэя осталось бы непонятным и неясным».

Исходя из этого, и свою книгу автор разделяет на четыре главы, в первой из которых излагается экономическое положение Франции конца XVIII века и начала XIX в., во второй — биография Сэя, в третьей — основные принципы его экономического учения и в четвертой дается критика этих основных принципов.

Следуя этому плану, автор излагает общезвестные данные об экономическом состоянии Франции до и после революции, рисует распадение третьего сословия и оформление рабочего класса, превращение его из класса «в себе», в класс «для себя» и характер первых этапов его борьбы с буржуазией. На нескольких страницах дается очерк экономической политики Наполеона и подчеркивается социальный смысл всех его мероприятий, направленных всецело в интересах нарождающейся промышленной буржуазии и очень часто противоречащих интересам буржуазии торговой.

Жизнь Сэя, родившегося в 1767 г., протекала таким образом в чрезвычайно разнобразной обстановке. Сын торговца, получивший в Англии законченное коммерческое образование, хорошо знакомый с этой стороной классического капитализма, Сэй был тесно связан с интересами торгово-промышленной части третьего сословия и собственной грудью защищал завоевания революции. Но с резким протекционизмом Наполеона он не был согласен, считая правильными идеи Смита о преимуществах свободной торговли. Принужденный покинуть государственную службу, он занялся хлопчатобумажным производством. И именно после восьмилетнего опыта в качестве фабриканта из Оши, по мнению автора, он «становится горячим защитником предпринимателя и предпринимательства». Предприниматель, т. е. «лицо, которое борется на свой счет и риск и берется в свою пользу произвести какой-нибудь продукт», становится у Сэя центральной фигурой хозяйственного и промышленного прогресса, без которого в дальнейшем в своих трудах он даже не мыслит себе возможности хозяйственного развития страны.

Своими скользкими по поверхности теоретическими рассуждениями Сэй очень сильно привлекал широкую публику, взгляды которой он систематизировал. Он приобрел большую известность за пределами Франции. Был членом Российской Академии наук, Академии наук в Швейцарии, состоял членом Лондонского клуба политической экономии и т. п.

На этом фоне автор излагает экономическое учение Сэя и дает его критику. Сэй был не только популяризатором учения Смита. Он «не только излагает и поясняет экономические принципы, установленные в политической экономии Смитом, но развивает их, часто извращая или изменяя их по своему усмотрению». В полном согласии со Смитом Сэй считает предметом политической экономии богатство и устанавливает усвоенное впоследствии буржуазной экономией разделение этой науки на три отдела: производство, распределение и потребление. Богатство производится с помощью промышленности, земледелия и торговли. Без наличия трех факторов производства или производительных фондов и их производительных услуг ничто не может быть создано. «Использование каждого из перечисленных факторов оказывает предпринимателю производительную услугу». Производительные услуги всех трех факторов производства — труда, природы и капитала — совершенно равны между собою. Полезное действие каждого из них Сэй называет трудом. Каждый собственник, имеющий у себя один или все эти факторы производства, за оказываемые этими факторами производительные услуги должен получать вознаграждение. «И у Сэя получается, что рабочий за свои производительные услуги производству продуктов получает вознаграждение в форме заработной платы; владелец денег, машин, зданий и различных других предметов, отдаваемых в ссуду, получает вознаграждение в виде процента, а собственник зомли или других богатств получает ренту». Сумма всех этих доходов есть ценность. Вот смысл триединой формулы Сэя. Таким образом источником ценности выступают и капитал, и земля, и труд. Сэй не отличает богатства от ценности и не находит эксплуатации. Вот почему его учение было так мило трусливому сердцу буржуа: «Нет никакого противоречия между капиталистами и рабочими, ибо нет никакой разницы при производстве продукта между «трудом» машины и трудом рабочего. Все три формы труда необходимо требуются для изготовления продукта, и владельцы каждого из этих факторов по справедливости получают полагающийся им доход» (с. 120).

Далее т. Марков останавливается на учении Сэя о предпринимателе и на его специфической теории кризисов (Сэй, утверждая, что обмениваются продукты на продукты, приходит к отрицанию их возможности). В заключение дается критика всей системы Сэя.

Книга т. Маркова в общем и целом является правильным и популярным изложением учения Сэя и с этой стороны, не устраняя необходимости в более обстоятельной монографии о нем, отчасти заполняет существующий в марксистской литературе пробел, ибо за исключением отдельных замечаний Маркса в «Теориях» и «Капитале» и нескольких страниц в «Истории экономической мысли» Рубина мы ничего на эту тему не имеем.

К числу недостатков книги надо отнести отсутствие даже краткого очерка (хотя бы в несколько страниц) дальнейшего развития вульгарной экономии от Сэя к Бастиа и слишком сильный упор на специфичности Франции при выяснении экономических корней возникновения этого учения. Непосредственное умозаключение от экономии к идеологии почти неизбежно бывает механистическим. Вне всякого сомнения вывести вульгарную экономию только из экономической отсталости Франции конца XVIII в. и начала XIX века — это значит отрезать путь к пониманию ее дальнейшего развития, которое совершалось как раз в то время, когда эта страна переходила с одной более низкой на другие более высокие ступени капиталистического развития. В связи с этим бесполезно исполнять слова Маркса, что «развитие политической экономии и из нее самой вытекающего противоречия идет параллельно реальному развитию содержащихся в капиталистическом обществе общественных противоречий и классовой борьбы»: вульгарная экономия выросла на определенном этапе развития классической экономии — именно после Адама Смита, — как прямое продолжение одной из ее

сторон — «чем больше экономия достигает своего завершения, чем больше она идет... вглубь и развивается как система противоположностей — тем более прочтвостоят ей самостоятельно ее собственный вулгарный элемент...»¹. Тов. Марков также недостаточно выясняет роль вулгарной экономии первых этапов ее развития в разработке некоторых экономических проблем, в то время как по Марксу «вулгарная экономия вначале... сама еще более или менее участвует в разрешении экономических проблем с точки зрения экономии, как например, Сэй, между тем как Бастиа является только плагиатором...»².

Издание серии брошюр, помогающих начинающему читателю в порядке самообразования изучать политическую экономию и ее историю, — безусловно дело полезное. Однако еще раз приходится выразить сомнение в удачном выборе «персоп» для описания их жизни и учения. — в частности фигура Сэя в этой серии нам представляется случайной.

Ал. Казарин

К. ОСТРОВИТЯНОВ. К ВОПРОСУ О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЕ В СОВЕТСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ³).

Библиотека рабочего пропагандиста. Гиз. М.—Л. 1929 г., с. 128, ц. 50 к.

Данная книга, как следует уже из заглавия, посвящена проблеме земельной ренты в советском хозяйстве. Уже по одному этому всякую новую работу на данную тему можно только приветствовать. Действительно, нельзя сказать, что эта проблема была разработана у нас до конца, — по крайней мере и по сей час идут еще споры, существует ли у нас земельная рента или же нет. Больше того, даже и такой, казалось бы, бесспорный вопрос, как вопрос о наличии у нас абсолютной ренты, также вызывает дискуссию; находятся даже сторонники того взгляда, что эта категория, если и не процветает, то все же прозябает на советской почве.

Но в рецензируемой книжке вопрос поставлен шире. «Для того, чтобы осветить эту проблему в условиях советского хозяйства, — пишет автор в предисловии, — для этого необходимо прежде всего установить содержание понятия земельной ренты применительно к условиям капиталистического и докапиталистических способов производства». «И если бы, — добавляет автор, — книга не преследовала задач популяризации, то первые две ее главы, посвященные изложению проблемы земельной ренты в условиях капиталистического и докапиталистических способов производства, могли бы быть значительно сокращены».

Содержание данной книжки распадается, следовательно, на две части: первая содержит популяризацию взглядов Маркса и посвящена как общим методологическим предпосылкам, так и земельной ренте: капиталистической и ее генезису (включая сюда вопрос о ренте в мелком крестьянском хозяйстве); вторая часть как раз отвечает заглавию: в пей исследуется наше советское хозяйство под углом зрения ренты. И нужно сказать, что эти две части далеко не равноценны: если вторая часть представляет значительный вклад в нашу очень бедную до сих пор популярную литературу по данному вопросу, то именно первая часть — популяризации ради — должна была быть, по нашему мнению, просто выброшена. Неверная методологическая установка автора приводит к тому, что вместо популяризации мы имеем такое изложение, которое в некоторых местах почти вплотную соприкасается с самой обыкновенной вулгарщиной.

¹ Маркс, Теории, т. III, с. 389.

² Там же. с. 389—390.

³ Редакция считает проблемы, затрагиваемые как в рецензируемой книге, так и в самой рецензии, дискуссионными.

Однако, обратимся сперва ко второй части; здесь нам придется сделать только несколько замечаний. Начнем с ренты в бедняцко-средняцком секторе. Тов. Островитянов прежде всего останавливается на двойственности фигуры середняка в условиях капитализма: с одной стороны, он собственник, с другой — эксплуатируется подобно наемному рабочему, так как прибавочный продукт, созданный им и в чистой теории также и присваиваемый им самим, на самом деле всякими способами и под различными предлогами начисто отбирается у него. Но при господстве капиталистического способа производства первое лицо крестьянина, и именно середняка и бедняка, — ибо тут идет речь именно о них, — приводит к тому, что это бедняцко-средняцкое мелкое земледелие «носит на себе известный капиталистический отпечаток, и мелкий земледелец в известной степени уподобляется капиталисту» (с. 82). Итак, капиталистический отпечаток заставляет бедняка шествовать в тоге капиталиста. Правда, раньше на с. 48 автор говорит: «Поскольку же речь идет о бедняцких хозяйствах, то их владельцы в большей степени находятся на положении сельскохозяйственных рабочих и своим трудом создают ренту для капиталистов и землевладельцев». По всей видимости мы имеем здесь дело скорее с неудачной формулировкой или даже досадной оговоркой.

Однако эта формулировка понадобилась автору для того, чтобы обосновать отсутствие ренты в бедняцко-средняцком секторе. Наличие играющей преобладающую роль общественного сектора с его планом не дает возможности расти этому «отпечатку» и превращать бедняка в капиталиста. Было бы лучше, если бы т. Островитянов для решения поставленного вопроса обратился просто к анализу общественных отношений. Ведь во многих местах этой второй части он так хорошо подчеркивает это социальное содержание ренты.

Второе наше замечание касается кулацкого сектора. Тов. Островитянов допускает здесь дифференциальную ренту лишь постольку, поскольку она остается в карманах кулаков. Если же она в силу определенных мероприятий попадет пролетарскому государству, то нельзя говорить о ней как о ренте. Нам кажется, что здесь смешаны две вещи. Бесспорно, что эта рента перестает быть рентой, когда она попадает пролетарскому государству, хотя бы потому, что при этих условиях не приходится говорить о прибавочной ценности, а рента есть лишь превращенная форма части прибавочной ценности. Но другое дело, когда она присваивается кулаком до того, как она перейдет к государству. Ведь он присвоит ее не как сельскохозяйственный капиталист, а как монополичный пользователь, т. е. фактический владелец земли. В его руках она будет представлять доподлинную капиталистическую дифференциальную ренту, по крайней мере принципиально.

Третье замечание носит более общий характер. Наряду с совершенно правильным подходом к проблеме ренты в советских условиях, а именно по линии принципиального различия тех общественных производственных отношений, которые выражаются в категории ренты, от тех, с которыми нам приходится встречаться в советских условиях, т. Островитянов привлекает сюда еще один момент — регулирование. При этом регулирование выступает у него в качестве такого фактора, который конституирует самые категории. Но здесь мы подходим к общему методологическому вопросу, а для его разбора нам лучше заняться первой частью рецензируемой книжки.

В этой первой части мы прежде всего сталкиваемся с введенным, трактующим об «общих методических (методологических? — В. П.) предпосылках, необходимых для разрешения вопроса о земельной ренте».

Естественно, что автору в первую очередь приходится дать свое определение политической экономии. «Марксистская политическая экономия, — пишет т. Островитянов, — изучает, во-первых, производственные отношения, а не

естественные, химические или физические свойства вещей, и, во-вторых, — не всякие производственные отношения, а только стихийные, неорганизованные производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства» (с. 5). Мы не согласны с определенном политической экономии как науки только о производственных отношениях, но поскольку они здесь противопоставляются естественным — химическим и физическим — свойствам вещей, то с этим определением можно вполне помириться. Но логическим выводом из этого определения должно было бы явиться признание решающего значения для конституирования той или иной экономической категории именно за характером и типом производственных отношений, выражающихся в данной категории.

Однако вслед за данным определением т. Островитянов переходит на другие рельсы и концентрирует все свое внимание на стихийном характере этих производственных отношений, но и к этому он подходит с совершенно определенной точки зрения — точки зрения равновесия. От этого термина вообще изрядно пошазивает механистическими представлениями, но у т. Островитянова это равновесие выглядит до последней степени грубо: «В самом деле, — пишет он, — всякое общество, независимо от той или иной формы производственных отношений может существовать только при условии известного равновесия между потребностями людей и средствами удовлетворения этих потребностей, или короче говоря, между производством и потреблением» (с. 6). Концепция, следовательно, такова: с одной стороны, даны потребности, а с другой — общество должно соответственным образом распределить свой труд, чтобы удовлетворить эти потребности. В натуральном или организованном обществе это происходит организованно, в товарном же обществе царствует стихия, а отсюда и необходимость закона ценности, как такого распределителя или регулятора.

Мы не хотим быть неверно понятыми, поэтому должны сделать оговорку: мы вовсе не отрицаем того, что закон ценности (включая сюда и форму его проявления) играет роль регулятора; мы протестуем только против того, чтобы к этому сводить сущность закона ценности, чтобы из этого регулирования и только из него выводить как закон ценности, так и другие экономические категории.

Итак, в концепции, развитой т. Островитяновым, прежде всего неверно такое абсолютизирование потребностей. Сама потребность только тогда и попадает в поле зрения экономиста, когда она подкрепляется известной суммой денег; другими словами, только тогда и можно говорить о платежеспособной потребности. Но тогда... мы со своим регулятором попадем в тупик, так как это пресловутое равновесие существует всегда. Дело в том, что нам отнюдь не даны «потребности» вообще; мы имеем дело с платежеспособной потребностью, а в таком случае ее величина есть функция цены. Относительно этого мы можем найти в 10-й главе III тома «Капитала» очень много чрезвычайно интересных замечаний.

Суть всякой экономической категории, по т. Островитянову, заключается в том, что она стихийно распределяет труд и таким образом «регулирует» производственные отношения. «В то время как простое товарное хозяйство — пишет т. Островитянов — регулируется непосредственно законом стоимости, капиталистическое хозяйство регулируется законом стоимости через цену производства» (с. 8). Мы не можем здесь, в узких рамках рецензии, обосновывать свою точку зрения, но нам кажется, что т. Островитянов с точки зрения своей концепции должен был бы сказать: капиталистическое хозяйство регулируется ценой производства, а не законом стоимости. Что это так, доказывают следующие страницы. Там оказывается уже, что капиталистическое хозяйство начинает регулироваться не только ценой производства, но и земельной рентой (см. с. 19). И суть земельной ренты сводится к тому, что и она «стихийно регулирует» распределение капитала, а, следовательно, и труда. Другими словами, в сумерках данной теории равновесия и тесно с ним связанного

регулирования для достижения такого равновесия все кошки оказываются серыми, — различные экономические категории перестают различаться друг от друга.

Однако вернемся ближе к теме. Рецензируемая книжка посвящена земельной ренте; как же выглядит земельная рента в освещении т. Островитянова? Вообще и до сего времени под видом земельной ренты Маркса сплошь и рядом излагается теория ренты Рикардо, правда, в костюме марксовых терминов. И если уже у Рикардо его теория ренты не вязалась с выведенным им законом ценности, то тем паче не вяжется она, хотя бы она была преподнесена и в несколько завуалированном виде, с теорией ценности Маркса (мы имеем в виду, конечно, дифференциальную ренту).

В своем «Учении о ренте» Любимов довел до логического конца эту рикардрианскую по своей методологической установке концепцию ренты, и этой его «заслуги» никто не может отрицать. Но ведь в то же время его «Учение о ренте» знаменовало собой и разложение этой концепции. Тов. Островитянов обоими ногами стоит на почве той же концепции. С другой стороны, он пишет популярную книжку, следовательно, — он должен популяризировать. Немудрено, что в его книжке, точнее, в тех главах, где он излагает теорию ренты Маркса, мы имеем следующий этап того же разложения.

Мы отмечаем уже его подход: от «равновесия» и «регулирования». Соответственно с этим мы находим у него и следующее определение ренты: «Сущность категории ренты, как и других категорий, изучаемых политической экономией, заключается в том, что через них происходит регулирование стихийных производственных отношений капиталистического хозяйства» (с. 109). Но наряду с этим сомнительным определением мы находим у него и другое, еще более сомнительное, определение. В самом почти начале главы о ренте (капиталистической) он пишет: «Прежде всего земельная рента со стороны своего материального содержания есть определенный доход, связанный с землей, получаемый в натуральной или денежной форме. И если к этому свести понятие ренты, то она действительно превратится в понятие, общее для всех способов производства» (с. 16). Но уже одно то обстоятельство, что материальное содержание ренты можно свести к денежной форме, исключает все другие формы хозяйства, кроме той, где палицо имеются деньги. Следовательно, в данном определении концы с концами не увязаны. А кроме того на самом деле этим «материальным содержанием» ренты является просто часть продукта или продукт как таковой, а не доход. Ибо бытие этого продукта, как дохода, предполагает и определенную форму общества, так как не бывает дохода вообще, а всегда приходится говорить о том или ином специфическом доходе. Наш же автор умудряется выращивать доход на земле. С другой же стороны суть капиталистической дифференциальной земельной ренты он сводит к продукту — к большему количеству продуктов, получаемых в силу большей производительности труда на лучших землях. Получается любопытное *qui pro quo*: вещи становятся на голову, — и все это потому, что нельзя под теорию ренты Маркса подставить рикардрианские принципы.

Мы подошли таким образом вплотную к дифференциальной ренте: изложение дифференциальной ренты представляет самое слабое место в книжке. Автору с его концепцией приходится все время впадать в противоречия и с самим собой, и с теорией Маркса. Источником и абсолютной и дифференциальной ренты, по т. Островитянову, является одинаково прибавочная ценность, созданная сельскохозяйственными и рабочими. По отношению к абсолютной ренте это верно, но это совершенно неверно для дифференциальной ренты. По существу подобное представление в качестве своей необходимой предпосылки имеет особый «закон ценности хлеба», сконструированный еще Любимовым; по этому «закону» в отличие от общей теории ценности и вопреки категорическим высказываниям

Маркса — ценность сельскохозяйственных продуктов (и продуктов добывающей промышленности) определяется затратой труда при наилучших условиях.

К чему приводит такой дуализм в области теории ценности, это очень хорошо можно проиллюстрировать на примере данной работы т. Островитянова.

Прежде всего у Маркса в I томе «Капитала» мы читаем: «Величина стоимости товара изменяется таким образом прямо пропорционально производительной силе овеществленного в нем труда» (с. 6; цитируем по изд. 1928 г.). Островитяновская концепция дифференциальной ренты заставляет его отбросить вторую половину этого положения Маркса: вместо обратной зависимости он устанавливает прямую. Дифференциальная рента, по его словам, порождается большей производительностью труда «на лучших участках» (с. 25). «Это — излишек прибавочной стоимости (а, следовательно, и ценности, так как прибавочная ценность есть лишь часть ценности — В. П.), создаваемой рабочими, благодаря большей производительности их труда на лучших земельных участках...» (там же; то же самое см. и на с. 29).

Нельзя не признать, что данный тезис сформулирован автором очень четко. Но в то же время очевидно, что это не тезис Маркса (см. еще с. 10-ю первого же тома «Капитала»). Налицо, таким образом, противоречие с Марксом.

Правда, так дело обстоит начиная с конца § 2 и дальше: тут более производительный на лучшей земле труд сельскохозяйственного рабочего создает большую ценность и прибавочную ценность. Но в начале второго параграфа, посвященного просто дифференциальной ренте, говорится нечто иное. Рента возникает потому, что «цены на продукты сельского хозяйства определяются не сколько и иначе, нежели на продукты промышленности» (с. 21). Они определяются издержками производства плюс средняя прибыль на худших участках, так как «если в то же время спрос на продукты сельского хозяйства не будет покрыт одними лучшими участками, то устранение от обработки худшего участка поведет к росту цен на продукты сельского хозяйства. Цены будут расти до такого предела, пока и арендатор худшего участка не получит средней прибыли, т. е., другими словами, пока цены на продукты сельского хозяйства не будут определяться издержками производства на худшем из всех обрабатываемых участков земли» (с. 23).

И как вывод (?) из всего этого — знакомое нам уже положение, набранное даже в разрядку: «Таким образом, дифференциальная земельная рента — это есть часть добавочной прибавочной стоимости, создаваемой рабочими вследствие большего плодородия или лучшего местоположения земельных участков или же вследствие различий в производительности труда при добавочных затратах капитала, достоящаяся землевладельцу в силу частной собственности на землю» (с. 24).

Перед нами три возможности объяснить все это: или 1) что, когда т. Островитянов довел свое изложение почти до конца второго параграфа, он забыл все написанное им раньше; или 2) что здесь вообще тщетно искать какой-либо смысл и данная часть работы представляет собой простой набор фраз; или же, наконец, 3) что тут есть некий смысл, и смысл вполне определенный. Если на лучших участках создается добавочная прибавочная ценность, а, следовательно и большая ценность, потому, что цена сельскохозяйственных продуктов в силу напряженности спроса поднимается выше, до уровня цены производства худшего участка, то это только и может означать или безграничное смещение цены и ценности, или же просто так называемую «экономическую» версию общественно-необходимого труда, что, в сущности, сводится к тому же самому. На лучших участках потому создается больше прибавочной ценности, что при одинаковой затрате труда на величину ценности оказывает влияние состояние общественной потребности. Мы думаем, что у автора имеет место и то и другое, и даже третье, ибо самому же т. Островитянову тут же приходится

специально оговариваться: «После того, что мы сказали, у многих могло создаться такое впечатление, что источником дифференциальной земельной ренты является не что иное, как естественные свойства самой земли, независимо от общественных отношений между людьми» (с. 24). Добавим, что это впечатление оказывается совершенно верным впечатлением: и у т. Островитянова при таком его переходе рента также начинает произрастать из земли. Таково второе противоречие, или точнее, целый пук противоречий и с Марксом, и с самим собой.

Мы видели уже, что автор выставляет в виде общего положения свою тезу о большей ценности, создаваемой более производительным трудом. В своем же введении, говоря о цене производства, он пишет: «Различные отрасли капиталистического хозяйства имеют различное органическое строение капитала. Поскольку прибавочная стоимость создается только переменной частью капитала, постольку норма прибыли должна быть выше в тех отраслях, где ниже органическое строение капитала, так как здесь переменная часть капитала составляет большую часть по сравнению с постоянной, нежели в отраслях с высоким органическим строением» — следовательно, будут различные нормы прибыли. Но в капиталистических условиях «капиталы устремятся в те отрасли, где норма прибыли выше, причем этот перелив капиталов из отраслей с высоким органическим строением в отрасли с низким органическим строением будет продолжаться до тех пор, пока всюду не установится одинаково средняя норма прибыли» (с.10).

Мы утверждаем, что автор не имел никакого права писать эти строки, ибо они находятся в вопиющем противоречии с выставленной им тезой. В самом деле, что означает собой более высокий органический состав капитала? То, что здесь труд более производителен, следовательно, по т. Островитянову, он создаст здесь и больше прибавочной ценности. Но тогда почему же тут должна быть более низкая норма прибыли? Если здесь больше капитала, то зато больше и прибавочной ценности.

Правда, автор может выдвинуть два контр-возражения: положение о большей ценности образовательной способности более производительного труда годно только для сельского хозяйства и не распространяется на промышленность. Но тогда получается следующий казус: для обрабатывающей промышленности оказывается годной теория Маркса, а все сельское хозяйство вкупе с добывающей промышленностью отбрасывается в наследственное владение вульгарной экономии. Или — второе: тут играет роль особый процесс ценообразования — земля ограничена, спрос велик — но тогда этот спрос (т. е. потребность) объявляется в т о р ы м фактором ценности, и мы прямехонько покатались с «экономической» верени в ее утрированном и вульгарном виде. Таковы противоречия т. Островитянова с самим собой. Их без труда можно было бы и еще умножить, но sapienti sat.

Абсолютная рента у нашего автора изложена в общем правильно, только здесь можно отметить очень неудачную форму изложения. В параграфе, посвященном абсолютной ренте (§ 4), исчез ее капиталистический характер. Для ее возникновения требуются, по словам автора, два условия, а именно: 1) частная собственность на землю и 2) ограниченность земли. Но ограниченность земли существовала всегда, та или иная собственность тоже не является признаком, характеризующим т о л ь к о капиталистический способ производства. Если автор думал подчеркнуть ее капиталистический характер прилагательным «частная», то вряд ли целесообразно в популярной работе вводить специфически-капиталистические черты в столь зашифрованном виде; кроме того, та же частная собственность лежит в основе и простых товарных отношений. А, во-вторых, здесь — при таком способе изложения — стирается всякая грань между абсолютной и монополюльной рентой, поспе и дальнейшая полемика с т. Берзтысом является необоснованной.

Правда, обо всем этом, а также и о низком строении земледельческого капитала и о продаже сельскохозяйственных продуктов не по ценности, а по ценам производства. говорится в дальнейшем, например, в следующем параграфе, посвященном выиснению источника абсолютной ренты. Однако, в популярном изложении все эти моменты, конечно, должны были быть даны там, где говорится о самом существовании абсолютной ренты.

В. Позняков

ГОРОДА-САДЫ — ГОРОДА БУДУЩЕГО

В выпущенной недавно Госиздатом книге Л. О. Велихова: «Основы городского хозяйства» (Ленинград, с. 468 + XII. Ц. 5 р. 50 к.), предназначенной «как пособие для вузов и для работников коммунального хозяйства», особый раздел главы «Город в социалистической системе» — посвящен доказательству тезиса, поставленного заголовком настоящей статьи.

От издательства сообщается, что хотя книга Л. Велихова «не во всех отношениях удовлетворяет тем требованиям, какие к ней могут быть предъявлены работниками советского строительства ввиду главного ее недостатка — отсутствия безусловно-правильной принципиальной теоретической установки, тем не менее социально-экономический отдел Госиздата не мог взять на себя «переработку по существу теоретических построений автора». «Разбор по существу имеющихся в работе недостатков предоставляется литературой критике».

Приглашением редакции Госиздата мы воспользуемся для того, чтобы на разборе страниц последнего труда Л. Велихова, посвященных «городам-садам — как городам будущего», показать к каким ошибочным практическим выводам и предложениям в исключительно важном вопросе нашего городского строительства привела автора «общего учения о городе» теоретическая псевдоуверенность его метода и основных принципиальных установок, несмотря на марксистскую его терминологию и обилие цитат из работ Маркса, Энгельса, Ленина и др.

Уже в исторической части своей апологии городов-садов как поселений, соответствующих «будущей социалистической системе», Л. Велихов впадает в ошибку, непростительную с точки зрения подлинно-диалектического метода: он чисто идеалистически и притом наивно-идеалистически объясняет происхождение и успех идеи городов-садов. Истинная причина успеха книги Эб. Гоуарда о городах-садах, конечно, не в том, что — как полагает Л. Велихов — эта книга затронула и выразила стремления, опасения и тревоги «исстрадавшегося городского населения» Англии, «всегда отличавшегося любовью к природе и домашнему уюту», привязанностью коего к цветам, паркам и украшенным розами городским общественным уборным шла в разрез с гипертрофией городов, с их испорченным воздухом, туманами и сухью. Конечно, не этот разрыв между поэзией и правдой вызвал к жизни идею городов-садов, книгу Гоуарда и строительство поселка Лечу-орса, в котором — по схеме Гоуарда — должны были сочетаться положительные стороны как городской, так и сельской жизни.

В действительности дело обстоит несколько иначе, и, как всегда бывает в действительности, — значительно прозаичней. Идея Гоуарда о городах-садах представляет собою одну из многочисленных попыток конкретизации идеологии «просвещенного капитализма», возникшего на Западе в результате обострения в капиталистическом обществе классовых противоречий.

Резкое изменение — с последних десятилетий XIX века — внутренней и международной социально-экономической ситуации сделало актуальным вопрос о «культурном усовершенствовании» методов эксплуатации трудящихся. Передовые капиталисты начинают сознавать, что «нельзя вести успешного промышленного дела с рабочими невежественными, физически слабыми, как нельзя вести

«сменю войну с такими солдатами»¹. Слабый и неквалифицированный рабочий, пассивный и незаинтересованный в успехах предприятия, которому он продает свою силу, — материал, мало подходящий в условиях все возрастающей конкуренции на мировом рынке и слишком опасный в условиях все обостряющейся классовой борьбы. Рабочего нужно надлежащим образом обучить, нужно укрепить его мускулы и одновременно заинтересовать его в процветании предприятия, которому он продает свою силу, привязать его невидимыми, но крепкими нитями к триумфальной колеснице этого предприятия — и тогда не только производительность его труда сделает резкий скачок вверх, но одновременно должны будут, по мнению капиталистических «народолюбцев», в большей или меньшей степени ступшеваться противоречия и антагонизм между капиталистом и его рабочим.

Так учит «просвещенный капитализм».

Идея города-сада — как указано выше — только одна из попыток конкретизации общих установок идеологии «просвещенного капитализма». Причем, с точки зрения последнего, особенная ценность проекта Гоуарда не только в том, что город-сад должен содействовать повышению производительности труда рабочих и усыплению их классового самосознания, а, главным образом, в том, что в городе-саде Гоуарда кустарные и индивидуальные попытки отдельных предпринимателей «культурно усовершенствовать» эксплуатацию рабочих — заменяются плановыми и коллективными выступлениями; то, что было до этого доступно наиболее мощным хозяйственным единицам капиталистического общества, должно стать носильным для хозяйственных единиц второго и третьего ранга.

В цитируемой и рекомендуемой Л. Велиховым книге энергичнейшего русского популяризатора идей Гоуарда — П. М. Мижужева — «Сады-города и жилищный вопрос в Англии» очень много места уделено описанию двух образцовых английских рабочих поселков — Порт Сенляйт и Бауривилль, устроенных до появления книги Гоуарда и являющихся, по признанию П. Г. Мижужева, прототипами запроектированного Гоуардом города-сада. Вся история первого города-сада, устроенного под лозунгом идей Гоуарда, тесно связана с указанными поселками.

Первый съезд Ассоциации, созданной в Англии для пропаганды идеи городов-садов, созван был в Бауривилле, второй — в Порт-Сенляйте. В своих отчетах и проспектах Ассоциация не раз на них ссылалась в качестве доказательства жизнеспособности идеи города-сада. Поселок Порт-Сенляйт принадлежит крупной мыловаренной фирме Ливерса, поселок Бауривилль — крупнейшему фабриканту эпохи — Кэдбери. И Ливерс, и Кэдбери — оба приняли энергичнейшее участие, в частности и материальное, — в осуществлении проекта Гоуарда, оба были бы приемными отцами первого города-сада.

Свое отношение к вопросу о рабочих поселках Ливерс формулирует следующим образом: «Уже одна забота о коммерческом успехе предприятия должна бы побуждать предпринимателей обеспечивать своим рабочим возможно лучшие жилищные условия»². А П. Г. Мижуев замечает по этому поводу: «Форма Ливерса в Сенляйте полагает, что все ее денежные жертвы, поскольку таковые делаются в занимающем нас отношении, вполне оправдываются более усердным и добросовестным трудом рабочих, чем это наблюдается при обычных условиях фабричной работы. Открещиваясь от какой-либо филантропии, компания говорит, что политика ее есть политика «просвещенного эгоизма»³.

Мы уже отметили, что в своих проспектах Ассоциация городов-садов подчеркивала идейную связь между проектом Гоуарда и просвещенно-капиталистической деятельностью упомянутых фабрикантов. При этом Ассоциация опре-

¹ П. Г. Мижуев. — Сады-города и жилищный вопрос в Англии. П. 1916, с. 90.

² См. там же, с. 90.

³ См. там же, с. 84.

деленно указывала на то, что «одна из ее важнейших задач заключается именно в том, чтобы сделать возможным и для хозяев мелких промышленных заведений выселение за город с предоставлением их рабочим таких преимуществ, которых эти хозяева никак не могли бы им обеспечить своими собственными силами»¹.

Таковы вкратце подлинные материалистически причины успеха идеи Гоуарда — как видит читатель, это вовсе не поэтическая тоска «английской нации» по общественным уборным, украшенным розами.

Было бы совершенно ошибочным предполагать, что чисто-градостроительная сторона проекта Гоуарда — предлагаемая им система планировки и застройки — не связана с общей социально-политической установкой его проекта: между теми и другими имеется теснейшая внутренняя связь — лучший и более верный пример полного подчинения техники идеологии, пожалуй, трудно найти.

Город-сад Гоуарда в градостроительном отношении — разновидность поселкового строительства; городу-саду как планировочно-застроенному единству присущи те признаки, которые в отношении планировки и застройки отличают город от поселка: 30 тыс. жителей и 5.500 строительных участков, т. е. в среднем, не более 5½ человек на участок — так намечалось по проекту¹ Гоуарда; около 9 тыс. жителей и 2 тыс. построек насчитывал Лечуорс в 1914 году, т. е. в среднем 4½ жителя на участок.

В этой сугубой экстенсивности и «коттеджности» застройки города-сада — характернейший и отличительный его признак. Социальные функции «коттеджа» — как сугубо индивидуалистической формы организации жилища — должны получить в городе-саде наибольшую законченность и полноту. Население города, в том числе рабочая масса, распыляется по мелким, утопающим в зелени многоквартирным домикам, разбросанным на огромной площади города-сада (3 652 акра; по справке П. Г. Мижужева, площадь имения, купленного для устройства первого города-сада на 30 тыс. жителей, только в четыре раза меньше площади, занимаемой Парижем).

Многоквартирный дом в рабочем районе без особого труда может превратиться в опорную базу и крепость для восставшего пролетариата, маленький коттедж в этом отношении не представляет никакой опасности. Многоквартирный дом потенциально содержит в себе элементы коммунальности, общественого быта и т. п., при прочих благоприятных условиях эти элементы могут получить полное и всестороннее развитие; маленький коттедж огорожен от остального мира изгородью, создающей и укрепляющей в сознании обитателей коттеджа индивидуалистические и антиобщественные тенденции и уклоны. В многоквартирном доме нет почвы для развития собственнического чувства привязанности к данной квартире, в то время, как вся обстановка маленького коттеджа точно приспособлена для поощрения и укрепления таких чувств.

Даже цветущая декоративность города-сада, его прототипов и подражаний имеет не только «благоустройственную» функцию, но и социальную. Мелкопоместная забота о собственном садике при собственном домике, строго предписанная правилами поселкового управления, — недурное средство для заполнения досуга рабочих «мирными» занятиями и развлечениями.

Указанные выше социальные функции выполняют не только отдельные домики города-сада, но и город-сад в целом, который находится в таком же отношении к современному городу, как коттедж — к многоквартирному дому. Большие города стали местами скопления слишком значительных масс того огнеопасного материала, который называется пролетариатом. В большом городе организовать пролетариат, собрать его под боевые знамена легче, чем в маленьком поселке или грушечном городе-саде. Революционное меньшинство в большом городе —

¹ См. М а ж у е в, с. 189.

это в абсолютном выражении — тысячи и десятки тысяч рабочих, в городе-саде оно сокращается соответственно до единиц и сотен, и здесь его можно изолировать скорее и легче, чем тысячи и десятки тысяч в большом городе.

И все это торжественно называется Л. Велиховым «социалистическим замыслом». Мало того. Пользуясь, очевидно, тем, что библиографической редкостью стала не только полукровенная книга П. Г. Мпжуева о городах-садах, но и совсем уже откровенная книга самого Гоуарда (в русском ее переводе), Л. Велихов с категоричностью, свидетельствующей о более, чем невнимательном чтении произведения основоположника идеи городов-садов, утверждает, что «город-сад Гоуарда чисто революционно и по-социалистически разрешает вопрос о земельной собственности и связанных с нею земельных спекуляциях, росте городской рента и дороговизне жилищ, уничтожая право частной собственности на землю»¹.

Разве можно было нанести «талантливому гуманисту» Гоуарду большее оскорбление, чем обвинить его в революционности и социалистичности! Ведь с неослабеваемой настойчивостью Гоуард подчеркивает в различных местах своей книги, что предпосылкою осуществления его проекта является покупка земли². Причисляя себя к реформаторам, называя своей проект — проектом земельной реформы, Гоуард — во избежание каких бы то ни было недоразумений — резко противопоставляет себя тем реформаторам, которые предлагают народу при помощи декрета отнять землю у существующих собственников³...

Столь же умеренны его взгляды на вопрос о пределах деятельности городского самоуправления. Он даже не предполагает в городе-саде полной муниципализации предприятий общественного пользования и права частных лиц сохраняются им в полной мере. Но точно чувствуя, что в этом пункте его умеренность зашла слишком далеко, Гоуард намечает новую форму организации предприятий, которую он называет полумуниципальной. Сюда относятся, по мнению Гоуарда, публичные рынки, ибо здания публичных рынков принадлежат городу и частные лица за занимаемые ими части здания уплачивают городу сборы, и в то же время доходы, получаемые в каждом предприятии, поступают в личную пользу отдельных торговцев.

Как бы дополняя и реваншируя недостаточную предприимчивость муниципальной и полумуниципальной деятельности своей общины, Гоуард выдвигает общественную самодеятельность, для которой он открывает в городе-саде широкое поприще. В частности, постройка домов для жилья, по его мнению, не дело городского управления: это поприще для общественной самодеятельности. Например, рабочие, нуждающиеся в жилье, должны образовать строительные товарищества.

«Напрасно рабочие говорят о национализации всей земли и капитала страны под руководством комитета, избранного из их среды. Пусть они сначала придут более скромную школу... Пусть они пачнут... энергично собирать деньги но не для того, чтобы расточать их на стачки, а на то, чтобы обеспечить себя и других жилищем и работой на справедливых и достойных условиях. Действительное средство против капиталистической эксплуатации там, где она существует (разрядка наша — С. М.), состоит не в прекращении работы посредством стачек, а в том, чтобы приняться за надлежащую творческую работу, и против этого последнего средства эксплуататоры бессильны. Если бы вожаки рабочих затратили энергию, которую они теперь расточают на дезорганизацию, если бы они направили половину этой энергии на организационную работу в области кооперации, то скоро паступил бы конец несправедливостям современ-

¹ См. Велихов, с. 208.

² См. Гоуард, Города будущего, II. 1911, с. 29, 122.

³ См. там же, с. 122.

ного строя... п здесь образование строителных обществ указанного типа (в городе-саде — С. М.) принесет неисчислимую пользу»¹.

Эта проповедь умеренности, смирения и покорности капиталу, эти дружественные советы — на капиталистическую эксплуатацию «там, где она существует», отвечать не стачками, но борьбой, а «творческой работой», усилением своих собственных сбережений и т. п. — достаточно полно раскрывают не только «социальное лицо» Гоуарда, но и классовую установку всего его проекта.

Какие страницы, какие отдельные фразы или даже слова книги Гоуарда дали Л. Велихову материал и основание для создания легенды о городе-саде Гоуарда, как о «чисто революционном и социалистическом способе уничтожения права частной собственности на землю»? Оправданы, хотя и с опозданием в 30 лет, худшие опасения самого Гоуарда: «как бы читатель не смешал моей системы с чистым коммунизмом или социализмом»². В далеком СССР, после 10 лет советской практики, нашелся писатель, который — вопреки настойчивым просьбам самого Гоуарда — публично причислил его к лику революционеров и социалистов.

Можно серьезно опасаться, как бы социально-экономический отдел Госиздата, поверив утверждениям Л. Велихова, не перенял бы ставший библиографической редкостью перевод книги Гоуарда, усиленный спрос на которую естественно ожидать от доверчивых читателей книги Л. Велихова — вузовцев и работников коммунального хозяйства.

Столь же тенденциозно описывается Л. Велиховым «райский островок страдающего мира»³, как он вслед за Бенуа Леви и без лишней сдержанности называет первый город-сад — Лечурсе, построенный в порядке осуществления идей Гоуарда.

«Промышленность ценит обилие в Лечурсе мест для построек, транспортных средств, электричества, газа и воды за дешевую плату. Дела фабрик идут хорошо»⁴. Между тем, у авторитетного для Л. Велихова и более откровенного, П. Г. Мижужева мы находим на сей счет и другие указания: «Фабриканты немало выигрывают и от того, что рабочие являются к ним на работу со свежими силами, довольные своей жилищной и другой обстановкой, — обстоятельство, которое понимают и учитывают многие английские фабриканты... Зарботки в Лечурсе, конечно, ниже, чем в Лондоне, а стоимость провизии и других продуктов почти одинакова»⁵.

Л. Велихов не скужится на красочные описания жилищных условий трудящихся Лечурса: «Все дома для рабочих стоят на красивых улицах, обсаженных деревьями и изобилующих садами, и т. д... Многие фабричные рабочие живут в деревне, пользуясь незначительными расстояниями от центра города до фабрик и сельских мест — 10 минут ходьбы». Даже у П. Г. Мижужева, отнюдь не впадающего в пессимизм, поскольку речь идет о городах-садах, можно пайти и другие указания на сей счет. П. Г. Мижувев вынужден признать, что известная часть рабочих в промышленных заведениях Лечурса, в поисках дешевизны, стала селиться в соседних деревнях и городах. Он объясняет это тем, что «некоторые из рабочих, имеющих запятне в Лечурсе, частью не могли, — еще чаще, повидимому, просто не хотели — платить по 4—5 шиллингов за хороший дом с садом в саду-городе. Они предпочитали и предпочитают селиться в сравнительно весьма плохих домах соседней деревни Больдок или в находящемся в нескольких верстах

¹ См. Гоуард, города будущего, с. 101

² См. там же, с. 109.

³ См. Велихов, с. 213.

⁴ См. там же, с. 212.

⁵ См. Мижувев, с. 302, 307.

городе Хитчине»¹. Странный народ рабочие первого города-сада: им предлагают хороший дом с садом, а они предпочитают «весьма несанитарные помещения» в соседней деревне! И И. Г. Мижуев вынужден с горечью констатировать, что «такой оборот дела парализует до известной степени все усилия компании садов-городов в деле оздоровления жилищ рабочего класса. Исходя из своего опыта в этом отношении, компания предлагает даже строителям будущих садов-городов иметь в виду указанное только что обстоятельство и не строить их вблизи деревень со значительным числом плохих домов»². Вот, уж действительно, реальное средство к побуждению рабочих селиться в хороших домах!

Так обстоит у Л. Велихова с историко-описательной трактовкой проблемы города-сада. Но для него эта проблема не только с историей, но и с будущим: «города-сады — города будущего», социалистического будущего, — и потому, что в них достигается социально-экономический синтез города и деревни, и в силу гигиенической рациональности планировки и застройки по типу города-сада.

Для доказательства первого тезиса: город будущего мыслим лишь, как «полное слияние города и деревни» — Л. Велихов приводит цитату из работ Ленина об аграрном вопросе, из коей, однако, вовсе не следуют нужные Л. Велихову выводы. Из бесспорной необходимости ликвидировать отчужденность миллионов деревенского населения от культуры, обеспечить города свежим воздухом и чистой водой, рационализировать утилизацию городских нечистот и отходов, уничтожить противоположность экономических интересов города и деревни — вовсе не следует, как это кажется Л. Велихову, что нужно территориально слить город и деревню, точнее, сосредоточить в каждом поселении и фабрики и сельское хозяйство (особенно в условиях планового регулирования и социалистического районирования народного хозяйства).

В равной мере не убедительны приводимые Л. Велиховым доводы санитарно-гигиенического порядка в защиту мелкой экстенсивной застройки и совсем не страшны жупелы, пенство адресуемые им укрупненному жилищному строительству «каменный идол», «фетиш американских трестов и германских концернов», «казармы», «дома-колодцы и дома-скелеты» и т. п.

Его не смущают доводы о несоответствии коттеджа идеям коллективизма и неэкономичности мелкой застройки по сравнению с крупной. «После неоднократных дискуссий в Москве, Ленинграде, Харькове и оживленной литературной полемики была признана приемлемость городов-садов для пролетариата», утверждает Л. Велихов, не приводя в подкрепление ни одной ссылки, кроме ссылок на статью Я. Дробниса, выступившего в защиту «многоэтажной казармы», и на опыт Ростова-на-Дону, где «опять решено строить по-старинке многоэтажные дома».

Мы вынуждены огорчить Л. Велихова, ведущего точный учет числу строений в далеком Лечурсе и, очевидно, не вполне осведомленного о том, какой тип застройки преобладает в нашем государственном жилищном строительстве. Не только в Ростове на Дону, где написаны были «Основы городского хозяйства», но и в Москве, Ленинграде и Харькове, где так победоносно — по утверждению Л. Велихова — окончились для идеи городов-садов многократные дискуссии об их приемлемости для пролетариата, строятся за счет государства для рабочих, как правило, многоэтажные дома. То же имеет место и в Иваново-Вознесенске, Киеве, Одессе и др. городах, что, конечно, подтвердят Л. Велихову читатели его книги — коммунальные работники тех городов Союза, в коих проводится плановое жилищное строительство за счет государственных средств.

Вопреки утверждению Л. Велихова практика показала, что к многоэтажным домам отнюдь не всегда применимы те жупелы, на которые он оказался столь

¹ См. Мижуев, с. 266.

² См. там же, с. 268.

щедрым в своем научном беспристрастии. Наше новое муниципальное и промышленное жилищное строительство уже создало в целом ряде городов Союза прекрасные образцы гигиенических, вполне рациональных, удобных и даже комфортабельных многоэтажных и многоквартирных домов для рабочих совсем не в стиле «капиталистического ада».

В специальном курсе Л. Велихов обещает подробно исследовать и доказать, что многоэтажное строительство «пыне решительно отвергается всеми, без исключения, специалистами и всеми съездами по гигиене планировки городов и жилищными — по соображениям социальной гигиены, комфорта, педагогики, эстетики и др.».

Но ведь и Гоуард и цитируемый Л. Велиховым П. Г. Мижуев также являются специалистами по планировке и авторитетными противниками многоэтажных домов; однако, мы видели, на каком социально-экономическом и политическом базисе выросли их плановочные-застройочные идеи. Нужно надеяться, что искушенный в марксистской терминологии Л. Велихов не станет доказывать независимость этих идей от базиса, на котором они выросли. Во всяком случае мы не можем согласиться с тем, что вся практика нашего государственного жилищного строительства находится в резком и непримиримом противоречии с требованиями наук и искусств, как это представляется Л. Велихову.

Что касается неэкономичности мелкого строительства, то этот вопрос, по мнению нашего автора, «сводится к чисто технической проблеме удешевления строительства». Увы, и в этом пункте мы имеем упрощение проблемы как будто бы не совсем уместное в научном труде и притом не оправданное ссылкой на какое-либо специальное исследование.

Поселковое строительство типа города-сада требует огромных единовременных затрат именно ввиду малочисленности населения поселка, больших размеров его территории и экстенсивной ее застройки. Благоустройство поселка в таких условиях требует больших расходов, ложащихся тяжелым бременем на стоимость жилищного строительства; устройство огромного протяжения сети коммунальных предприятий для обслуживания мелких малонаселенных домиков, рассеянных на обширной территории, значительно увеличивает стоимость коммунальных сооружений и услуг. Поэтому, поселковое строительство, особенно по типу городов-садов, является едва ли не самой дорогой формой организации населенных пунктов как в отношении средств, подлежащих единовременной затрате, так и в отношении стоимости эксплуатации жилищ, коммунальных предприятий и сооружений.

Так обстоит дело в книге Л. Велихова с трактовкой директивно-политической стороны проблемы города-сада. Каковы бы ни были достоинства остальных глав его книги — дефекты ее главы «О городах-садах как городах будущего» настолько важны и самодовлеющи, что о ней стоило поговорить особо и вне связи с остальными главами «Основ городского хозяйства», рассчитывая на то, что обращение Госиздата к литературной критике: заняться разбором книги Л. Велихова — все же не останется без дальнейших откликов.

С. Моголянский

ДЕНЬГИ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В ОСВЕЩЕНИИ МАРКСИЗМА

Сборник статей О. Бауэра, Н. Бухарина, Е. Варга, Р. Гильфердинга, К. Каутского, В. Ленина, Р. Люксембург и др. 2-е дополн. и испр. изд. под ред. К. Ф. Шмелева и А. Б. Штерна. Госфиниздат, М. 1929 г., с. 269, ц. 2 р. 50 к.

Второе издание сборника значительно изменено по сравнению с первым. Добавлены статьи, освещающие проблему денег в социалистическом обществе; сюда относится статья Каутского — «Деньги в социалистическом обществе» (выдержка из его книги «Пролетарская революция и ее программа»). На эту же тему приведены

выдержки из статей и работ В.И. Лепина. Особый интерес представляют статьи Каутского: «Возникновение и функции денег» (выдержки из его книги «Материалистическое понимание истории») и «Изменение в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны» (статьи в «Neue Zeit»).

Следует при этом заметить, что весь материал, который дает сборник, уже помещался в различных изданиях, кроме двух вновь переведенных отрывков. Почему для их преподнесения читающей публике потребовалось выпускать целый пухлый сборник—непонятно.

В качестве приложения сборник дает выборки из произведений К. Маркса о деньгах и денежном обращении.

Мы начнем с сомнения в целесообразности такого «Приложения». Даже и начинающему лучше взяться за «Капитал» и «К критике», чем работать над лоскутным материалом из этих же работ Маркса. Такое приложение могло быть полезным только в том случае, если бы в нем было указано, где и что найти у Маркса по теории денег. Однако «Приложение» в данном сборнике не выполняет задачи такого указателя. Так, оно не только не касается совершенно «Теории прибавочной стоимости», «Нипцеты философии» и писем Маркса, но даже в рамках «Капитала» и «К критике» оно далеко не исчерпывает важнейших мест по теории денег. Например, в «Приложении» нет ни одной строчки из главы «Средства обращения и капитал. Воззрения Тука и Фуллартона», III тома «Капитала».

Между тем в этой главе есть много существенного по теории денег. Так в ней Маркс дает чрезвычайно важные указания на живой, находящийся в действии механизм регулирования количества денег в обращении при капиталистическом производстве, т. е. дает такие моменты теории денег, которых, очевидно, еще не могло быть в I томе «Капитала» и в «К критике». Так как сборник ни одной строчки не взял из этой главы, то он и дал, собственно, теорию денежного обращения лишь в пределах простого товарного производства. Это минус большой, особенно если учесть тот круг читателей, который возьмется за «Приложение» в нашем «Сборнике».

Переходим к дискуссии о стоимости золота и дороговизне. По этому вопросу в сборнике представлены Варга и Гильфердинг, Отто Бауэр и Каутский.

Мы не станем приводить здесь ту критику концепции Варга—Гильфердинга, которую дал Каутский; эта критика общезвестна и основные ошибки Варга—Гильфердинга она раскрывает достаточно. Мы ограничимся только несколькими замечаниями.

В статье «Деньги и товар» сам Гильфердинг показывает, что его учение о постоянстве стоимости золота со времени введения золотой валюты, независимости этой стоимости от колебаний издержек производства золота — является лишь логическим выводом из теории общественной ценности обращения, развитой им в «Финансовом капитале». Если там, утверждая, что общественная ценность обращения, непосредственно определяет стоимость бум. денег, Гильфердинг пускал в обращение деньги без стоимости (отвлекаясь от золота) и товары без цены, то и в статье «Деньги и товар» он находит стоимость золота лишь в меновом отношении товаров и золота, опять пуская в обращение деньги без стоимости, товары без цены, по существу подменяя, как и все количественники, стоимость золота неправомерным в марксистской науке попятком покупательной силы денег. Поэтому следует подчеркнуть, что в критике взглядов Гильфердинга на стоимость золота роль его учения об общественной стоимости обращения должна быть отмечена, как решающее звено в его ошибках.

В основе построения Варги лежит утверждение, что стоимость золота определяется всегда издержками производства на худших рудниках. Отсюда Варга умозаключает к учению о постоянстве стоимости золота, утверждая, что технические улучшения, сберегающие этот труд машины и т. п., могут привести лишь к увеличению ренты с лучших рудников, но не изменить стоимость золота, ибо в этой отрасли про-

мышленности нет внутренней конкуренции. Конкуренции же в этой отрасли нет потому, что на рынке не могло быть избытка золота, в силу «неограниченного спроса» банков — все золото принимается всегда банками по фиксированной (согласно монетной стопе) цене.

Все это приводит Варгу к явной ревизии марксовой теории стоимости по отношению к золоту. Правда, Варга ссылается на то, что вновь производимое золото составляет лишь малую часть мирового золотого запаса, пытается выйти из противоречия с Марксом и указывает, что золото имеет особую «историческую ценность», которая образовалась как синтез различных количеств труда, требовавшихся для производства золота в различные эпохи, и которая была фиксирована позже государством, по подобное обоснование постоянства стоимости золота независимо от изменений в технике производства опять-таки базируется на признании, что в золотопромышленности нет конкуренции.

Спрашивается теперь, — что должно быть в центре критики взглядов Варги?

Таким центром является очевидно, доказательство ошибочности его основных положений. Признание О. Бауэром этих положений крайне подорвало его позиции в споре с Варгой. Иначе, и более правильно, подошел к критике Варги Каутский. Он прямо взял быка за рога, начав с утверждения, что положение Варги об определении стоимости золота всегда худшими рудниками — ошибочно, Каутский при этом сослался на факты из истории добычи благородных металлов (отмеченный еще Смитом факт, что с открытием перуанских рудников большая часть серебряных рудников Европы была оставлена. Ценность серебра пала так низко, что продукт их уже не мог окупить издержек производства, и т. д.).

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс комментирует положение А. Смита, оспариваемое Рикардо:

«А. Смит ошибался в том, что он возводит в нормальное то исключительное состояние, когда над рынком господствуют богатейшие рудники и земельные участки. Но при такой предпосылке он рассуждает правильно, а Рикардо — неправильно». («Теория», т. II, ч. 2, с. 119—120). Каутский правильно указывает, что «исключительное состояние», при котором предположение Смита верно, состоит в том, что при разработке рудников переходят не от богатейших к беднейшим, а наоборот, т. е. именно то состояние, которое нас интересует (см. сборник, с. 149—150)¹.

Это положение Финна-Енотаевского целиком опровергает построение Варги.

Действительно, открытие новых, более богатых рудников приводит не к повышению дифференциальной ренты, а к ликвидации менее богатых приисков, к изменению стоимости золота, а факт конкуренции внутри золотопромышленности означает, что действие технических нововведений на стоимость золота не исключается; в итоге золото предстает перед нами как стоимость переменная в зависимости от изменения условий его производства — отсюда ясна ошибочность теории Варги об «исторической стоимости» золота.

На этом мы заканчиваем наши замечания по критике концепции Варги — Гильфердинга. Главное внимание следует обратить на ту положительную концепцию, которую Каутский противопоставляет Варге — Гильфердингу в вопросе о стоимости золота.

¹ На этом же вопросе останавливается и правильно его разрешает Финн-Енотаевский: «Теория (разделяемая и некоторыми марксистами: Гильфердинг, О. Бауэр, Варга), что ценность золота определяется всегда издержками производства на худших рудниках — ошибочна. Факты показывают обратное (Тауссиг, Каутский). Подтверждается правильность теории А. Смита—Маркса, по которой существует конкуренция капиталов и в н у т р и этой отрасли, и в зависимости от условий производства и сбыта демпингуют лучшие, худшие или средние предприятия» («Соц. хозяйство», 1927 г., № 1. «Ценность золота и покупательная сила денег»)

В статье «Изменение в условиях производства золота и меняющийся характер дороговизны», где Каутский развертывает свое построение, в центре его концепции находится вопрос: каков тот механизм, через посредство которого осуществляется для золота закон стоимости. Сначала Каутский рассматривает этот механизм в простом товарном производстве. Оказывается, что изменение в производительности или открытие новых, более богатых рудников, увеличивая добычу золота, приводит к росту спроса на товары и к такому изменению в товарных ценах, что соотношение между товаром и деньгами установится на уровне, соответствующем новой, понизившейся стоимости золота.

Дальше Каутский переходит к механизму осуществления закона стоимости по отношению к золоту в капиталистическом производстве. Оказывается, что при простом товарном производстве: «увеличение добычи золота вызывает дороговизну на товарном рынке, не оживляя в то же время производства товаров, иногда даже оттягивая рабочие силы от промышленности, и тем сокращая ее. При капиталистическом же производстве всякое увеличение спроса на товары вызывает стремление расширить производство — стремление, которому производственный процесс тотчас же охотно подчиняется» (с. 154).

Таково же действие на производственный процесс и того роста спроса, который вызывается увеличением добычи золота. Отсюда Каутский формулирует, что «при капиталистическом производстве расцвет, вызываемый растущим спросом, образует тот механизм, который приводит цены и нормы прибыли в соответствие с улучшенными условиями производства золота и который этим осуществляет для самого золота закон ценности» (с. 155).

Каутский сейчас же оговаривается, что не следует «смешивать смен подъема и упадка, связанных с изменениями в добыче золота, с подобными же явлениями, протекающими из десятилетнего, приблизительно, промышленного цикла»... (с. 158).

Оба движения скрещиваются и влияют друг на друга; при этом «особенно сильно влияет производство золота на цикл кризисом». Оказывается — по Каутскому, — что увеличение производства золота сокращает периоды кризиса и депрессии и способствует их преодолению.

Итак, осуществление закона стоимости по отношению к золоту требует того, чтобы динамика конъюнктуры капиталистического производства в целом отражала бы изменения в добыче золота. Что перед нами, так сказать, «монетарная» теория конъюнктуры, апофеоз владычества золота, о котором, действительно, не грезилось и пред-рассудкам монетной системы, что оговорки насчет десятилетнего цикла ничего не меняют в существе построения Каутского — показывает со всею убедительностью весь произведенный им анализ конъюнктуры капиталистического производства за XIX столетие.

Наряду с десятилетним циклом, Каутский устанавливает еще некие большие периоды подъема и упадка, выражающие изменения в добыче золота. Второе движение покрывает первое, превращает первое в свой придаток. «Монетарная» концепция конъюнктуры, надо сказать, приближает Каутского к многим современным буржуазным экономистам.

Но Каутский не останавливается на «экономическом» влиянии производства золота, он показывает нам также и его всемирно-историческое значение, роль изменений в его производстве для революционного движения. Он утверждает даже, что:

«И в сфере современного капитализма революционный пыл всего рабочего класса был ослаблен усиленным производством золота. На этот раз однако не надолго. За последние годы ожидания ревизионизма были жестоко обмануты. Есть ли у них надежда стать когда-либо опять на твердую почву?»

Ответ на этот вопрос теснейшим образом связан с тем, как, по нашим предположениям, пойдет дальше производство золота» (с. 171).

Совершенно ясно, что сам-то Каутский несколько не обманул ожидания ревизионистов своею концепцией ¹.

Сборник потрудился разбить «Капитал» и «К критике» на кусочки, чтобы помочь читателю ориентироваться в марксовой теории денег, и этого же читателя оставил плыть по воле ветра в труднейшем материале другой части сборника. Если еще в критике Варги — Гильфердинга он мог более или менее положиться на Каутского, то было бы очень плохо, если бы концепция самого Каутского хоть в чем-нибудь могла его убедить. Точка же зрения О. Бауэра неверна в своих исходных пунктах, о чем мы выше уже говорили.

Редакторам сборника следовало бы дать предисловие, ориентирующее читателя в этом материале, или (да это было бы желательнее и в интересах научной физиономии самого сборника) поместить хотя бы тезисы Финн-Енотаевского — «Стоимость золота и покупательная сила денег» или выдержки из его статьи «Вексельный курс и платежный баланс» (см. вып. 7 «Новых идей в экономике»), где тот читатель, на которого рассчитано «Приложение», мог бы получить некоторую ориентировку в дискуссии ².

Отдел о дороговизне следовало бы вообще расширить привлечением материала не только по вопросу о стоимости золота и дороговизне, но и о роли кредита и кредитной системы в ценообразовании. Еще до войны именно в явлениях кредита, в современной развитии кредитной системы Эгейтвеллер, напр., находил основную причину динамики цен (см. «Новые идеи в экономике», вып. 4). Современная постановка П. Фишером и др. буржуазными экономистами проблемы влияния кредитной системы на цены делает настоятельно необходимым привлечение соответствующего материала.

В итоге следует сказать, что выпуск обемистого сборника, ценою в 2 р. 50 к., который не подходит читателю «Приложения» и почти не может пригодиться читателю более подготовленному — может вызвать только недоумения. Признаемся, что не видим, чем эти недоумения могли бы быть рассеяны.

А. Петрищев

¹ Остается только удивиться, как мог т. Келер (см. «Вестник Комм. академии» № 31 (I), статья «Стоимость золота и последний рудник») два раза сослаться на разбираемую здесь статью Каутского, ни единым звуком не обмолвившись о своем отношении к общей концепции Каутского.

² По поводу указанного выше материала из работ Финн-Енотаевского, конечно, в свою очередь необходимо было бы сделать ряд замечаний, указать, напр., что он недостаточно показывает значение монополистической структуры капитализма как фактора высокого уровня цен, остановиться на употребляемом им термине «покупательная сила денег» и т. д.

КАТЕГОРИЯ РЫНОЧНОЙ ЦЕННОСТИ И ЕЕ МЕСТО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ МАРКСА ¹

ДОКЛАД В. Н. ПОЗНЯКОВА

Категории рыночной ценности, впервые упоминаемой Марксом в X главе III тома «Капитала», не повезло в нашей экономической литературе. В большинстве курсов политической экономии, во всевозможных комментариях учения Маркса рыночная ценность просто отождествляется с ценностью. Между тем такое отождествление приводит к невозможности решить ряд проблем политической экономии, в частности приводит к абсурдным выводам в теории ренты.

В 1922/23 г. развернулась дискуссия по вопросу об общественно-необходимом труде. Дискуссия эта, однако, ничего не дала, так как и та и другая сторона исходила из отождествления ценности и рыночной ценности. С точки зрения «технической» («производственной») версии величина ценности определяется затратой общественно-необходимого труда при общественно-необходимых технических условиях труда и не зависит от состояния общественной потребности и соотношения между производством и этой общественной потребностью. С точки же зрения «экономической» («потребительной») версии в понятие общественно-необходимого труда входит также и момент соответствия произведенной массы товара общественной потребности в данном товаре. Такое утверждение в конечном счете вело к отождествлению ценности и цены. С известным основанием можно сказать, что обе эти версии были по своему правы; обе они говорили о различных вещах: в то время как техническая версия говорила о ценности, экономическая версия говорила о рыночной ценности. Однако ошибки последней заключается в том, что представители ее, в частности т. Мендельсон, начав с констатирования отличия рыночной ценности от ценности, вернулись затем вновь к отождествлению этих категорий. Технической же версии в силу этого же отождествления пришлось говорить о неувязках и даже противоречиях у Маркса. Дискуссия не дала результата потому, что осталась неясной категория рыночной ценности.

Что же такое общественно-необходимый труд? Моменты, определяющие величину общественно-необходимого труда, ставятся Марксом в связи с моментами, определяющими степень производительности труда. Эти моменты могут быть разбиты на несколько групп. Если мы возьмем процесс труда как таковой, то мы находим здесь три фактора, определяющих производительность труда: это субъективный фактор производства — труд — и объективные факторы производства: «капитал» в буржуазном понимании этого слова, т. е. орудия труда и земля. Маркс подчеркивает различие этих моментов; так он говорит в одном месте о естественных условиях с одной стороны, а с другой — общественных и, далее, технологических факторах. Если мы будем оставаться в пределах процесса труда как такового, то никакого принципиального различия между этими факторами мы провести не сможем. Если же мы учтем общественную характеристику или социальную форму факторов производства, то вместе с тем мы должны будем констатировать принципиальное различие между трудом,

¹ Доклад в Институте экономики (РАНИОН) 29 марта и 11 апреля 1929 года. Дается в сокращенном изложении.

как субъективным фактором производства и прочими объективными факторами производства. С точки зрения производства вообще труд исчерпывается своим физиологическим содержанием, но как источник ценности труд выступает в качестве общественного труда, в качестве труда абстрактного. В капиталистическом обществе труд выступает в качестве труда наемного, но характеристика труда, создающего ценность, определяется не тем, что это труд наемный, а тем, что это труд общественный и притом специфически общественный труд. Если меняется производительность труда в силу ли изменений, лежащих на стороне субъективного или объективных факторов производства, меняется и ценность отдельного товара. Однако по отношению ко всей массе товаров данной отрасли это положение перестает быть верным. Здесь мы подходим таким образом к вопросу об абсолютной ценности. Проследившая ход мыслей Смита и Рикардо, мы должны признать, что хотя Смит и Рикардо и брали ценность, главным образом, как меновое отношение, однако, они знали уже и абсолютную ценность и по крайней мере говорили о ней. Однако Смит и Рикардо и вообще вся классическая школа не делали отсюда надлежащих выводов. Самое абсолютную ценность классики не могли рассматривать в виде чего-то относительного, не могли относить ее к совокупному общественному труду, как это делал Маркс. Незаконченность построений классиков вытекала здесь из непонимания ими характера труда, создающего ценность, из непонимания двойственного характера труда.

В трактовке абсолютной ценности Марксом заключается весь центр тяжести проблемы ценности. Совершенно неправильной представляется постановка вопроса, которая пытается свести ценность целиком к роли регулятора производства. Начав с регулирования, мы не сможем пойти дальше меновой ценности. Нужно не пачкаться с регулирования, а регулированием кончить: следует притти к нему, исходя из сущности ценности. Но эта сущность должна быть выведена независимо от этого регулирования. Прежде же чем перейти к вопросу, откуда следует выводить ценность, нужно остановиться на различии между методологическим путем, которым шли классики, и методологическим исходным пунктом Маркса. Каким образом пришел Рикардо к своему положению, что ценность товара определяется затратой труда при худших условиях? Перед ним был ряд товаров, произведенных в различных условиях, и вопрос сводился к тому, как от этих отдельных товаров перейти к общей цене. Точно такой же результат получится, если исходить не из отдельных товаров, а от отдельных видов труда, беря за отправный пункт отдельного индивида. Маркс подходит к вопросу совершенно иначе. Исходный пункт у него—общество, совокупная рабочая сила общества. Отдельный человек у Маркса выступает лишь как орган совокупного общественного труда и лишь постольку труд этого человека является общественно-необходимым трудом. Закон ценности, поэтому, мы должны вывести, исходя из целого, из совокупной рабочей силы, из общества, как это и делает Маркс. Лишь после этого мы придем к регулированию и поймем это регулирование как необходимую функцию закона ценности. Маркс исходит из совокупной массы труда и совокупной массы товаров и только отсюда переходит к отдельным отраслям, к распределению труда, к регулированию труда, проводя при этом четкое различие между ценностью и меновой ценностью.

Если мы поставим теперь вопрос: можно ли говорить о совокупной ценности всей совокупной массы товаров, то ответ на этот вопрос будет ответом и на вопрос: является ли теория Маркса теорией абсолютной ценности. Ответ же может быть только утвердительным. Неправильно говорить, что труд создает ценность. Ценность и есть труд. У Маркса на этот счет в I томе «Капитала» имеются определенные высказывания. Сводя ценность, или то содержание, которое проявляется в меновой ценности, к совокупному общественному труду, мы тем самым разрешаем проблему и с количественной стороны. Величина ценности определяется количеством общественного труда. Форма же проявления ценности заключается в том, что труд, образующий ценность, выступает в вещественном виде, в виде меновой ценности. Меновая ценность — это

видимость, а ценность — это сущность. Меновая ценность есть форма проявления имманентного содержания (ценности). Однако меновая ценность не только проявляет, но и замаскировывает содержание. Она может меняться как в результате изменения ценности самого товара, так и в результате изменения ценности эквивалента. При таком понимании абсолютной ценности о ценности единичного товара можно говорить только как о среднем арифметическом. Однако нельзя этого же сказать о меновой ценности товара, которая определяется различным образом. В частности здесь необходимо учесть значение субъективных и объективных факторов производства, влияние которых различно. В дискуссии между Коном и Рубиным по вопросу о среднем арифметическом позиция Кона представляется более правильной; однако ошибка его заключается в отождествлении ценности с рыночной ценностью. Поэтому, когда мы говорим о среднем арифметическом, мы говорим о ценности, рыночная же ценность может определяться и наихудшей затратой труда.

Начиная X главу III тома «Капитала», Маркс и имеет дело не с ценностью, а с меновой ценностью или даже с ценой, ибо выражение ценности в деньгах и есть цена. Но это — цена, которую Маркс называет «Wertpreis», что можно было бы перевести словами «ценностная цена», или «цена, совпадающая с меновой ценностью». В X главе перед Марксом встала задача показать, что категория цены производства отнюдь не уничтожает ценности, что сама цена производства представляет собою лишь превращенную форму, модификацию ценности и что средняя прибыль есть превращенная форма прибавочной ценности. Совершенно неправильно поэтому рассматривать ценность лишь как логический *prins*. Продажа товара по ценности представляет не только логический, но и исторический *prins*. Разбирая вопрос об уравнении нормы прибыли посредством конкуренции и говоря о перераспределении прибавочной ценности, Маркс показывает, что это перераспределение ни в какой мере не отменяет развитого им закона ценности. Здесь-то Маркс и переходит к рыночной ценности. Процесс перераспределения вовсе не является принципиально несовместимым с законом ценности. Этот процесс происходит даже в отдельных отраслях производства, где от конкуренции капиталов можно отвлечься, и процесс этот происходит таким образом, что ценность выступает в виде общественной или рыночной ценности.

Если мы теперь поставим вопрос, что же такое представляет собою та средняя рыночная цена, которая устанавливается в результате конкуренции, то ответ будет таков: «Эта средняя рыночная цена как раз и представляет общественную меновую ценность или рыночную ценность». Необходимо указать, что в III томе «Капитала» у Маркса имеются большие неточности в терминологии; в частности нередко под рыночной ценностью и ценностью нужно понимать просто цену. При буквальном понимании текста здесь неизбежны неправильные выводы. При анализе капиталистического общества, при анализе процесса конкуренции общие определения, развивавшиеся в I томе «Капитала», для Маркса уже недостаточны. В капиталистическом обществе мы неизбежно должны столкнуться с рыночной ценностью как категорией, выражающей то обстоятельство, что развитие капитализма есть процесс производства относительной прибавочной ценности, — процесс, предполагающий постоянную техническую революцию и, следовательно, изменение органического строения капитала. Если мы возьмем три основные случая, анализируемые Марксом в X главе, то увидим, что в первом случае, представляющем собой средние условия (именно те, которые предполагались Марксом в начале I тома «Капитала»), мы имеем совпадение рыночной ценности и ценности, что вполне естественно именно для этих средних условий. В случаях же, отклоняющихся от средних соотношений, вполне естественно, что рыночная ценность определяется либо лучшими, либо худшими условиями производства. И вот в то время, как экономическая версия общественно-необходимого труда говорила о влиянии потребности на величину общественно-необходимого труда, Маркс говорит о влиянии спроса на рыночную ценность. Если же далее при анализе второй стороны вопроса Маркс говорит уже об отклонении рыночной цены от рыночной цен-

ности, то это объясняется обычным методологическим приемом Маркса — отвлечением от всего того, что не является существенным для разрешаемой проблемы, а в данном случае, т. е. при исследовании спроса и предложения, вполне допустимо отвлечение от самого определения рыночной ценности, которая уже дана, каким бы способом она ни определялась.

С особенной остротой встала перед Марксом проблема рыночной ценности в теории ренты. В промышленности отклонения рыночной ценности от ценности носят переходящий характер, и всякое отклонение вследствие перелива капиталов вызывает движение, направленное к ликвидации этих отклонений. Что касается вопроса о сверхприбыли, то у Маркса имеются указания на то, что сверхприбыль эта создается не на предприятиях, ее получающих, а на других предприятиях и является лишь результатом перераспределения совокупной прибавочной ценности. То же самое относится и к земледелию с той лишь разницей, что здесь естественные различия условий производства представляют не временное явление, как в промышленности, а являются постоянным фактором. И здесь меновая ценность, представляющая собою выражение ценности, может выражать и нечто иное, а именно некую фиктивную ценность, социально обманчивую ценность. Так, продукт сельскохозяйственного труда, представляющий фактически 240 часов труда, обменивается на продукт промышленности, представляющий 600 часов труда. Рыночное выражение ценности обоих продуктов представляет 1 200 часов, где 360 часов представляет фиктивную ценность.

Теперь перед нами встает вопрос, можно ли считать рыночную ценность особой категорией, можно ли установить особый уровень средних рыночных цен, который в определенных случаях, при определенных условиях отражает особую рыночную ценность. Безусловно, наличие таких категорий мы установить можем. Обмен товаров в условиях развитого товарного обращения даст нам не только меновую ценность, но общественную меновую ценность, выражающую усложненные формы. Эта категория общественной меновой ценности и представляет собою рыночную ценность. В дискуссии об общественно-необходимом труде Мотылев указывал на увязки в X главе III тома «Капитала», где сперва говорится об отклонениях рыночной ценности, а затем об отклонении цен от рыночных ценностей. Однако в «Теориях» вопрос этот разработан Марксом вполне ясно и притом в применении как раз к рыночной ценности. Необходимо кроме того указать, что перевод в X главе в одном месте неточен. Маркс говорит «на данном базисе производительных сил», а переведено «при данном уровне». Мысль Маркса здесь сводится к тому, что пока рыночная ценность, идя кверху, не превышает индивидуальной ценности товара, произведенного при наилучших условиях (на данном базисе производительных сил), следует говорить о рыночной ценности, но если цена пошла еще выше, то мы имеем уже отклонение цены от рыночной ценности. Совершенно аналогичный случай мы имеем при различении Марксом абсолютной и монополярной ренты. Первая связана непосредственно с данным базисом производительных сил, включающих в себя наличие производства при худших условиях, вторая же связана с этим базисом через ряд промежуточных звеньев дальнейшего порядка — через конкуренцию, через спрос и предложение и т. д. Считаемся марксистским определением ценности хлеба количеством труда, который нужно затратить при наилучших условиях, представляет собой всего лишь точку зрения Рикардо; при этом стирается всякое различие между этим последним и Марксом. Рикардо для избежания противоречия должен был прийти к выводу, что ценность всех продуктов определяется количеством труда при наилучших условиях производства. Любимов, который принимает вышеуказанное определение ценности хлеба, приходит к дуализму в теории ценности, к тому, что в земледелии ценность определяется иначе, чем в промышленности. Правильное определение мы сможем дать в том случае, если скажем, что «при одной и той же затрате общественного труда на различных участках земли на лучших участках получается больше продуктов, а так как на рынке существует одна и та же мено-

вая ценность хлеба, то на лучших участках земли получается большая рыночная ценность». Маркс говорит о том, что каждый данный товар идет в счет лишь как средний экземпляр товаров данного рода. Маркс берет общую массу товаров и делит ее на количество товаров. При определении же ценности хлеба затратой труда при наилучших условиях у нас выпадает деление: мы производим только умножение. Если же мы начнем с деления и получим таким образом ценность товара, то перед нами будет индивидуальная ценность, т. е. ценность в строгом смысле слова или в смысле I тома «Капитала». Однако на рынке мы встречаемся с общественной и рыночной ценностью, которая может отличаться от индивидуальной ценности, а в сельском хозяйстве обычно и отличается. Дифференциальная рента есть разница между величиной рыночной ценности и действительной ценностью. Так как рыночная ценность есть фальшивая социальная ценность, то дифференциальная рента представляет собою ложную социальную ценность.

Неправильно далее мнение, что в «Капитале» и в «Теориях» даны два различные определения ренты. В «Теориях» вопрос разбирается лишь в более усложненном виде, там анализируются вместе и абсолютная и дифференциальная рента; и вместо цены производства здесь приходится говорить уже о ценности или о рыночной ценности. Неправильно далее взгляд, что абсолютная рента одинакова с разных участков земли. Абсолютную ренту следует относить не к земле, а к капиталу; поэтому если вкладываются одинаковые капиталы в разные по величине участки, то на единицу площади абсолютная рента будет понятно неодинакова.

Абсолютная рента есть рента с худшего участка, определяемая разницей между ценностью и ценой производства. Она выводится таким образом из индивидуальной ценности. На лучших же участках мы имеем кроме этого и дифференциальную ренту. Узвязка этих двух положений может идти лишь по линии различения ценности и рыночной ценности. Таким образом и к сфере сельскохозяйственного производства применим тот же принцип, тот же закон, который действует в остальных сферах производства. Рыночная ценность есть таким образом общественная меновая ценность; по из самой формы общественной меновой ценности неизбежно вытекает самостоятельное движение, которое порождает фиктивную ценность; последнюю нужно отличать от ценности.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ

Тов. Лаптев И. В политической экономии проблема рыночной стоимости является до настоящего времени неразгаданным иероглифом, но я думаю, что доклад т. Познякова дает достаточный материал, чтобы сказать, что эта проблема находится в стадии своего разрешения.

Проблема поставлена следующим образом: в земледелии имеются три сорта различных по плодородию участков, на которых произведена одинаковая затрата капитала, допустим, в 100 ф. стерл. Необходимо дать ответ: если на этих участках благодаря различию в их плодородии производится разное количество продуктов, то спрашивается — будет ли одинаковой стоимость каждой единицы этих продуктов. Тов. Любимов отвечает на этот вопрос утвердительно. Общественно-необходимым трудом в земледелии, по его мнению, является труд, затраченный на худших участках. На остальных участках хотя и меньше затрачено труда на единицу продукта, но это меньшее количество труда выступает, как большое количество труда, так как общественно-необходимым трудом является труд, затрачиваемый на участках худших. Следовательно, если бы спросили, откуда получается дифференциальная рента с лучших участков, то т. Любимов бы ответил: из труда, который затрачен на производство продуктов лучшего участка, из труда, который фактически затрачен в меньшем количестве на единицу продукта, чем на участке худшем, но выступает, как общественно-необходимый труд, т. е. соответственно количеству труда, затраченного на единицу продукта на худшем участке.

Ошибочность позиции т. Любимова состоит в том, что для Маркса при анализе ренты индивидуальная стоимость продукта выражает общественно-необходимый труд; Маркс, говоря об индивидуальной стоимости единицы продукта на разных участках, имел в виду действительную стоимость. С этой точки зрения выходит, что стоимость продуктов на всех трех участках будет равна сумме индивидуальных стоимостей. Но если стоимость продуктов со всех трех участков равна сумме индивидуальных стоимостей, то встает проблема об источнике дифференциальной ренты, которую нельзя разрешить по-любововски. На лучших и средних участках нехватает индивидуальных стоимостей для того, чтобы иметь сверхприбыль, как источник дифференциальной ренты. Разрешение проблемы об источнике дифференциальной ренты упирается в проблему рыночной стоимости.

Рыночная стоимость отличается от стоимости тем, что рыночная стоимость в отдельных отраслях производства может быть выше или ниже или совпадать с суммой индивидуальных стоимостей. Когда мы говорим о земледелии и предполагаем, что рыночная стоимость определяется индивидуальной стоимостью продуктов худшего участка, то рыночная стоимость выражает большое количество общественно-необходимого труда, затраченного в земледелии. Но эта рыночная стоимость представляет известное количество общественно-необходимого труда, поэтому недостающее количество общественно-необходимого труда должно быть взято из других отраслей производства. Если в какой-либо отрасли производства рыночная стоимость определяется индивидуальной стоимостью продуктов, произведенных при лучших условиях, тогда рыночная стоимость будет выражать меньшее количество общественно-необходимого труда, затраченного в этой отрасли.

Однако в целом обществе сумма рыночных стоимостей всегда равна сумме действительных стоимостей. Это равенство сохраняется и во время кризиса, и тогда сумма рыночных стоимостей во всем обществе не делается ниже суммы действительных стоимостей. В таком случае происходит лишь падение цены ниже стоимости. А рыночная стоимость не тождественна с ценой. Следует всегда четко различать, как особые категории, стоимость, рыночную стоимость, цену производства и рыночную цену.

Тов. Позняков правильно поставил вопрос, что постоянное определение стоимости с.-х. продуктов затратой труда на худших участках, это — рикардианская точка зрения. Но следует идти дальше. По Марксу, в противоположность Рикардо, и цены с.-х. продуктов не всегда определяются стоимостью продуктов с наихудших участков. Маркс отмечал неоднократно, что Рикардо односторонне понимал дифференциальную ренту, потому что он сводил определение цены с.-х. продуктов к одному указанному случаю. Конечно, Маркс не отрицал того случая, что цены могут регулироваться стоимостью продуктов с худших участков. Но он всюду напоминает о правомерности такого случая только при условии, когда на худших участках вырабатывается значительная часть хлеба, поступающего на рынок, когда эти участки являются в данное время наиболее распространенными. Допустим, что из 100 единиц с.-х. продуктов худшие участки дают 10 единиц. Будут они определять рыночную цену или не будут? Рикардо дал бы на этот вопрос утвердительный ответ, Маркс — отрицательный. По Марксу является одинаково возможным и закономерным, что цены регулируются стоимостью продуктов худших, средних и лучших участков в зависимости от того, насколько те или другие из них являются распространенными.

При такой постановке вопроса нет никаких оснований утверждать, что источник дифференциальной ренты целиком находится вне земледельческой прибавочной стоимости, что земледелие эксплуатирует промышленность (точка зрения т. Шанина). Источник дифференциальной ренты следует искать прежде всего в том факте, что внутри земледелия происходит перераспределение прибавочной стоимости между различными участками.

Тов. В. Богданов. Основная ошибка т. Познякава заключается в том, что он крайне преувеличивает роль и значение рыночной стоимости в экономической системе Маркса. Он хочет доказать, что все основные проблемы теории стоимости решаются только при условии принятия его концепции. Доказательство этого «всемирно-исторического» значения рыночной стоимости покушается, однако, ценой совершенно неверного освещения ряда основных и элементарных положений теории стоимости.

Прежде всего т. Позняков исходит из различия стоимости и меновой стоимости, при чем последняя становится у него регулятором конкретного процесса ценообразования, первая же оказывается простым выражением факта кристаллизации труда в определенном товаре, не имеющего никакого отношения к механизму обмена и распределения. Против такого построения необходимо возразить самым решительным образом. Во-первых, т. Позняков становится в этом случае на точку зрения Дая, Бем-Баверка, Зомбарта и др., считающих марксову теорию (в отличие от классиков) исключительно теорией абсолютной стоимости. Во-вторых, т. Позняков не учитывает многократного и настойчивого подчеркивания Марксом «относительного характера самого абсолютного выражения стоимости». Эта относительность заключается по Марксу в том, что труд кристаллизованный в товаре, только через свое отнесение ко всему общественному труду становится определяющим стоимостью фактором. Категория общественно-необходимого труда должна быть отнесена следовательно к величине «абсолютной» стоимости, а не меновой. Далее, значительная часть первого отдела первого тома «Капитала» (развитие форм стоимости, процесс обмена, деньги) посвящена выяснению того, каким образом отношения труда находят свое адекватное выражение в отношениях обмена. Деньги с точки зрения Маркса являются единством меновой стоимости и стоимости, как непосредственное выражение абсолютного труда. Все это доказывает, что Марк считал необходимым связать стоимость с ценой, не только «качественно», но и количественно. Напомню наконец, что Энгельс, отвечая Зомбарту, склонному также понимать марксову теорию, как теорию абсолютной стоимости, не имеющую отношения к ценообразованию, указывал, что при таком понимании не может быть объяснена норма прибыли, которая выводится Марксом из прибавочной стоимости, т. е. из «абсолютной стоимости». По т. Познякову все старания Маркса и Энгельса связать стоимость с обменом и распределением являются, однако, напрасной и бесполезной тратой сил.

Обосновывая свою точку зрения, т. Позняков ссылаясь здесь на известное письмо Маркса к Кугельману, посвященное тому, что «знает всякий ребенок». По мнению т. Познякава это письмо нужно толковать так, что стоимость есть выражение необходимости во всяком обществе пропорционального распределения труда, рыночная же стоимость является конкретной исторической формой, в которой эта пропорциональность осуществляется. Но в таком случае для докладчика неизбежен вывод, что закон абсолютной стоимости есть закон трудовых затрат. Отсюда стоимость необходимо превращается в логическую категорию, а рыночная стоимость в простые издержки производства. Вот тот итог, к которому сводится концепция т. Познякава.

Тов. Позняков критиковал здесь рубинское понимание связи стоимости с обменом. В этом я с ним вполне согласен. У т. Рубина данная связь доказывается тем простым фактом, что всякое изменение производительности труда в какой-то степени ведет к изменению меновых пропорций. Это конечно скорее тавтология, чем доказательство.

В то время, однако, как Рубин спасается от разрыва путем социологизации «абсолютной» стоимости, т. Позняков не считает необходимым прикрыться даже этим, в данном случае фиговым, листочком.

Тов. Островитянов, К. Рыночная стоимость, которую выдвигает т. Позняков в качестве самостоятельной категории, совпадает у него в одних случаях с рыночной ценой, в других — с меновой стоимостью, в третьих — с ценой производства. Путаница эта происходит потому, что рыночной стоимости, как самостоя-

тельной категории не существует в системе Маркса. Она выдумана т. Позняковым для того, чтобы доказать, что закон стоимости применим также и к сельскому хозяйству, хотя это может быть доказано и без создания особой категории рыночной стоимости. Маркс нигде не говорит о рыночной стоимости, как об особой категории, отличной от стоимости. Везде, где Маркс употребляет этот термин, он противопоставляет рыночную стоимость стоимости индивидуальной, причем последнюю он понимает совсем не так, как понимает ее т. Позняков. Тов. Позняков под индивидуальной стоимостью понимает стоимость, устанавливающуюся внутри данной отрасли производства, между тем как Маркс под индивидуальной стоимостью понимает стоимость, определяемую индивидуальными затратами труда на данном предприятии, в противоположность общественной стоимости, определяемой общественно-необходимым временем.

Неправильно, далее, утверждение т. Познякова, что в определении общественно-необходимого труда, данном в I томе «Капитала», Маркс учитывает только субъективные факторы производства — затрату трудовой энергии. Между тем на самом деле Маркс говорит не только о затрате трудовой энергии, но и об «общественно-нормальных условиях производства», а общественно-нормальные условия производства включают в себя и технику предприятий. Общественно-необходимое время, по Марксу, есть время, которое всегда ближе к технике предприятий, выпускающих наибольшую массу продуктов. Поэтому никакого принципиального противоречия между определением стоимости в промышленности и в сельском хозяйстве не существует. Если и в промышленности стоимость продукта может в известных случаях определяться условиями производства наихудших предприятий, то почему же стоимость продуктов сельского хозяйства не может определяться условиями производства наихудших земель? Различие заключается только в том, что в силу специфических условий земледелия стоимость с.-х. продуктов, как правило, определяется условиями пропаводственно-худших земель. Оспаривая то положение, что дифференциальная рента возникает вследствие большей производительности труда на более плодородных участках, т. Позняков тем самым вступает в противоречие с категорией относительной прибавочной стоимости, развитой в первом томе «Капитала», где Маркс прямо говорит о том, что относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительности труда.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО В. Н. ПОЗНЯКОВА

Если рыночная ценность является фиктивной ценностью, то это еще вовсе не значит, что она является фикцией. Мы имеем такие явления, как напр., фиктивный капитал, однако вряд ли кто станет отрицать реальность его существования. Если подходить к вопросу так, как это делает т. Островитянов, то очень легко приписать Марксу тьму противоречий. Не прав т. Островитянов в рассмотрении производительности труда и ее влияния на прибавочную ценность. У Маркса прямо сказано, что ценность прямо пропорциональна количеству затраченного труда и обратно пропорциональна производительности труда. Производительная сила труда у Маркса не имеет никакого отношения к производимой данным количеством труда ценности. Иначе придется прийти к теории производительности капитала. Переходя к возражениям, сделанным т. Богдановым, следует указать, что в докладе мною все время подчеркивалась специфическая общественная форма, в которой выступает труд, и подчеркивался именно относительный, а не абсолютный характер ценности. Ценность должна быть отождествлена с трудом, но с трудом — это подчеркивалось — специфически общественным. В вопросе о ценности постановка была такова: нужно ли исходить из распределения труда, или мы должны вывести ценность не из распределения труда, а из определенной формы общества и уже затем попятить закон ценности как регулятор такого распределения. Маркс в десятках мест говорит, что

не было бы никакого распределения, никакого регулирования, если бы цены не отклонялись от ценности. Нельзя далее ставить во главу угла меновые отношения и пытаться вывести из менового отношения имманентное содержание общественного труда. Вопрос, который был поставлен в докладе,— это вопрос с совпадением меновых отношений с тем, что они выражают: но тем самым становится понятным и несоответствие, которое вытекает из самой формы менового отношения. Здесь мы и сталкиваемся с рыночной ценностью как с самостоятельной категорией.

Далее, т. Лаптев говорил, что цена в сельском хозяйстве определяется точно так же, как и в промышленности. Но это не верно. В докладе говорилось не о цене, а о ценности. Что касается поднятого т. Лаптевым вопроса об одинаковом уровне прибавочной ценности в промышленности и в земледелии, то здесь дело заключается в том, что источником дифференциальной ренты является общий фонд прибавочной ценности.

Маркс подчеркивает, что предметом его исследования является капиталистический процесс производства и что этот последний является единством процесса производства вообще и его капиталистической формы. Политическая экономия и изучает единство, притом изучает не только форму, но и то, каким образом возможно движение вещей внутри этой формы и как оно ею обуславливается; материально-технический процесс производства является предпосылкой известной системы производственных отношений и их движений но с другой стороны он является и их результатом.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

СТАТЬИ

Мендельсон, А.—Кон'юнктура в условиях переходного периода	3
Петров, А.—Проблема статистического изучения воспроизводства в СССР . .	17
Карапетов, И.—К вопросу о стоимости и цене в хозяйстве связи	34
Герценштейн, А.—Новый труд Вернера Зомбарта	48
Блюмин, П.—Теория Шпанна	68

Т Р И Б У Н А

Кон, А.—Б. Борилин как критик	87
Гурвич, Э.—К критике основных методологических положений концепции И. Рубина	122

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Казарин, Ал.—И. Г. Марков.—Ж. Б. Сэй	137
Позняков, В.—Островитянов, К. «К вопросу о земельной ренте» в советском хозяйстве	139
Мотольянский, С.—«Города-сады — города будущего»	146
Петрищев, А.—Сборник «Деньги и денежное обращение в освещении марк- сизма»	152

Н А У Ч Н А Я Ж И З Н Ъ

Доклад В. Н. Познякова «Категория рыночной ценности и ее место в экономи- ческой системе Маркса»	157
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Москва, ГСП 10, ул. Фрунзе, 10, тел. 5-71-38, 3-37-40, 2-38-97

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
ПРОСПЕКТ

ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

ЛИТЕРАТУРА
ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ
ВОПРОСАМ

КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ С АННОТАЦИЯМИ

ВЫСЫЛАЕТСЯ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ

КРАТКИЙ ТОРГОВЫЙ
КАТАЛОГ ИЗДАНИЙ

ПЕЧАТАЕТСЯ